

Неконституционность рабства

Лизандер Спунер

The Unconstitutionality of Slavery

Lysander Spooner

Электронная книга проекта "Гутенберг" о неконституционности рабства

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Неконституционность рабства

Автор: Лизандер Спунер

Дата выхода: 31 марта 2010 г. [Электронная книга № 31844]

Последнее обновление: 6 января 2021 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Кертис Вейант, Грэм Макрет и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <https://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print Project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "НЕКОНСТИТУЦИОННОСТЬ РАБСТВА"

THE НЕКОНСТИТУЦИОННОСТЬ РАБСТВА.

АВТОР: ЛИЗАНДЕР СПУНЕР.

БОСТОН:
ОПУБЛИКОВАНО БЭЛОЙ МАРШЕМ,
№ 25 cornhill.
1845.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1845 году Лизандером Спунером в канцелярии окружного суда Массачусетса.

Антирабовладельческая пресса Доу и Джексона.

Содержание.

- —ЧТО ТАКОЕ ЗАКОН?
- —ПИСЬМЕННЫЕ КОНСТИТУЦИИ,
- —КОЛОНИАЛЬНЫЕ ХАРТИИ,
- —КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ,

- —ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ,
- —КОНСТИТУЦИИ ШТАТОВ 1789 ГОДА.
(Значение слова "Свободный")
- —СТАТЬИ КОНФЕДЕРАЦИИ,
- —КОНСТИТУЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ,
- —НАМЕРЕНИЯ КОНВЕНЦИИ,
- — ПРАКТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА,
- —ПОНИМАНИЕ НАРОДА,
- —КОНСТИТУЦИИ ШТАТОВ 1845 ГОДА,
- — ДЕТИ РАБОВ РОЖДАЮТСЯ СВОБОДНЫМИ,

НЕКОНСТИТУЦИОННОСТЬ РАБСТВА

ГЛАВА I.

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОН?

Прежде чем рассматривать формулировки Конституции в отношении рабства, давайте ознакомимся с принципами, в силу которых *закон* вытекает из тех конституций и договоров, по которым люди соглашаются создавать правительство.

Для этого необходимо дать определение термину *закон*. Популярное мнение очень расплывчато и неопределенно как относительно истинного определения права, так и относительно принципа, в силу которого право вытекает из договоров человечества друг с другом.

Что же тогда такое Закон? Я имею в виду тот закон, который и только который судебные инстанции морально обязаны провозглашать и поддерживать при любых обстоятельствах?

Отвечая на этот вопрос, я попытаюсь показать, что закон - это понятный принцип права, неизбежно вытекающий из природы человека, а не произвольное правило, которое может быть установлено простой волей, численностью или властью.

Чтобы определить, верно ли это утверждение, мы должны взглянуть на *общее* значение термина *закон*.

Истинное и общее значение этого - это тот *естественный*, постоянный, неизменяемый принцип, который управляет любой конкретной вещью или классом вещей. Этот принцип является *строгоестественным*; и этот термин применим ко всем *естественным* принципам, будь то ментальные, моральные или физические. Таким образом, мы говорим о законах разума, подразумевая под ними те *естественные*, универсальные и необходимые принципы, в соответствии с которыми разум действует или которыми он управляется. Мы говорим также о моральном законе; который является всего лишь универсальным принципом морального обязательства, вытекающим из природы людей и их отношений друг к другу и к другим вещам — и, следовательно, столь же неизменен, как и природа людей. И только потому, что он неизменяем по своей природе и универсален в своем применении, он называется законом. Если бы он был изменяемым, частичным или произвольным, это не было бы законом. Таким

образом, мы говорим о физических законах; о законах, например, управляющих солнечной системой; о законах движения, законах тяготения, законах света и т. Д., И т. Д. — Также о законах, управляющих растительным и животным царствами во всех их различных областях; среди которых можно назвать, например, тот, что подобное порождает подобное. Если бы действие этого принципа не было единообразным, универсальным и необходимым, он не был бы законом.

Таким образом, Закон, применяемый к любому объекту или вещи, означает *естественный*, неизменный, универсальный принцип, управляющий таким объектом или вещью. Любое правило, не существующее в природе вещей или не являющееся постоянным, универсальным и негибким в своем применении, не является законом, согласно любому правильному определению термина "закон".

Что же тогда является тем *естественным*, универсальным, беспристрастным и непреклонным принципом, который при любых обстоятельствах *обязательно* устанавливает, детерминирует и управляет гражданскими правами людей? Те права личности, собственности и т.д., которыми обладает одно человеческое существо в отличие от других человеческих существ?

Я определяю это как просто *правило, принцип, обязанность или требование естественной справедливости*.

Это правило, принцип, обязательство или требование естественной справедливости берет свое начало в естественных правах индивидов, неизбежно вытекает из них, всегда имеет их в виду как свою цель, обеспечивает их осуществление и запрещает их нарушение. Это также обеспечивает все те приобретения собственности, привилегий и притязаний, на которые люди имеют *естественное* право с помощью труда и контракта.

Таково истинное значение термина "закон" применительно к гражданским правам людей. И я сомневаюсь, что можно дать какое-либо другое определение закона, которое окажется правильным в каждом или обязательно в любом возможном случае. Сама идея закона берет свое начало в естественных правах человека. Нет другого стандарта, кроме естественных прав, по которому можно было бы оценивать гражданское право. Законом всегда называлось то правило или принцип справедливости, которое защищает эти права. Таким образом, мы говорим о *естественном праве*. Естественное право, по сути, составляет большую часть права, которое *якобы* применяется судебными инстанциями: и так должно быть всегда с необходимостью, поскольку невозможно предвидеть и тысячную долю возникающих случаев, чтобы принять для них специальный закон. Везде, где случаи не были таким образом предвидены, преобладает естественное право. Таким образом, мы с политической и судебной точек зрения *признаем* принцип права как исходящий из природы и прав человека. Признавая его исходящим из природы человека, мы признаем его как принцип, который по необходимости столь же неизменен и нерушим, как природа человека. Мы также точно так же признаем беспристрастность и универсальность его применения.

Таким образом, если закон является естественным принципом, неизбежно вытекающим из самой природы человека и способным быть уничтоженным или измененным только путем уничтожения или изменения природы человека, то из этого с необходимостью следует, что он должен иметь более высокую и непреклонную обязательность, чем любое другое правило поведения, которое может попытаться установить произвольная воля любого человека или

группы людей. Конечно, ни одно правило не может быть столь высоким, универсальным и непреклонным обязательством, как то, которое, при соблюдении, обеспечивает права, безопасность и свободу всех.

Таким образом, естественный закон является высшим законом. И, будучи высшим законом, это обязательно единственный закон: поскольку он применим ко всем возможным случаям, которые могут возникнуть в связи с правами людей, любой другой принцип или норма, которые произвольно применялись бы к этим правам, неизбежно вступали бы с ним в противоречие. И поскольку чисто произвольное, частичное и временное правило по необходимости должно быть менее обязывающим, чем естественное, постоянное, равное и универсальное, то произвольное правило в действительности вообще не становится обязывающим, когда эти два правила вступают в столкновение. Следовательно, нет и не может быть, правильно выражаясь, *никакого закона, кроме естественного*. В любом случае, нет никакого другого принципа или правила, применимого к правам мужчин, которое было бы обязательным по сравнению с этим. И этот естественный закон есть не что иное, как правило естественной справедливости, которое проистекает либо непосредственно из естественных прав людей, либо из таких приобретений, на которые они имеют *естественное* право, либо из таких контрактов, на заключение которых они имеют *естественное* право.

Естественное право признает действительность всех контрактов, на заключение которых люди имеют *естественное* право и которые справедливость требует исполнения: таких, например, как контракты, которые дают эквивалент за эквивалент и в то же время согласуются с моралью, естественными правами людей и теми правами собственности, привилегий и т.д., которые люди имеют естественное право приобретать трудом и по контракту.

Следовательно, естественное право, поскольку оно признает естественное право людей заключать обязательные договоры, допускает формирование правительства, основанного на договоре, каковым являются все наши правительства. Но для того, чтобы государственный контракт мог быть действительным и законным, он должен предполагать, что в нем нет ничего, противоречащего естественной справедливости и естественным правам человека. Оно не может законно уполномочить правительство уничтожать или отнимать у людей их естественные права, поскольку естественные права неотчуждаемы и не могут быть переданы правительству — которое является всего лишь объединением индивидов — в большей степени, чем отдельному человеку. Они являются необходимым атрибутом природы человека, и он не может расстаться с ними — перед правительством или каким-либо другим органом, — как и с самой своей природой. Но государственный контракт может законно санкционировать принятие мер, не противоречащих естественной справедливости, для лучшей защиты естественных прав человека. И это законная и истинная цель правительства. А правила и статуты, не противоречащие естественной справедливости и естественным правам человека, если они приняты таким правительством, обязательны на основании контракта для тех, кто является сторонами контракта, который создает правительство и уполномочивает его принимать правила и статуты для достижения своих целей.^[1]

Но естественное право проверяет государственный контракт и объявляет его законным или незаконным, обязательным или недействительным по тем же правилам, по которым оно проверяет все другие контракты между людьми. Контракт на создание правительства, будучи не чем иным, как добровольным договором между индивидами для их взаимной выгоды, ничем

существенным для его действительности не отличается от любого другого контракта между человеком и человеком или между нацией и народом. Если два человека заключают договор о незаконном проникновении на чужую территорию, краже, ограблении или убийстве третьего, этот договор является незаконным и ничтожным просто потому, что это договор, направленный на нарушение естественной справедливости или естественных прав человека. Если две нации заключают договор о том, что они объединятся для грабежа, порабощения или уничтожения третьей, то этот договор является незаконным, ничтожным и ни к чему не обязывающим просто потому, что он противоречит справедливости и естественным правам человека. По тому же принципу, если большинство, каким бы многочисленным оно ни было, населения страны заключает правительственный договор, называемый конституцией, в соответствии с которым они соглашаются помогать, подстрекать или совершать какую-либо несправедливость, или уничтожать или посягать на естественные права любого лица или личностей вообще, независимо от того, являются ли такие лица участниками соглашения или нет, этот правительственный договор является незаконным и ничтожным — и по той же причине, по которой договор между двумя нациями с аналогичной целью или контракт того же характера между двумя лицами является незаконным и ничтожным. Такой государственный контракт не имеет моральной санкции. Он не наделяет законными полномочиями тех, кто назначен управлять им. Она не предоставляет никаких юридических или моральных прав и не налагает никаких юридических или моральных обязательств на людей, которые являются ее участниками. Единственные обязанности, которыми любой человек может быть обязан перед ним или перед правительством, созданным под предлогом его авторитета, - это неповиновение, сопротивление, разрушение.

Судебные органы, действующие на основании этого незаконного договора или конституции, обязаны наравне с другими людьми объявить его и все несправедливые акты, принятые правительством во исполнение него, незаконными и недействительными. Эти судебные инстанции не могут, принимая должность при правительстве, избавиться от той первостепенной обязанности, которая лежит на всех людях, заявить, если они что-либо заявляют, что справедливость есть закон; что правительство не может иметь никаких законных полномочий, кроме тех, которыми оно наделено по законному договору; и что незаконный контракт на создание правительства так же незаконен и ничтожен, как и любой другой контракт на совершение несправедливости.

Никакие клятвы, которые могут давать судебные или другие должностные лица, выполнять и поддерживать незаконный контракт или конституцию правительства, не являются каким-либо моральным обязательством. Давать такие клятвы аморально, а выполнять их - преступно. Они, как с точки зрения морали, так и закона, подобны клятвам, которые отдельные пираты, воры и бандиты дают своим сообщникам в качестве гарантии их верности целям, ради которых они объединились. Ни один человек не имеет морального права давать такие клятвы; они не налагают никаких обязательств на тех, кто их дает; они не дают морального оправдания официальным действиям, самым по себе несправедливым, совершаемым во исполнение них.

Если эти доктрины верны, то те правительственные договоры штата и нации, которые мы называем конституциями, недействительны и незаконны в той мере, в какой они предполагают санкционировать (если какой-либо из них действительно санкционирует) что-либо, нарушающее естественную справедливость или естественные права любого человека или класса людей вообще. И все судебные инстанции связаны самыми высокими обязательствами,

которые могут на них лежать, заявить, что эти контракты во всех подобных деталях (если таковые имеются) являются недействительными и не являются законом. И все агенты, законодательные, исполнительные, судебные и народные, которые добровольно оказывают свою помощь в достижении любой из незаконных целей правительства, в такой же степени лично виновны согласно всем моральным и правовым принципам, которыми измеряется преступность в ее сущностном характере, как если бы они совершали те же действия независимо и по собственной воле.

Таков истинный характер и определение права. И все же, вместо того, чтобы быть допущенным к обозначению, как это происходит в действительности, этого естественного, универсального и негибкого принципа, который берет свое начало в природе человека, везде идет в ногу с правами человека, являясь их щитом и защитником, одинаково связывает правительства и людей, взвешивает по одному стандарту действия сообществ и отдельных лиц и имеет первостепенное значение в своей обязательности по отношению к любым другим требованиям, которые могут быть предъявлены к людям — вместо того, я говорю, чтобы термину "закон" было позволено обозначать, как это действительно происходит, этот неизменный и главенствующий принцип естественной справедливости, который стал применяться к простым произвольным правилам поведения, предписываемые отдельными лицами или комбинациями лиц, самозванными правительствами, которые не имеют иного права на прерогативу установления таких правил, кроме как обладание достаточной физической властью для принуждения к подчинению им.

Несправедливость этих правил, какой бы ощутимой и чудовищной она ни была, не помешала их авторам присвоить им название *закона*. И, что гораздо более достойно сожаления, таково было суеверие людей и таково их слепое преклонение перед физической силой, что эта несправедливость не открыла им глаза на различие между законом и силой, между священными требованиями естественной справедливости и преступными притязаниями необузданного эгоизма и власти. Таким образом, они не только допустили, чтобы имя закона украли и применили к преступлению как прикрытие для сокрытия его истинной природы, но и оказали преступлению почтение и повиновение под именем закона, пока само название закона, вместо того, чтобы обозначать в их сознании непреложный принцип права, не стало означать немногим больше, чем произвольное распоряжение властью, без ссылки на ее справедливость или несправедливость, невинность или преступность. И теперь самые преступные приказы, если их окрестить именем закона, вызывают почти такое же, а часто и более быстрое повиновение, чем сам закон и правосудие. Это суеверие со стороны людей, которое, таким образом, позволило силе и преступлению узурпировать имя и занять трон справедливости и закона, вряд ли может сравниться по своей грубости даже с тем суеверием, которое в темные века мира позволяло лжи, абсурду и жестокости узурпировать имя и трон религии.

Но я знаю, что предпринимались попытки дать другие определения права, сильно отличающиеся от приведенного мной, — определения, которые практически в значительной степени применяются в наших судебных инстанциях и во всех правительственных ведомствах. Но, тем не менее, все эти другие определения сами по себе являются неопределенными, расплывчатыми, изменчивыми; и поэтому они не могут быть стандартами, на основании которых может быть определен вопрос о праве или его отсутствии. Закон, как он определяется ими, является капризным, произвольным, нестабильным; не основан на каком-либо фиксированном

принципе; не вытекает из какого-либо установленного факта; допускает лишь ограниченное, частичное и произвольное применение; не обладает внутренним авторитетом; сам по себе не признает никаких моральных принципов; не обязательно наделяет или даже признает за отдельными лицами какие-либо моральные или гражданские права; или налагает на них какие-либо моральные обязательства.

Например. Одно из этих определений — то, которое, вероятно, охватывает суть всех остальных, — таково:

Что "закон - это правило гражданского поведения, предписываемое верховной властью государства, предписывающее, что должны делать его подданные, и запрещающее то, что они должны запрещать". *Ной Вебстер*.

В этом определении едва ли что-либо существенное для идеи права определено. Давайте посмотрим. Там говорится, что,

"Закон - это правило гражданского поведения, предписываемое *верховой властью* государства".

Что такое "высшая сила", о которой здесь говорится как об источнике закона? Это высшая физическая сила? Или наибольшая концентрация физической силы, независимо от того, существует ли она в одном человеке или в сочетании людей? Таково, несомненно, ее значение. И если таково его значение, то закон неопределенен; ибо часто бывает неопределенно, где или в каком человеке или группе людей в государстве сосредоточено наибольшее количество физической силы. Всякий раз, когда государство было бы разделено на фракции, ни одна из которых не имела бы верховенства над всеми остальными, закон был бы не просто неэффективен, но фактически был бы уничтожен сам принцип права. И у мужчин не было бы "правил гражданского поведения". Одного этого результата достаточно, чтобы осудить это определение.

Еще раз. Если физическая мощь является источником закона, то закон и сила - синонимичные термины. Или, возможно, скорее, закон был бы результатом сочетания воли и силы; воли, объединенной с физической мощью, достаточной для принуждения к повиновению, но не обязательно имеющей какой-либо моральный характер вообще.

Готовы ли мы признать принцип, согласно которому нет реального различия между законом и силой? Если нет, мы должны отвергнуть это определение.

Верно, что во многих случаях закон может зависеть от силы как средства его практической эффективности. Но являются ли, таким образом, закон и сила идентичными по своей сути?

Согласно этому определению, приказ творить несправедливость также является таким же законом, как и приказ творить справедливость. Все, что необходимо, согласно этому определению, для превращения приказа в закон, - это чтобы он исходил из воли, подкрепленной физической силой, достаточной для принуждения к повиновению.

Снова. Если простой воли и власти самих по себе достаточно для установления закона — легитимного закона — такого закона, который судебные инстанции морально связаны или даже имеют моральное право применять, — то отсюда следует, что где бы воля и власть ни были объединены и продолжают объединяться до тех пор, пока они не добьются успеха в достижении

какой-либо конкретной цели, на которую они направлены, они составляют единственное законное право в данном случае, и судебные инстанции не могут признавать никакого другого.

И в соответствии с этим принципом не имеет значения, обнаруживается ли такое сочетание воли и силы у отдельного человека или у сообщества из ста миллионов индивидуумов.— Соответствующие числа не меняют правило — в противном случае закон был бы результатом чисел, а не "верховой власти". Следовательно, для соответствия этому определению достаточно, чтобы мощност была равна достижению цели. И, следовательно, воля и могущество одного человека столь же правомочны устанавливать закон применительно к любым действиям, которые он способен совершить, как воля и могущество миллионов людей устанавливать закон применительно к любым действиям, которые они способны совершить.

Таким образом, исходя из этого принципа, что простая воля и власть компетентны установить закон, который должен управлять действием, без ссылки на справедливость или несправедливость самого действия, воли и власти любого отдельного человека совершить кражу было бы достаточно, чтобы сделать кражу законной, столь же законной, как и любой другой акт несправедливости, для совершения которого могут быть объединены воля и сила сообществ или больших групп людей. И судебные трибуналы в такой же степени обязаны признавать законным любой акт несправедливости или преступления, в совершении которого могли преуспеть воля и сила отдельного человека, как они обязаны признавать законным любой акт несправедливости, который могут совершить большие и организованные группы людей, самозванные правительства.

Но, возможно, кто—то скажет, что обоснованность этого определения зависит от использования слова "государство" - и что, следовательно, в нем проводится различие между "высшей властью *государства*" над конкретным действием и властью отдельного человека над тем же действием.

Но это добавление слова "государство" на самом деле оставляет определение именно там, где оно было бы без него. Ибо что такое "государство"? Это именно то, и только то, что воля и власть отдельных людей могут произвольно установить.

В природе, характере или границах "государства" нет ничего *фиксированного*. Воля и власть могут изменять их по своему усмотрению. Воля и могущество Николая, и те воля и могущество, которые он сосредоточил вокруг или, скорее, внутри себя, устанавливают всю Россию, как в Европе, так и в Азии, как "государство". По тому же правилу воля и власть владельца акра земли могут учредить этот акр как штат и сделать его волю и власть на некоторое время верховными и законными в нем.

Также воля и власть, которые вчера основали "государство", сегодня могут быть побеждены враждебной волей и властью, которые упразднят это государство и включают его в состав другого, над которым эта последняя воля и власть сегодня будут "верховными". И эта последняя воля и сила также могут быть завтра побеждены еще одной волей и силой, более могущественными, чем они.

Таким образом, "состояние" не является чем-то фиксированным, перманентным или определенным по своей природе. Это просто границы, в пределах которых любая отдельная комбинация или концентрация воли и власти эффективны или непреодолимы *на данный момент*.

Это единственное верное определение, которое можно дать "государству". Это всего лишь произвольное название, данное территориальным границам власти. И если таков его истинный характер, то отсюда следует, что границы, хотя и площадью всего в два квадратных фута, в пределах которых воля и власть отдельного индивида являются, *на данный момент*, высшими или непреодолимыми, являются, для всех *юридических* целей, "государством" — и его воля и власть составляют на данный момент закон в этих пределах; и его действия, следовательно, на данный момент столь же обязательно законны, независимо от присущей им справедливости или несправедливости, как и действия более крупных групп людей, в тех пределах, где их воля и могущество вышши и непреодолимы.

Если, таким образом, закон действительно является тем, чем его делает это определение, просто "правилом гражданского поведения, предписываемым верховной властью государства", то из этого следует, как необходимое следствие, что закон является синонимом просто воли и силы, где бы они ни сочетались и успешно ни действовали, на данный момент.

Согласно этому определению, закон не дает постоянных гарантий безопасности, свободы, прав или счастья кого-либо. Он разрешает все возможные преступления, насилие и несправедливость, как со стороны правительств, так и отдельных лиц. Это определение, очевидно, было изобретено и подходит лишь для того, чтобы замаскировать цели произвольной власти. Поэтому мы вынуждены отвергнуть его и искать другой, который сделает закон менее капризным, менее неопределенным, менее произвольным, более справедливым, более безопасным для прав всех, более постоянным. И если мы ищем другого, то где мы его найдем, если только не примем тот, который был дан первым, а именно *этот закон является правилом, принципом, обязательством или требованием естественной справедливости?*

Примите это определение, и закон станет простым, понятным, научным; всегда согласующимся с самим собой; всегда гармонирующим с моралью, разумом и истиной. Отвергните это определение, и право перестанет быть наукой, превратившись в хаос грубых, противоречивых и произвольных указов, не имеющих отношения ни к морали, ни к справедливости, ни к разуму, ни к истине, мимолетных и капризных, как импульсы воли, интереса и власти.

Если, таким образом, закон действительно есть не что иное, как правило, принцип, обязанность или требование естественной справедливости, то из этого следует, что правительство не может обладать никакими полномочиями, кроме тех, которые отдельные лица могут *по праву* делегировать ему: что никакой закон, несовместимый с естественными правами людей, не может вытекать из какого-либо договора или соглашения правительства: *что конституционный закон при любой форме правления состоит только из тех принципов писаной конституции, которые согласуются с естественным правом и естественными правами человека; и что любые другие принципы, которые могут быть выражены буквой любой конституции, недействительны. и это не закон, и все судебные инстанции обязаны объявить их таковыми.*

Хотя эта доктрина может внести печальный хаос в конституции и своды законов, тем не менее, это закон. Она устанавливает и детерминирует реальные права всех людей; и ее требования столь же властны, как и любые другие, которые могут существовать под именем закона.

Возможно, что эта доктрина сохранила бы достаточно наших существующих конституций, чтобы избавить наши правительства от необходимости создания новой организации. Но что бы

еще оно ни пощадило, одного оно не пощадит. Оно не пощадит и следа той системы человеческого рабства, которая сейчас утверждает, что существует на основании авторитета закона.[2]

[1] Очевидно, что законодательство в этой стране не может иметь более высокого авторитета, чем тот, который вытекает из естественного права и обязательств по контрактам: поскольку наши конституции - это всего лишь контракты, и законодательство, которое они санкционируют, конечно, не может иметь никакого другого или более высокого авторитета, чем сами конституции. Ручей не может подняться выше фонтана. Следовательно, идея о какой-либо врожденной власти или суверенитете наших правительств как таковых или о каком-либо неотъемлемом праве большинства ограничивать отдельных лиц посредством произвольных нормативных актов в осуществлении любого из их естественных прав является таким же явным обманом, как идея божественного права королей на царствование или любая другая из доктрин, на которых были основаны произвольные правительства. И идея о какой-либо необходимой или неотъемлемо присущей законодательству власти как таковой, конечно, в равной степени является обманом. Если законодательство соответствует естественной справедливости и естественным или неотъемлемым обязательствам государственного контракта, оно обязательно; если нет, то нет.

[2] Масса людей настолько привыкла рассматривать закон как произвольный приказ тех, кто управляет политической властью, что идея о том, что это *естественный*, фиксированный и неизменный принцип, возможно, нуждается в какой-то иной поддержке, кроме уже приведенных рассуждений, чтобы рекомендовать его к принятию. Поэтому я привожу им следующие подтверждения из источников самого высокого авторитета.

"Юриспруденция — это наука о том, что справедливо и несправедливо". -*Юстиниан*.

"Первичными и принципиальными объектами закона являются права и неправомерные действия".—*Блэкстоун*.

"Справедливость — это постоянное стремление воздавать каждому по заслугам". -*Юстиниан*.

"Заповеди закона заключаются в том, чтобы жить честно; никому не причинять вреда; воздавать каждому должное". —*Юстиниан и Блэкстоун*.

"Закон. Правило и скрепление действий людей; или это правило для правильного управления гражданским обществом — давать каждому человеку то, что ему принадлежит". -*Юридический словарь Джейкоба*.

"Законы произвольны, или позитивны, и естественны; последние из которых по сути справедливы и добродетельны и обязательны везде, где они соблюдаются. * * * * Те, которые являются естественными законами, исходят от Бога; но те, которые произвольны, являются должным образом человеческими и позитивными институтами". —*Селден о Фортескью, С. 17, также Юридический словарь Джейкоба*.

"Закон природы — это то, что Бог при сотворении человека вложил в него для его сохранения и направления; и это вечный закон, и он не может быть изменен". -2 Глава 356, также *Иак. Закон диктует*.

"Все законы черпают свою силу из законов природы; а те, которые этого не делают, считаются не имеющими законов". — *Фортескью. Лас. Закон диктует.*

"Ни один закон не допустит, чтобы конструкция поступала неправильно; и есть некоторые вещи, которые закон одобряет, а некоторые ему не нравятся; он отдает предпочтение тем вещам, которые проистекают из естественного порядка вещей". — *1 Часть 183, 197.—Иак. Закон диктует.*

"О законе нельзя признать ничего меньшего, чем то, что ее престол - это лоно Бога, а ее голос - гармония мира. Все на небесах и на земле воздает ей должное; наименьшее — потому, что чувствует ее заботу, а величайшее - потому, что не освобождено от ее власти". - *Хукер.*

"Этот закон природы, будучи ровесником человечества и продиктованный самим Богом, конечно, превосходит по обязательности любой другой. Он обязателен для всего земного шара, во всех странах и во все времена: никакие человеческие законы не имеют никакой силы, если они противоречат этому; и те из них, которые являются действительными, черпают всю свою силу и весь свой авторитет, опосредованно или непосредственно, из этого оригинала ". — *Блэкстоун, Том 1, стр. 41.*

Мистер Кристиан, один из редакторов журнала Blackstone, в примечании к приведенному выше отрывку говорит:

"Лорд Главный судья Хобарт также заявил, что даже акт парламента, направленный против естественной справедливости, поскольку он заставляет человека судить по его собственному делу, сам по себе недействителен, поскольку *jura naturæ sunt immutabilia*, и они являются *законами закона*" — (законы природы неизменны — они законы законов.) — *Хобарт. 87.*

Затем мистер Кристиан добавляет:

"С уважением к этим высоким властям (Блэкстоуну и Хобарту), Я полагаю, что судья ни в коем случае не может противопоставлять свое собственное мнение и авторитет четкой воле и заявлению законодательной власти. В его компетенцию входит толкование мандатов высшей власти штата и подчинение им. И если парламентский акт, если мы могли бы предположить такой случай, должен, подобно эдикту Ирода, предписывать умерщвление всех детей моложе определенного возраста, судья должен скорее сложить свои полномочия, чем способствовать его исполнению; но он может быть признан недействительным только той же законодательной властью, которой он был предписан. Если бы судебная власть была компетентна решать, что акт парламента недействителен, поскольку он противоречит естественной справедливости, при подаче апелляции в Палату лордов это несоответствие стало бы следствием того, что как судьи они должны объявить недействительным то, что они приняли как законодатели, должно быть действительным.

"Сам ученый судья (Блэкстоун) заявляет на стр. 91: "Если парламент положительно примет решение, которое является неразумным, я не знаю никакой силы в обычных формах конституции, которая была бы наделена полномочиями контролировать это".

Из этого примечания мистера Кристиана видно, что он согласен с мнением о том, что постановление, противоречащее естественной справедливости, *по своей сути* является недействительным, а не законом; и что основная, если не единственная трудность, которую он

видит в проведении этой доктрины, является трудностью, характерной для британской конституции, и не существует в Соединенных Штатах. Трудность заключается в том, что "непоследовательность" возникла бы, если бы Палата лордов (которая является высшим судом Англии и в то же время одной из ветвей законодательной власти) объявила в своем качестве судей недействительным акт, который, как законодатели, они объявили действительным. И это, вероятно, причина, по которой Блэкстоун признал, что он не знал о какой-либо силе в обычных формах (британской) конституции, которая была бы наделена полномочиями контролировать неразумный акт парламента (противоречащий естественной справедливости). Но в Соединенных Штатах, где судебная и законодательная власть возложена на разные органы и где они наделены ею именно для того, чтобы заставить первые сдерживать вторые, такого несоответствия не возникло бы.

Конституции, которые были приняты в Соединенных Штатах, и дискуссии по их разработке - все это свидетельствует о важности, которую наши предки придавали отделению судебной власти от исполнительной и законодательной ветвей правительства. И все же выгоды, которые они обещали свободе и справедливости от этого разделения, были реализованы лишь в незначительной, если вообще какой-либо степени.—Хотя законодательство страны в целом демонстрирует немногим меньшее, чем полное пренебрежение как к естественному правосудию, так и к конституционной власти, в отчетах судебной власти, тем не менее, вряд ли можно найти случай, когда акт законодательного органа по любой из этих причин был признан недействительным соответствующим судебным департаментом. Были случаи, очень редкие, когда суды Соединенных Штатов объявляли акты законодательных органов штатов неконституционными. Но история координирующих ведомств тех же правительств показывает, что судебная санкция следовала за законодательным актом почти с такой же безошибочной уверенностью, как тень следует за сутью. Следовательно, судебные решения оказывали такое же влияние на ограничение действий законодательных органов, какое тени оказывают на ограничение действий органов власти.

Почему происходит такое единообразное совпадение судебной власти с законодательной? Это потому, что разделение между ними номинальное, а не реальное. Судебные органы получают свои должности и заработную плату из рук исполнительной и законодательной властей и подчиняются только законодательной власти в силу своего официального характера. Они сделаны полностью независимыми от людей в целом (высшими интересами которых являются свобода и справедливость) и полностью зависимыми от тех, у кого слишком много интересов, несовместимых со свободой и справедливостью. Если бы произошло реальное и полное отделение судебной власти от других ведомств, мы могли бы надеяться, что их решения в какой-то мере сдержали бы узурпацию законодательной власти и способствовали прогрессу в науке права и государственного управления.

Мы не можем наверняка знать, отказался бы кто-нибудь из наших нынешних судей (как предполагает мистер Кристиан) "от своих должностей" вместо того, чтобы помогать исполнению законодательного акта, который, подобно эдикту Ирода, должен требовать умерщвления всех детей моложе определенного возраста. Но одно мы точно знаем — что наши судьи до сих пор не проявляли намерения покинуть свои должности, чтобы избежать объявления закона, согласно которому "дети в возрасте двух лет и младше" могут быть навсегда лишены родительской защиты, которая является их правом по рождению, и пожизненно подвергаться

надругательствам, которые все цивилизованные люди должны рассматривать как худшие, чем смерть.

Чтобы обратиться к нашим властям:—

"Те человеческие законы, которые приравнивают наказание к убийству, нисколько не увеличивают его моральную вину и не накладывают на форум совести каких-либо новых обязательств воздерживаться от его совершения. Более того, если какой—либо человеческий закон позволит или повелит нам совершить это, мы обязаны нарушить этот человеческий закон, иначе нам придется оскорбить как естественное, так и божественное ". -*Блэкстоун, Т. 1, стр. 42, 43.*

"Право наций полностью зависит от норм *естественного права* или от взаимных договоров, лиг и соглашений между этими несколькими сообществами; при составлении этих договоров нам также не к чему прибегать, кроме закона природы: (это) единственный закон, которому в равной степени подчиняются все сообщества". —*Блэкстоун, Том 1, стр. 43.*

"Таким образом, те права, которые установлены Богом и природой и поэтому называются естественными правами, такими как жизнь и свобода, не нуждаются в помощи человеческих законов, чтобы быть более эффективно возложенными на каждого человека, чем они есть; и они не получают никакой дополнительной силы, когда муниципальные законы объявляют их неприкосновенными. Напротив, ни один человеческий законодательный орган не имеет права ограничивать или уничтожать их, если только владелец сам не совершит какое—либо действие, которое равносильно конфискации". -*Блэкстоун, Том 1, стр. 54.*

"Под абсолютными правами индивидов мы подразумеваем те, которые являются таковыми в их первичном и самом строгом смысле; такие, которые принадлежали бы их личности просто в естественном состоянии и которыми каждый человек имеет право пользоваться как вне общества, так и внутри него". —*Блэкстоун, Т. 1, с. 123.*

"Основная цель общества (правительства) состоит в том, чтобы защищать индивидов при осуществлении тех абсолютных прав, которыми они были наделены непреложными законами природы; но которые не могли бы быть сохранены в мире без той взаимной помощи и общения, которые достигаются институтом дружественных и социальных сообществ. Отсюда следует, что первой и первостепенной целью человеческих законов является поддержание и регулирование этих абсолютных прав индивидов. Такие права, которые являются социальными и относительными, являются результатом формирования государств и обществ и предшествуют им; так что сохранение и регулирование их, очевидно, является последующим рассмотрением. И поэтому основной целью человеческих законов является или всегда должно быть объяснение, защита и обеспечение соблюдения таких абсолютных прав, которые сами по себе немногочисленны и просты; и затем таких прав, которые являются относительными, которые, проистекая из множества связей, будут гораздо более многочисленными и сложными. Они займут больше места в любом своде законов, и, следовательно, может показаться, что им уделяется больше внимания, хотя на самом деле это не так, чем правам первого рода ".—*Блэкстоун, Том 1, стр. 124.*

"Абсолютные права человека, рассматриваемого как свободный деятель, наделенный способностью отличать добро от зла и способностью выбирать те меры, которые кажутся ему наиболее желательными, обычно суммируются в одном общем названии и называются

естественной свободой человечества. Эта естественная свобода, собственно говоря, заключается в праве действовать так, как человек считает нужным, без каких—либо ограничений или контроля, кроме как по закону природы, являющемуся правом, присущим нам от рождения, и одним из даров Бога человеку при его сотворении, когда он наделил его способностью свободной воли ". -*Блэкстоун, Т. 1, с. 125.*

"Моральная или естественная свобода (по словам Бурламаки, ч. 3, с. 15) - это право, которое природа дает всему человечеству распоряжаться своей личностью и имуществом так, как они считают наиболее соответствующим их счастью, при условии, что они действуют в рамках закона природы и что они никоим образом не злоупотребляют им в ущерб другим людям". — *Записка Кристиана, Блэкстоун, том 1, стр. 126.*

Все приведенные выше определения закона, прав и естественной свободы, хотя некоторые из них выражены в несколько расплывчатых и неопределенных терминах, тем не менее, признают основную идею, что закон является неизменным принципом, вытекающим из естественных прав людей; и что, следовательно, признание и обеспечение естественных прав отдельных лиц составляют всю основу права как науки *инепременное условие* правительства как легитимного института.

И все же писатели в целом, признающие истинную теорию правления и права, тем не менее, при обсуждении вопросов законодательства будут постоянно нарушать фундаментальные принципы, которые они излагают. Под каким-нибудь предлогом содействия великому общественному благу нарушение прав личности будет оправдано в конкретных случаях; и если однажды нарушен принцип хранителя, то ничто не сможет остановить вторжение целой орды предлогов для того, чтобы творить несправедливость; и с этого момента правительство и законодательство становятся соперничеством между группировками за власть и грабеж, а не инструментами сохранения свободы и справедливости в равной степени для всех.

Нынешняя доктрина о том, что частные права должны уступать общественному благу, на самом деле сводится ни к чему иному, как к тому, что индивид или меньшинство должны согласиться иметь меньше своих прав, чтобы другие индивиды или большинство могли иметь больше своих прав. Исходя из этого принципа, никакое честное правительство никогда не могло быть сформировано на основе добровольного договора (как утверждают наши правительства), потому что ни один здравомыслящий человек не согласился бы быть одним из ограбленного меньшинства, и ни один честный человек не мог бы пожелать быть одним из грабящего большинства.

Извинения, которые постоянно выдвигаются за несправедливость правительства, а именно за то, что человек должен согласиться отказаться от некоторых из своих прав, чтобы защитить другие свои права, заключают в себе явный абсурд, как юридический, так и политический. Это абсурд в законе, потому что он гласит, что закон должен быть нарушен в одних случаях, чтобы он мог соблюдаться в других. С политической точки зрения это абсурд, потому что отказ человека от одного из своих прав никоим образом не способствует защите других. Напротив, это только делает его менее способным защитить себя и, следовательно, делает задачу его защиты более обременительной для правительства. В то же время это ставит его в положение человека, который уступил часть своих прав и, таким образом, принижает характер всех его прав в глазах тех, у кого он просит помощи. Было бы столько же оснований утверждать, что человек должен согласиться на то, чтобы ему связали одну руку за спиной, чтобы его друзья

могли защитить остальную часть его тела от врага, сколько и утверждать, что человек должен отказаться от части своих прав, чтобы правительство могло защитить остальное. Дайте человеку возможность пользоваться обеими руками и всеми своими правами, и тогда он будет более компетентен в собственной защите; его права будут более уважаться теми, кто в противном случае был бы склонен посягать на них; он будет меньше нуждаться в помощи и защите других; и нам потребуется гораздо меньше правительства, чем у нас есть сейчас.

Если люди решают создать ассоциацию или правительство для взаимной защиты прав друг друга, зачем торговаться за защиту *неопределенной* части из них ценой предоставления самой ассоциации свободы нарушать столь же неопределенную часть? По такому контракту человек действительно отказывается от всего и ничего не обеспечивает. Такой правительственный контракт был бы пародией на мудрость ослов. Такой контракт никогда не заключался и никогда не будет заключен *добровольно*. Тем не менее, все наши правительства действуют по этому принципу; и в той мере, в какой они действуют в соответствии с ним, они настолько узурпаторны и тираничны, насколько это вообще возможно. Если человек оплачивает свою долю совокупных затрат на защиту всех прав каждого из членов ассоциации, он тем самым приобретает право требовать от ассоциации защиты его собственных прав без ущерба.

Окончательная истина по этому вопросу заключается в том, что человек имеет неотъемлемое право на столько личной свободы, сколько он будет использовать, не вторгаясь в права других. Эта свобода является неотъемлемым правом его натуры и способностей. Это неотъемлемое право его натуры и способностей - свободно развиваться, не испытывая ограничений со стороны других натур и способностей, которые не имеют превосходящих прерогатив по сравнению с его собственными. И это право имеет только тот предел, а именно, что он не заходит в осуществлении своей собственной свободы так далеко, чтобы ограничивать или посягать на столь же свободное развитие природы и способностей других. Разделительная черта между равными свободами каждого из них никогда не должна нарушаться ни одним из них. Этот принцип является основой и сущностью закона и гражданского права. А законное правительство формируется добровольным объединением индивидов для взаимной защиты каждого из них при пользовании этой естественной свободой от тех, кто может быть склонен посягать на нее. Каждый индивид, будучи обеспеченным в пользовании этой свободой, должен затем взять на себя ответственность за свое собственное счастье и благополучие. Если его нужды требуют большего, чем позволяют его способности, он должен полагаться на добровольную доброту своих собратьев; если только он не доведен до той крайности, когда необходимость самосохранения превзойдет все абстрактные правила поведения и установит закон на этот случай - крайность, которая, вероятно, никогда бы не наступила, если бы не какая-то предшествующая несправедливость.

ГЛАВА II.

ПИСАНИЕ КОНСТИТУЦИИ.

Принимая как должное, что теперь показано, что никакие правила гражданского поведения, несовместимые с естественными правами людей, не могут быть законно установлены правительством или, следовательно, обязательны в качестве закона ни для народа, ни для судебных инстанций, давайте теперь приступим к проверке законности рабства с помощью тех

писанных конституций правительства, которые судебные инстанции фактически признают авторитетными.

Однако, проводя это исследование, я не буду настаивать на принципе предыдущей главы, согласно которому не может быть закона, противоречащего естественному праву; но ради аргументации признаю, что такие законы могут существовать. Я лишь утверждаю, что при толковании всех законодательных актов и конституций должны соблюдаться обычные юридические правила толкования. Наиболее важным из этих правил и тем, на которое необходимо будет постоянно ссылаться, является то, что все формулировки должны толковаться строго в пользу естественного права.— Правило изложено Верховным судом Соединенных Штатов в следующих словах, а именно:

"Там, где нарушаются права, где ниспровергаются фундаментальные принципы, где нарушается общая система права, намерение законодательства должно быть выражено *с непреодолимой ясностью*, чтобы побудить суд предположить умысел, направленный на достижение таких целей".[3]

Из этого изучения письменных конституций, вероятно, явствует, что рабство не имеет, *и никогда не имело* никакого конституционного существования в этой стране; что оно всегда было простым злоупотреблением, поддерживаемым, во-первых, просто общим согласием сильнейшей стороны, без какого-либо закона по этому вопросу, и, во-вторых, несколькими неконституционными актами, принятыми вопреки самым простым положениям их основного закона.

Для более удобного рассмотрения этого пункта мы разделим конституционную историю страны на три периода; первый охватывает время от первого заселения страны до Провозглашения независимости; второй охватывает время от Провозглашения независимости до принятия Конституции Соединенных Штатов в 1789 году; и третий охватывает все время с момента принятия Конституции Соединенных Штатов.

Давайте теперь рассмотрим первый период, то есть от заселения страны до провозглашения независимости.

[3] Соединенные Штаты *против* Фишер, 2 Крэнча, 390.

ГЛАВА III.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ХАРТИИ.

Когда наши предки прибыли в эту страну, они принесли с собой общее право Англии, включая судебный приказ о *хабеас корпус* (основным принципом которого, как будет показано ниже, является отрицание права собственности у человека), суд присяжных и другие великие принципы свободы, которые преобладали в Англии и которые сделали невозможным, чтобы по ее земле ступала нога раба.

Эти принципы были включены во все хартии, предоставленные колониям (если бы все эти хартии были похожи на те, которые я исследовал, а я исследовал почти все из них.) — Общие положения этих хартий, как будет видно из выдержек, приведенных в примечании, заключались в том, что законы колоний должны "быть не противными или противоречащими, но, насколько позволяют обстоятельства, соответствовать законам, статутам и правам нашего королевства Англии".[4]

Эти хартии были основными конституциями колоний, за некоторыми несущественными исключениями, вплоть до революции; точно так же, как наши национальные конституции и конституции штатов теперь являются основными законами наших правительств.

Авторитет этих хартий в период их действия и общий авторитет общего права до революции были признаны Верховным судом Соединенных Штатов.[5]

Ни одна из всех этих хартий, которые я изучил — а я изучил почти все из них, — не содержала ни малейшего намека на то, что рабство имело или могло иметь какое-либо законное существование в соответствии с ними. Таким образом, рабство в колониях было таким же неконституционным, как и в Англии.

Суд королевской скамьи Англии — главным судьей был лорд Мэнсфилд — постановил до нашей революции, и в то время как английские хартии были основным законом колоний, что принципы английской свободы были настолько явно несовместимы с рабством, что даже если рабовладелец из другой части света привозил своего раба в Англию — хотя и только с временной целью и без намерения оставаться — он, тем не менее, тем самым давал рабу свободу.

До этого решения привилегия ввозить рабов в Англию во временных целях и увозить их с собой долгое время допускалась.

Это решение было вынесено в 1772 году.[6] И насколько я вижу, это было одинаково обязательно в этой стране, как и в Англии, и должно было освободить каждого раба в этой стране, если бы вопрос тогда был поднят здесь. Но раб не знал своих прав, и некому было задать ему этот вопрос.

Тот факт, что рабство *допускалось* в колониях, не является доказательством его законности; поскольку рабство в определенной степени допускалось в Англии (как мы уже видели) в течение многих лет, предшествовавших только что упомянутому решению, то есть владельцам рабов из—за границы разрешалось привозить своих рабов в Англию, удерживать их во время их пребывания там и забирать их, когда они уезжали. Но терпимость к этой практике не делала ее законной, несмотря на все обычаи, не противоречащие явно и грубо принципам английской свободы, которые имеют большой вес в Англии при установлении закона.

Тот факт, что Англия *терпела* (т.е. Не наказывала уголовно) африканскую *работорговлю* в то время, не мог юридически установить рабство в колониях, *не больше, чем это было в Англии* — особенно вопреки позитивным требованиям хартий, согласно которым колониальное законодательство должно соответствовать разуму, а не противоречить законам Англии.

Кроме того, простая терпимость к *торговле* рабами не могла сделать само рабство — *право собственности на человека* — законным где бы то ни было; даже на борту невольничьего

корабля. Терпимость к неправомерным действиям не является законом. И особенно терпимость к неправомерным действиям (т. е. Простое бездействие при уголовном наказании за них) не узаконивает права человека на собственность, полученную в результате такого неправомерного действия. Даже если неправомерное действие вообще может быть легализовано, чтобы позволить кому-либо приобрести права собственности в результате такого неправомерного действия, это может быть сделано только с помощью четкого и позитивного положения.

Английские законы о работорговле (насколько я видел) никогда не пытались узаконить право собственности на человека, *ни в одной из тринадцати североамериканских колоний*. Сомнительно, пытались ли они когда-либо сделать это где-либо еще. Также сомнительно, имел ли парламент полномочия — или, возможно, скорее, несомненно, что у них не было полномочий — легализовать это где бы то ни было, если бы они попытались это сделать.^[7] И осторожная и любопытная фразеология их законов по этому вопросу ясно указывают на то, что они сами либо сомневались в своих силах легализовать их, либо боялись ими воспользоваться. Поэтому они предпочли потворствовать рабству, намекать, интимизировать и подразумевать свое одобрение этого, вместо того, чтобы рисковать утвердительным актом, объявляющим, что один человек может быть собственностью другого. Но лорд Мэнсфилд сказал в случае с Сомерсетом, что рабство *"настолько отвратительно, что в его поддержку нельзя допустить ничего, кроме позитивного закона"*. — Такой позитивный закон (я полагаю) никогда не принимался парламентом — конечно, не в отношении какой-либо из этих тринадцати колоний.

Статут 1788 года (который я не видел) в отношении *торговли* рабами, возможно, в определенных случаях освободил тех, кто этим занимается, от уголовной ответственности за это деяние. Но есть большая разница между законом, который должен просто ограждать человека от наказания за преступление, и законом, который должен легализовать его право на имущество, приобретенное преступлением. Кроме того, этот закон был принят после разделения между Америкой и Англией и, следовательно, ничего не мог сделать для легализации рабства в Соединенных Штатах, даже если бы он легализовал его в английских доминионах.

Статуты 1750 года (23, George 2d, гл. 31), возможно, косвенно разрешали (насколько парламент мог это санкционировать) колониальным правительствам (если их можно было назвать правительствами) *на этом побережье Африки* разрешать рабство при определенных обстоятельствах *и в пределах "поселений" на этом побережье*. Но, если это и произошло, то это было в лучшем случае предоставлением чисто местных властей. Это не давало полномочий перевозить рабов с африканского побережья. Но даже если бы он недвусмысленно подразумевал разрешение работорговли из Африки в Америку и легализацию права собственности на конкретных рабов, впоследствии привезенных из Африки в Америку, он, тем не менее, ничего не сделал бы для легализации права собственности на рабов, которые были привезены в колонии и родились в них в течение ста тридцати лет до принятия статута. Следовательно, ни статут, ни какое-либо право собственности, приобретенное в соответствии с ним (в отношении отдельных рабов, впоследствии вывезенных из Африки), ничего не помогут для законности рабства в этой стране в настоящее время; потому что потомков тех, кого вывезли из Африки в соответствии с законом, теперь нельзя отличить от потомков тех, кто в течение ста тридцати предыдущих лет содержался в рабстве без закона.

Но предполагается, что даже после принятия этого закона в 1750 году, если бы *право собственности* работорговца на раба, которого он привозил в Америку, могло быть передано в английский суд для вынесения судебного решения, к нему применялись бы те же принципы, что и к делу, возникшему на острове Великобритания. И поэтому английские суды всегда должны были исходить из того (в соответствии с решением по делу Сомерсета), что работорговец не имел законного права собственности на своего раба. И если работорговец не имел законного права собственности на своего раба, он не мог передать законное право собственности покупателю в колониях. Следовательно, рабство тех, кто был привезен в колонии после статута 1750 года, было столь же незаконным, как и рабство тех, кто был привезен раньше.^[8]

Вывод из всего этого таков, что до тех пор, пока против них не появится какая-либо причина, мы связаны решением королевской скамьи в 1772 году и колониальными хартиями. В этом решении говорилось, что в то время в Англии не существовало права собственности на человека (несмотря на то, что английское правительство долгое время потворствовало работорговле.) — Колониальные хартии требовали, чтобы законодательство колоний соответствовало разуму, а не противоречило, но соответствовало, насколько позволяли обстоятельства, законам, статутам и правам королевства Англии. Таким образом, это решение, если оно было правильным, устанавливало закон как для Англии, так и для колоний. А если так, то до революции в колониях не было *конституционного* рабства.

^[4] Вторая хартия Вирджинии (1609) предоставляет право издавать "приказы, постановления, конституции, указания и инструкции", "так что всегда, насколько это удобно, указанные законы, постановления и процедуры согласуются с законами, статутами, правительством и политикой этого нашего королевства Англии".

Третья хартия (1611-12) наделила "Общий суд" "властью" "издавать законы и постановления", "чтобы они всегда не противоречили законам и статутам нашего королевства Англии".

Первая хартия Каролине (включая как Северную, так и Южную Каролину), датированная 1663 годом, разрешала принятие законов в соответствии с этим условием — "При условии, тем не менее, что указанные законы соответствуют разуму и, насколько это может быть удобно, согласуются с законами и обычаями нашего королевства Англии".

Во второй хартии (1665 г.) есть это положение. "При условии, однако, что упомянутые законы будут созвучны разуму и, насколько это может быть удобно, согласуются с законами и обычаями нашего королевства Англии".

Хартия Джорджии (1732 г.) через сто лет после фактического существования рабства в Вирджинии не упоминает о рабстве, но требует, чтобы законы были "разумными и не противоречащими законам этого нашего королевства". "Указанная корпорация должна и может формировать и подготавливать законы, статуты и постановления, подходящие и необходимые для правительства указанной колонии и касающиеся его, и не противоречащие законам и статутами Англии".

Хартия Мэриленду давала право издавать законы, "Чтобы, тем не менее, вышеупомянутые законы были созвучны разуму и не были противными или противоречащими, но (насколько это удобно) соответствовали законам, статутам, обычаям и правам этого нашего королевства Англии".

Хартия, выданная сэру Эдварду Плоудену, содержала это условие. "Итак, тем не менее, вышеупомянутые законы должны быть созвучны разуму, а не противоречить (но настолько удобны, насколько это может быть удобно для рассматриваемого вопроса) законам, статутам, обычаям и правам наших королевств Англии и Ирландии".

В хартии Пенсильвании было предоставлено право издавать законы, и люди были обязаны им подчиняться, "При условии, тем не менее, что указанные законы согласуются с разумом и не являются противными или противоречащими, но, насколько это удобно, согласуются с законами, статутами и правами этого нашего королевства Англии".

Мне не удалось найти копию хартии, предоставленной герцогу Йоркскому на территории, включающей Нью-Йорк, Нью-Джерси и с. Но Гордон в своей "Истории американской революции" (т. 1. с. 43) говорит: "Королевская субсидия герцогу Йоркскому явно ограничивает законы и правительство Англии".

Хартия Коннектикута давала право "Также время от времени издавать, предписывать и устанавливать всевозможные полезные и разумные законы, статуты, предписания, указания и инструкции, не противоречащие законам этого королевства Англии".

Хартия колонии Массачусетского залива (дарованная Уильямом и Мэри) давала "полную власть и полномочие время от времени издавать, предписывать и устанавливать всевозможные полезные и разумные приказы, законы, статуты и постановления, указания и инструкции, либо с наказаниями, либо без них, чтобы они не были противны или противоречили законам этого нашего королевства Англии".

Хартия Род-Айленда предоставляла право принимать законы, "Чтобы такие законы, постановления, конституции, принятые таким образом, не противоречили и не противоречили, но (насколько это возможно) соответствовали законам этого нашего королевства Англии, учитывая природу и устройство этого места и тамошних людей".

Можно было бы назвать несколько других хартий, патентов и т.п., которые существовали временно и содержали по существу то же положение.

[5] В деле города Поулет *против* Кларка и других суд заявил—

Давайте теперь посмотрим, насколько эти принципы были применимы к Нью-Гэмпширу на момент выдачи хартии Поулету.

Первоначально Нью-Гэмпшир был преобразован в королевскую провинцию на тридцать первом году правления Карла II, и с тех пор вплоть до революции оставался королевской провинцией, находящейся под непосредственным контролем и руководством короны. Согласно первому королевскому поручению, данному в 31 году Карлом II., среди прочего, губернатору провинции и совету были предоставлены судебные полномочия во всех действиях, "Таким образом, чтобы форма судебного разбирательства в таких случаях и подлежащее вынесению по ним решение были настолько согласованными и согласующимися с законами и статутами этого нашего королевства Англии, насколько позволят нынешнее состояние наших подданных, проживающих в вышеупомянутых пределах (т. е. провинции), и обстоятельства места". *Независимо, однако, от такого положения, мы считаем это четким принципом. что общее право, действовавшее во время эмиграции наших предков, считается правом колоний*

по рождению, если только оно не неприменимо к их положению или не противоречит их другим правам и привилегиям. Тем более этот принцип применим к королевской провинции". — (9 Отчетов Крэнча о состоянии дел в США, 332-3.)

[6] Сомерсет *против* Стюарта.—Отчеты Лоффта, стр. 1-19, за Пасхальный семестр 1772 года. В дублинском издании этот случай не внесен в Указатель.

[7] Обладает ли парламент конституционной прерогативой отменять судебный приказ о *хабеас корпус*? суд присяжных? или свобода слова и печати? Если нет, имеют ли они прерогативу отменять право человека на собственность лично?

[8] Мистер Бэнкрофт в третьем томе своей истории (стр. 413, 14) говорит:

"И вскоре свод законов Англии выразил мнение своего короля и парламента о том, что "торговля" (под которой он подразумевает работоторговлю, о которой он пишет) "в высшей степени выгодна королевству и колониям". Чтобы доказать это, он ссылается на статут "1795, 8 и 10 Wm. 3, гл. 26". (Должно быть 1797, 8-9 и 10 Wm. 3, гл. 26.)

Теперь правда в том, что, хотя этот статут, возможно, и, весьма вероятно, был разработан для того, чтобы *намекнуть* работоторговцам на личное одобрение парламента работоторговлей, все же в самом статуте ни слова не говорится о рабах, рабстве или работоторговле, за исключением запрета, под страхом штрафа в пятьсот фунтов стерлингов, любому губернатору, заместителю губернатора или судье в колониях или на плантациях в Америке, или любому другому лицу или лицам, для использования или от имени такого губернатора, заместителя губернатора или судей, быть "фактором или агентом фактора или агентов "для продажи или избавления от любых негров".

Статут не провозглашает, как утверждает г-н Бэнкрофт, что "(работоторговля) в высшей степени выгодна королевству и колониям"; но что "*торговля с Африкой* в высшей степени выгодна" и т.д. Это *вывод* мистера Бэнкрофта о том, что "торговля в Африку" была *работоторговлей*. Даже этот вывод не оправдан словами устава, если рассматривать их с той юридической точки зрения, на которую направлены замечания г-на Бэнкрофта.

Это правда, что закон предполагает, что "*негры*" будут "импортированы" из Африки в "Англию" (где они, конечно, не были рабами) и на "плантации и колонии в Америке". Но он нигде не называет этих "негров" *рабами* и не предполагает, что они рабы. Насколько следует из устава, они были свободными людьми и пассажирами, добровольными эмигрантами, направлявшимися в "Англию", на "плантации и колонии" в качестве чернорабочих, как такие лица сейчас направляются в Британскую Вест-Индию.

Статут, хотя и явно желает *намекнуть* или слегка подразумевать, что они являются собственностью или рабами, тем не менее старательно избегает признавать их таковыми отчетливо или даже каким-либо необходимым образом; поскольку он освобождает их от пошлин в качестве товаров и от конфискации за нарушение налогового законодательства, а также освобождает капитанов судов от какой-либо обязанности отчитываться о них на таможне.

Когда считается, что рабство, собственность на человека, может быть легализовано, согласно решению лорда Мэнсфилда, не чем иным, как положительным законом; что права собственности и личности одинаковы на борту английского корабля, как и на острове

Великобритания; и что этот статут подразумевает, что эти "негры" должны были быть "импортированы" в "Англию", а также на "Плантации и колонии в Америке", и что, следовательно, он не больше подразумевает, что они должны были быть рабами на "плантациях и колониях", чем в "Англии", где мы знаем, что они не могли быть рабами; когда эти вещи рассматриваются, совершенно ясно, как *юридическое* положение, что статут не узаконил ни рабство на плантациях и в колониях, ни работорговлю из Африки в Америку — однако мы можем предположить, что он был разработан, чтобы намекнуть на личное одобрение парламентом фактической торговли людьми.

Но чтобы меня не заподозрили в том, что я либо искажил слова статута, либо применил к ним ошибочную юридическую конструкцию, я привожу все слова статута, в которых хоть как-то упоминаются "негры" или их импорт, с таким контекстом, который позволит читателю самому судить о юридическом значении всего этого.

Закон озаглавлен "*Акт об урегулировании торговли с Африкой*". В разделе 1 говорится следующее:—

"Принимая во внимание, что торговля с Африкой в высшей степени выгодна для этого королевства и принадлежащих ему Плантаций и колоний".

Закон содержит *двадцать один* раздел, регулирующий торговлю, пошлины. &., как и любой другой закон о судоходстве. "Негры" упоминаются только в следующих случаях и связях, а именно:

Разд. 7. "И будет он принят органом вышеуказанных, что и после четырех с двадцатого дня июня месяца одна тысяча шестьсот девяносто и восемь, она должна и может быть правомерным и для любого из подданных его величества владениях Англии, а также сказал, что компания, (Королевской Африканской компании) для торговли с Англией или любой из его величества плантаций и колоний в Америке от побережья Африки, между Бланко и Кейп-Маунт, отвечать и платить долг десять процентов адвалорные на товар, и товары будут экспортироваться из Англии или любой из его величества плантаций и колоний в Америке и на побережье Африки, между мысом Бланко и мысом горы, и в пропорции, большей или меньшей стоимости, а отвечать и оплачивать в дальнейшем сумму долга и десяти фунтов процентов адвалорные, Редвуд-только освобожденная, который должен заплатить пять фунтов процентов адвалорные, по месту ввоза на все товары и атрибутику (освобожденных негров), ввозимые в (в) Англии или любой из его величества плантаций и колоний в Америке, от побережья Африки, между мысом Бланко и мысом горы оный. * * * * И это все товары и товары, (освобожденных негров,) что будет загружаться или положить на борту любого судна или корабля на побережье Африки, между мысом Бланко и мысом горы, и должен быть импортирован в Англию или в любой Его Величества плантаций и колоний изложенного, должны отвечать и платить пошлины оный, и что капитан или старший офицер каждый такой корабль или судно, которое должно Ладе или получить какой-либо товар или товар (освобожденных негров) на борту его или их корабль или судно, между мысом Бланко и мысом горы, после внесения записи в любой Его Величества пользовательские домов изложенного указанных корабль или судно, или товар или товар был быть выгружен или взята из указанных корабль или судно (освобожденных негров) должен поставить в манифесте или отдельных его груза, и приносит следующую присягу, а именно.

Я, А.Б., клянусь, что в манифесте или частностях, которые я сейчас передаю и подписываю, насколько мне известно и по моему убеждению, указаны все товары (за исключением негров), которые были погружены или помещены на борт судна под названием "... во время его пребывания у берегов Африки между мысом Бланко и мысом Маунт, владельцем которого я, А.Б."

Раздел 8. "И что владелец или импортер всех товаров и мерчендайзинга (за исключением негров), которые будут доставлены в Англию или на любую из плантаций его величества из любого порта Африки между вышеупомянутыми мысом Бланко и мысом Маунт, должен осуществлять ввоз всех таких товаров и мерчендайзинга в одну из главных таможен его величества в Англии или на такие плантации его величества, куда они будут импортированы".

Раздел 9. * * * "что все товары (за исключением негров), которые должны быть доставлены из любой части Африки, между вышеупомянутыми мысом Бланко и мысом Маунт, которые должны быть разгружены или выгружены на берег до совершения и подписания въезда и принесения присяги в отношении их истинной стоимости и уплаты пошлины, как указано выше, подлежат конфискации или их стоимости".

Раздел 20. "И да будет далее предписано вышеупомянутым органом, что ни губернатор, ни заместитель губернатора какой-либо из колоний или плантаций его величества в Америке, ни судьи его величества в каких-либо судах там в настоящее время, ни какое-либо другое лицо или лица, работающие в интересах или от имени такого губернатора или заместителя губернатора или судей, начиная с двадцатого сентября девятьсот девяносто восьмого года и после этой даты, не должны быть фактором или агентом фактора или агентов указанной Компании (Королевской африканской компании) или любого другого лица или лиц для указанной компании ". продажа или распоряжение любыми неграми, и что каждое лицо, нарушившее это соглашение, лишается пятисот фунтов стерлингов для вышеуказанных целей, которые подлежат взысканию в любом из судебных инстанций его величества в Вестминстере путем предъявления долга, векселя, жалобы или информации, при этом не допускается ни признание, ни защита, ни привилегия, ни пари по закону, ни более чем одно возмещение ".

Раздел 21. "При условии, что этот закон будет действовать *тринадцать лет*, а с этого момента и до конца следующих сессий парламента, но не дольше".

Даже если бы этот закон легализовал (а на самом деле он не легализовал) работорговлю в течение тех тринадцати лет, сейчас было бы невозможно отличить потомков тех, кто был ввезен в соответствии с ним, от потомков тех, кто был ввезен ранее и впоследствии был ввезен и продан в рабство без закона. Таким образом, этот закон никак не поможет узаконить существующее в этой стране рабство.

Следующим законом, от которого я нахожу какие-либо следы, принятым парламентом с какой-либо очевидной целью поддержать работорговлю, был статут 23-го Георга II, гл. 31. (1749-50 гг.)

Мистер Бэнкрофт допустил другую, еще более серьезную ошибку в своем изложении слов(поскольку он утверждает, что цитирует точные слова) этого устава. Он говорит (т. 3, с. 414)

"Наконец, в 1749 году, чтобы придать наибольшую активность торговле (имеется в виду работорговля), были устранены все препятствия для частного предпринимательства, и порты

Африки были открыты для английской конкуренции, поскольку *"работорговля"* — таковы, — говорит мистер Банкрофт, - слова статута: *"работорговля очень выгодна Великобритании"*.

Поскольку слова в данном случае являются вещами — и вещами, имеющими наивысшие *юридические* последствия, — и поскольку эта история так широко читается и воспринимается как авторитет, становится важным, с юридической, если не исторической, точки зрения, исправить такую важную ошибку, как использование слова *"раб"* в этом утверждении. *"Слова статута"* заключаются не в том, что *"работорговля"*, а в том, что *"торговля с Африкой и из Нее"* очень выгодна Великобритании". *"Торговля в Африку и из Африки"* по закону означает *"работорговлю"* не больше, чем торговля с Китаем и из Китая. Таким образом, из *столь значительной* части преамбулы следует, что *"торговля в Африку и из Африки"*, возможно, велась совершенно иными товарами, чем рабы. И действительно, из другой части закона следует, что торговля велась *"золотом, слоновыми зубами, воском, камедями и наркотиками"*.

Из слов, непосредственно *следующих* за словами, процитированными г-ном Бэнкрофтом из преамбулы к этому статуту, можно было бы гораздо более правдоподобно (хотя даже из них это не могло быть юридически) заключить, что статут легализовал работорговлю, чем из тех, которые якобы были им процитированы. Чтобы можно было разглядеть последующие слова, приведены название и преамбула к закону в следующем виде:

"Закон о расширении и улучшении торговли с Африкой."

"Принимая во внимание, что торговля с Африкой и из Нее очень выгодна Великобритании, и необходима для снабжения принадлежащих ей плантаций и колоний достаточным количеством НЕГРОВ по разумным ценам; и с этой целью указанная торговля" (т.е. *"торговля с Африкой и из Нее"*) *"должна быть свободной и открытой для всех подданных его величества. Поэтому да будет это введено в действие"* и т.д.

"Негры" не были рабами по английскому законодательству, и поэтому слово *"негры"* в этой преамбуле не *юридически* означает рабов. Насколько следует из слов преамбулы, *или даже из любой части самого статута*, эти *"негры"*, которые объявлены необходимыми для снабжения плантаций и колоний, были свободными людьми, добровольными эмигрантами, которых следовало побудить отправиться на плантации в качестве наемных рабочих, как и тех, кого в наши дни в большом количестве и при особом содействии английского правительства принуждают отправиться в Британскую Вест-Индию. Чтобы облегчить эту эмиграцию, было необходимо поощрять *"торговлю в Африку и из Африки"*. И форма преамбулы такова, какой она могла бы быть, если бы такова была реальная цель парламента. Такого, несомненно, истинное *юридическое* значение этой преамбулы, поскольку это значение согласуется с естественным правом, публичным порядком и основополагающими принципами английского права, юридические нормы построения настоятельно требуют, чтобы ему приписывалось это значение, а не разрешалось что-либо, противоречащее естественному праву или фундаментальным принципам британского права.

Мы обязаны сформулировать эту преамбулу именно так, еще по той причине, что она соответствует вводящим в действие положениям статута, ни в одном из которых не упоминается такая вещь, как *транспортировка рабов на "плантации и колонии"* или продажа рабов на них." Первый раздел закона заключен в следующих словах, а именно.

"Что для всех подданных его величества должно и может быть законно осуществлять торговлю и перевозки в любой порт или место в Африке и из него, между портом Салли в Южной Берберии и мысом Доброй Надежды, когда, в такое время и таким образом, и в таком количестве *товаров, изделий и мерчендайзинга*, или с таким количеством, которое он или они сочтут нужным, без каких-либо ограничений, за исключением тех, которые изложены ниже".

Здесь явно не дано никаких полномочий "на торговлю" какими—либо вещами, за исключением того, что известно либо английскому праву, либо закону природы как "товары, изделия или мерчендайзинг", среди которых *люди were not* известны ни английскому праву, ни закону природы.....

Вторая часть закона заключается в следующих словах:

"Что все подданные его величества, которые будут вести торговлю в любой из портов или мест Африки или из них, между мысом Бланко и мысом Доброй Надежды, отныне навсегда станут корпоративным и политическим органом, именной на деле именуемым Компанией купцов, торгующих в Африке, и под тем же названием будут иметь бессрочную преемственность и общую печать, и под этим именем будут и могут подавать в суд, и быть привлеченными к ответственности, и совершать любые другие действия, которые любое другое корпоративное или политическое учреждение, как таковое, может законно совершать".

Ни этот, ни какой-либо другой раздел закона не имеет целью наделить эту "Компанию" в ее корпоративном качестве какими-либо полномочиями покупать или продавать рабов или перевозить их на плантации и в колонии.

20-я статья закона заключается в следующих словах:

"А также принятое органом оный, что ни один командир или капитан корабля торговли в Африке, должны путем *обмана, применения силы или насилия*, или путем любой другой косвенный практике бы то ни было, принимать на борт, или унести подальше от побережья Африки, любой негр или уроженец страны, или комми, или страдать, чтобы быть совершенными, любое насилие над аборигенами, в ущерб сказала торговли; и что каждый человек так обидеть должны, за каждое подобное правонарушение, неустойку в сумме сто фунтов законных деньги Великобритании; один фрагмент его использование указанной компании, установленных настоящим Кодексом, а также их правопреемниками, и на поддержание сказал Фортов и поселений, а другой фрагмент и на использование его или их, которые информируют или судиться за то же самое."

Теперь, хотя, возможно, нет веских оснований сомневаться в том, что *тайным* намерением парламента при принятии этого закона было стимулировать работоторговлю, и что между правительством и работоторговцами существовало молчаливое соглашение о том, что работоторговля должна продолжаться без ущерба (на практике) со стороны правительства, и хотя, несомненно, понималось, что этот штраф в размере ста фунтов стерлингов либо не будет взыскиваться вообще, либо будет взыскиваться так редко, что *практически* не будет препятствовать общему успеху торговли, тем не менее, поскольку ни одна из частей закона о работоторговле не должна препятствовать общему успеху торговли, весь статут дает какие-либо полномочия этой "Компании торговцев, торгующих в Африку" перевозить людей из Африки против их воли, и поскольку этот 29-й раздел содержит специальный запрет отдельным лицам под страхом наказания делать это, никто не может делать вид, что торговля была легализована.

Если бы штраф составлял всего один фунт вместо ста фунтов, *по закону* было бы достаточно опровергнуть утверждение о том, что торговля была легализована. Этот закон, на первый взгляд и по своему юридическому значению, в гораздо большей степени направлен на запрещение, чем на разрешение работорговли.

Единственный возможный *юридический* вывод из статута, *поскольку он касается "снабжения плантаций и колоний неграми по разумным расценкам"*, заключается в том, что эти негры были свободными рабочими, добровольными эмигрантами, которых следовало побудить отправиться на плантации и в колонии; и что "торговля с Африкой и из Африки" была открыта для того, чтобы можно было расширить возможности транспортировки этих эмигрантов.

Но хотя в этом статуте не дается никаких полномочий, а, напротив, устанавливается специальный запрет на вывоз туземцев из Африки против их воли, все же я свободно признаю, что статут содержит одно или два сильных, возможно, решающих следствия в пользу того факта, что рабство было разрешено в английских поселениях *на побережье Африки*, очевидно, в соответствии с обычаями страны и с одобрения парламента. Но это самое большее, что можно о нем сказать. Рабство, где бы оно ни существовало, является местным институтом; и его терпимость или даже его законность *на побережье Африки* никоим образом не способствовали бы его легализации в любой другой части английских владений. Ничто, кроме позитивного и четкого законодательства, не могло перенести его в любую другую часть империи.

Последствия, предусмотренные законом в пользу терпимости к рабству в английских поселениях на побережье Африки, заключаются в следующем:

Третий раздел закона ссылается на другой акт парламента, "лишающий Королевскую африканскую компанию их *устава*, фортов, замков и военных складов, гребцов и *замковых рабов*"; а раздел тридцать первый требует, чтобы такие "офицеры военно-морского флота его величества", которые будут назначены для этой цели, "инспектировали и изучали состояние фортов и поселений на побережье Африки, находящихся во владении Королевской африканской компании, и количество солдат в них, а также состояние и кондиции военных складов, замков и военных складов". *,рабы, каноэ и другие суда и вещи, принадлежащие указанной компании, и необходимые для использования и обороны указанных фортов и поселений*, и должны со всей возможной оперативностью сообщить, как они их обнаружат".

Здесь констатируется факт, что "Королевская африканская компания" (компания, существовавшая задолго до принятия этого закона) держала "замковых рабов" "для использования и защиты указанных фортов и поселений". В законе прямо не говорится, была ли эта практика законной или незаконной; хотя, по-видимому, это подразумевает, что, законной или незаконной, она допускалась с ведома и одобрения парламента.

Но наиболее отчетливое одобрение, данное рабству законом, подразумевается в 28-м разделе, в следующих словах:

"Что для любого из подданных его величества, торгующих в Африку, должно и может быть законно в целях сохранности своих товаров *и рабов* возводить дома и склады под защитой указанных фортов" и т.п.

Хотя даже эта формулировка была бы недостаточно сильной, чтобы отменить ранее установленные принципы английского права и предоставить рабовладельцам законное право

собственности на своих рабов в любом месте, где ранее было прямо установлено английское право (как это было в североамериканских колониях), все же она достаточно убедительно свидетельствует о том, что парламент одобрил содержание англичанами рабов в поселениях *на побережье Африки* в соответствии с обычаями этой страны. Но это не подразумевает никаких полномочий на перевозку их рабов в Америку; это ничего не делает для легализации рабства в Америке; это не подразумевает никакой *терпимости* даже к рабству где бы то ни было, за исключением побережья Африки. Если бы рабство было положительно и недвусмысленно легализовано на африканском побережье, оно по-прежнему оставалось бы местным институтом.

Кому-то это рассуждение может показаться придиркой; и, возможно, так оно и было бы, если бы не устоявшееся правило, согласно которому ничто, кроме недвусмысленных и неотразимых формулировок, не может быть юридически признано разрешающим что-либо, несовместимое с естественным правом и фундаментальными принципами правительства.

Что этот статут не узаконил право собственности у человека (если только не в качестве местного принципа на побережье Африки), мы имеем решение лорда Мэнсфилда, который считал, что он не узаконил его в Англии; и если он не узаконил его в Англии, он не узаконил его ни в одной из колоний, где преобладали принципы общего права. Конечно, это не легализовало его в североамериканских колониях.

Но даже если бы было признано, что этот статут узаконил право собственности работорговца на его рабов, захваченных в Африке после принятия закона, и легализовал продажу таких рабов в Америке, все равно статут был бы неэффективен для поддержания законности рабства, *в целом*, в колониях. Это легализовало бы рабство только тех конкретных лиц, которые должны быть перевезены из Африки в Америку, впоследствии принятия этого закона и в строгом соответствии с законом этого закона - (вещь, кстати, которая теперь не может быть доказана ни в каком случае). Этот закон был принят в 1749-50 годах и, следовательно, ничего не мог сделать для легализации рабства всех тех, кто в течение ста тридцати предыдущих лет содержался в рабстве в Вирджинии и других местах. И поскольку в настоящее время нельзя проследить различия между потомками тех, кто был ввезен в соответствии с этим законом, и теми, кто незаконно содержался в рабстве до его принятия, для рабства сейчас не имело бы практической пользы доказывать (если бы это можно было доказать), что те, кто был ввезен в страну после 1750 года, были юридически собственностью тех, кто их ввел.

ГЛАВА IV.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ.

Но колониальное законодательство по вопросу рабства было недействительным не только потому, что оно было запрещено колониальными хартиями, но и во многих колониях оно было недействительным по другой причине, а именно: *что в нем недостаточно определялись лица, которые могли быть превращены в рабов.*

Рабство, если оно вообще может быть легализовано, может быть легализовано только позитивным законодательством. Естественное право не оказывает ему никакой помощи. Обычай не дает ему юридической санкции. Такова была доктрина Королевской скамьи в случае

Сомерсета, поскольку это доктрина здравого смысла. Лорд Мэнсфилд сказал: "Столь высокий акт господства должен быть признан законом страны, где он используется. * * * Состояние рабства таково по своей природе, что оно не может быть введено по каким—либо причинам, моральным или политическим, - но только позитивный закон, который сохраняет свою силу долгое время после того, как сами причины, случай и время, из которых оно было создано, стерты из памяти. Это настолько одиозно, что в его поддержку нельзя потерпеть ничего, кроме позитивного права".

Таким образом, рабство, будучи порождением только позитивного законодательства, может быть создано только законодательством, которое должно настолько конкретно описывать лиц, подлежащих обращению в рабство, чтобы их можно было отличать от всех остальных. Если буква закона оставляет какие-либо сомнения относительно лиц, подлежащих обращению в рабство, эффективность всех других законов о рабстве сводится на нет просто из-за этой неопределенности.

В нескольких колониях, в том числе в некоторых из тех, где рабов было больше всего, либо вообще не существовало законов, определяющих лиц, которые могли быть обращены в рабство, либо законы, которые пытались их определить, были сформулированы настолько расплывчато, что теперь невозможно узнать, кто является потомками тех, кто был объявлен рабами, а кто из тех, кто содержался в рабстве без какой-либо юридической окраски. Поскольку презумпция должна *—согласно конституции Соединенных Штатов—* а также конституциям штатов *—* всегда быть в пользу свободы, рабовладелец, вероятно, теперь не сможет доказать в одном случае из ста, что его раб произошел (по материнской линии, согласно кодексу о рабстве) от любого, кто изначально был рабом в соответствии с описанием, данным законами.

Когда рабство впервые было введено в стране, вообще не существовало законов на этот счет. Люди покупали рабов у работорговцев, как они покупали бы лошадей; и удерживали их, и заставляли работать, как они бы работали с лошадьми, то есть грубой силой. По общему согласию представителей белой расы, эта практика допускалась без какого-либо закона.—В конце концов, таким образом, рабов стало так много, что потребовались некоторые правила, и колониальные правительства начали издавать законы, которые *предполагали* существование рабов, хотя никаких законов, определяющих лиц, которые могли быть превращены в рабов, никогда не принималось. Например, они приняли законы о суммарном судебном разбирательстве и наказании рабов; законы, разрешающие хозяевам наказывать и крестить своих рабов,^[9] и предусматривающие, что крещение не должно рассматриваться по закону как их освобождение. И все же за все это время не было принято ни одного закона, определяющего, кто может быть рабом. Владение, по-видимому, было единственным доказательством того, что общественное мнение требовало собственности хозяина на своего раба. Согласно такому кодексу, множество людей, которые либо никогда не были куплены в качестве рабов, либо которые когда-то были освобождены, несомненно, были схвачены и обращены в рабство из-за личной алчности, без какого-либо общественного осознания этого акта, как если бы схваченное таким образом лицо было заблудшей овцой.

Вирджиния. Каким бы невероятным это ни казалось, рабство существовало в Виргинии за пятьдесят лет до того, как был принят закон, определяющий, кто может быть рабами; и тогда эти люди были описаны так, что это определение не имело юридической силы, по крайней мере, в

отношении африканцев в целом. И только спустя семьдесят восемь лет (всего сто двадцать восемь лет) был принят какой-либо закон, который охватил бы положение африканцев в целом и сделал бы их рабами. Рабство было введено в 1620 году, но до 1670 года не было принято ни одного закона, даже предполагающего определение того, кто может быть рабами. В том году был принят закон, гласящий: "Что все *слуги*, не являющиеся христианами, ввезенные в эту страну морским путем, должны быть пожизненными рабами".[10]

Это слово "слуги", конечно, юридически описывает лиц, известных как таковые в соответствии с законами и отличающихся как таковые от других лиц в целом. Но ни один класс африканцев, "импортированных", не был известен как "слуги", в отличие от африканцев в целом, или каким-либо образом, чтобы подвести их под юридическое описание "слуг", как оно используется здесь. В 1682 и 1705 годах снова были приняты законы, объявляющие, "что все импортируемые *слуги*" и т. Д. Должны быть рабами. И только в 1748 году, *после того, как рабство просуществовало сто двадцать восемь лет*, это описание было изменено на следующее:

"Что все *лица*, которые были или будут ввезены в эту колонию" и т.д., и т.п., будут рабами.[11]

В 1776 году единственный закон в Виргинии, согласно которому рабовладельцы могли предъявлять какие-либо претензии вообще к своим рабам, был принят еще в 1753 году (через сто тридцать три года после введения рабства), после чего все предыдущие акты были отменены без сохранения прав, приобретенных в соответствии с ними.[12]

Даже если бы колониальные хартии не содержали прямого запрета на законы о рабстве, тем не менее было бы абсурдно утверждать, что законодательное собрание колонии имело право в 1753 году оглянуться назад на сто тридцать три года и произвольно обратить в рабство всех цветных лиц, которые были ввезены в колонию или родились в ней в течение этого времени. Если они не могли этого сделать, то из этого следует, что все цветные в Вирджинии до 1753 года (всего за двадцать три года до революции) и все их потомки до настоящего времени были и остаются свободными; и теперь их невозможно отличить от потомков тех, кто был импортирован впоследствии. В соответствии с презумпцией, предусмотренной конституцией Соединенных Штатов, что все свободны, теперь можно доказать лишь небольшое количество исключений или их вообще нет.

До революции в Северной Каролине вообще не было принято общего закона, определяющего, кто может быть рабом (см. Устав Айределла, пересмотренный Мартином).

В Южной Каролине единственный до революции закон, который пытался обозначить рабов, был принят в 1740 году — после того, как рабство существовало долгое время. И даже этот закон, в действительности, ничего не определял; ибо весь смысл его заключался в том, чтобы объявить, что все негры, индейцы, мулаты и метисы, *за исключением тех, кто тогда был свободным*, должны быть рабами. Поскольку ранее не было принято закона, определяющего, кто должен быть рабом, *все были юридически свободны*; и, следовательно, все подпадали под исключение в пользу свободных людей.[13]

Тот же закон, почти в тех же словах, был принят в Грузии в 1770 году.

Это были единственные общие законы, по которым содержались рабы в этих четырех штатах (Вирджиния, Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия) на момент революции. Все они, по указанным причинам, ничего бы не значили в качестве основы для рабства,

существующего сейчас в этих штатах, даже если бы они не были специально запрещены их уставами.

[9] "*Наказан.*" Закон, принятый в Южной Каролине в 1740 году, разрешал рабам подавать иски о своей свободе через опекуна, назначенного для этой цели. Затем закон предусматривает, что, если решение будет вынесено в пользу раба, он должен быть освобожден и возместить ущерб; "но в случае, если решение будет вынесено в пользу ответчика (хозяина), указанный суд настоящим полностью уполномочен налагать такое материальное наказание, не распространяющееся на жизнь или конечности, на подопечного истца (раба), какое они по своему усмотрению сочтут нужным".

Сборник Бреварда, том 2, стр. 130.

"*Крещен.*" В 1712 году Южная Каролина приняла этот закон:

"Поскольку милосердие и христианская религия, которую мы исповедуем, обязывают нас желать добра душам всех людей, и эта религия не может использоваться для изменения чьей-либо собственности и прав, и что никто не может пренебрегать крещением своих негров или рабов или позволять им креститься из опасения, что таким образом они будут освобождены: *Поэтому предписано*, что для любого негра или индийского раба, или любого другого раба или невольниц вообще, будет законно принимать и исповедовать христианство". Христианская вера, и быть крещенным до конца. Но, несмотря на то, что такой раб или рабы примут и будут исповедовать христианскую религию и будут крещены, он или они не будут таким образом освобождены, или его или их владелец, господин или госпожа потеряют свои гражданские права, собственность и власть над таким рабом или рабынями, но что раб или рабы в отношении его или их подневольного состояния останутся в том же состоянии, в котором он или они находились до совершения этого акта ". —*Grimke, cmp. 18. Brevard, m. 2, cmp. 229.*

В 1667 году в Вирджинии был принят следующий закон:

Принимая во внимание, что возникли некоторые сомнения в том, должны ли дети, являющиеся рабами по рождению, и благодаря милосердию и благочестию их владельцев ставшие причастниками благословенного таинства крещения, в силу своего крещения стать свободными; *Этим великим собранием и его властью предписано и объявлено*, что крещение не изменяет состояния человека в отношении его рабства или свободы; что хозяева, освобожденные от этого сомнения, могут более тщательно стремиться к распространению христианства, разрешая детям, хотя и рабам, или детям большего роста, если они способны, быть допущенными к участию в крещении. к этому таинству". —*Устав Хеннинга, том 2, стр. 260.*

[10] Хеннинг, том 2, стр. 283.

[11] Хеннинг, том 5, стр. 547-8.

[12] В 1753 году Вирджиния приняла закон, занимающий около двенадцати или пятнадцати страниц свода законов и призванный охватить всю общую тему рабства. Один из разделов этого закона гласит:

"Что все другие акты, положения и оговорки, принятые ранее для или в отношении любого вопроса или вещи в рамках положений настоящего закона, настоящим отменяются".—*Устав Хеннинга, том 6, стр. 369.*

В этом разделе не делается никаких оговорок в отношении прав, приобретенных в соответствии с прежними законами, и собственность рабов, поскольку вопрос полностью зависит от закона, все права собственности на собственность рабов, приобретенные в соответствии с прежними законами, были этим законом аннулированы; и все рабы в штате стали свободными людьми, *вопреки всему предыдущему законодательству*. И с тех пор государственные рабы содержались в рабстве только в силу другого раздела того же закона, который заключался в следующих словах:

"Что все лица, *которые были* или будут ввезены в эту колонию морем или по суше и не были христианами в своей родной стране, за исключением турок и мавров, находящихся в дружеских отношениях с его величеством, и тех, кто может доказать, что они были свободны в Англии или любой другой христианской стране до того, как их отправили для перевозки сюда, будут считаться рабами и как таковые будут здесь покупаться и продаваться, несмотря на обращение в христианство после их ввоза".—*Хеннинг, т. 6, с. 356-7.*

Закон также предусматривал, "Что все дети должны быть подневольными или свободными, в зависимости от состояния их матерей и конкретных указаний этого закона".

[13] Ниже приводится преамбула и важная вводящая в действие статья этого статута 1740 года:

Принимая во внимание, что на плантациях его величества в Америке было введено и разрешено рабство; и люди, обычно называемые неграми, индейцами, мулатами и метисами, (считались) абсолютными рабами и объектами собственности в руках определенных лиц; степень власти которых над такими рабами должна быть установлена и ограничена позитивными законами, чтобы рабы могли содержаться в должном подчинении и послушании, а владельцы и другие лица, на которых возложена забота о рабах и управление ими, могли быть удержаны от проявления к ним слишком большой силы и жестокости; и чтобы общественный мир и порядок от этой провинции может быть сохранен: *Да будет предписано*, Что все негры, индейцы (свободные индейцы, находящиеся в дружеских отношениях с этим правительством, и негры, мулаты и метисы, *которые сейчас свободны*, за исключением мулатов и метисоидов, которые сейчас находятся или будут находиться в будущем в этой провинции, а также все их потомство, родившиеся или планирующие родиться, настоящим объявляются абсолютными рабами и навсегда ими останутся, и должны следовать состоянию матери " и т.п. —*Гримке, с. 163-4. Бревард, том 2, стр. 229.*

ГЛАВА V.

ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ.

Допустим, ради аргумента, что до революции рабство существовало по конституции (насколько возможно, что преступление может иметь такое существование), разве оно не было отменено декларацией независимости?

Декларация, безусловно, была конституционным законом этой страны для определенных целей. Например, она освобождала народ от присяги английской короне. Так было бы объявлено судебными органами этой страны, если бы американца во время войны за независимость или после нее судили за измену короне. Если, таким образом, декларация была конституционным законом страны для этой цели, разве она не была также конституционным законом для признания и установления в качестве закона естественного и неотъемлемого права отдельных лиц на жизнь, свободу и стремление к счастью? Законность акта отказа от своей верности короне была признана народом страны — и это также в том же документе, который провозгласил отпущение грехов, — что он полностью основывается на естественном праве всех людей на жизнь, свободу и стремление к счастью и является лишь следствием этого. Если, таким образом, акт отпущения грехов был законным, не следует ли из этого обязательно, что принципы, легализовавшие этот акт, также были законом? И если страна ратифицировала акт об отпущении грехов, разве они также не обязательно ратифицировали и признали принципы, которые, по их словам, легализовали этот акт?

Для нашей цели будет достаточно, если будет признано, что этот принцип был законом страны в то конкретное время (1776 г.) — даже если он оставался законом всего год или даже день. Ибо если бы это было законом страны хотя бы на день, это освободило бы каждого раба в стране - (если бы тогда в стране не было, как мы говорим, никаких законных рабов). И тогда на рабовладельца ляжет бремя доказывания того, что рабство с *тех* оно было *установлено*. И чтобы показать это, он должен показать четкое *конституционное* обозначение конкретных людей, которые с тех пор были превращены в рабов. Без такого конкретного обозначения лиц, подлежащих обращению в рабство (и даже в нынешних конституциях рабовладельческих штатов такого обозначения нет), все конституционные положения, направленные на разрешение рабства, являются неопределенными в своем применении и по этой причине недействительными.

Но опять же. Народ этой страны — в том самом документе, с помощью которого он впервые объявил о своем независимом политическом существовании и впервые отстоял свое право создавать собственные правительства, — провозгласил, что естественное и неотъемлемое право всех людей на жизнь, свободу и стремление к счастью является "*самоочевидной истиной*".

Итак, все "*самоочевидные истины*", за исключением таких, которые могут быть явно или необходимым образом отвергнуты (и ни одно правительство не имеет права отрицать какую-либо из них), входят в состав, считаются само собой разумеющимися и составляют существенную часть всех конституций, договоров и систем правления вообще. — В противном случае было бы невозможно установить какое-либо систематическое правительство; поскольку, очевидно, должно быть невозможно провести фактическое перечисление всех "*самоочевидных истин*", которые должны приниматься во внимание при управлении таким правительством. В особенности это касается правительств, основанных, подобно нашему, на контракте. Очевидно, что в государственном контракте невозможно перечислить все "*самоочевидные истины*", на основании которых необходимо действовать при отправлении правосудия. И поэтому все они считаются само собой разумеющимися, если только отдельные из них не будут явно отвергнуты.

Этот принцип, согласно которому все "*самоочевидные истины*", хотя и не перечисленные, составляют часть всех законов и контрактов, если только они явно не отрицаются, необходим не

только для самого существования гражданского общества, но даже для отправления правосудия в каждом отдельном случае или судебном иске, которые могут возникнуть на основании контракта или иным образом между отдельными лицами. Для частных лиц было бы вообще невозможно заключать контракты, если бы им было необходимо перечислять все "самоочевидные истины", которые могли бы иметь отношение к их построению в судебном трибунале. Поэтому все подобные истины принимаются как должное. И это одно и то же во всех правительственных соглашениях, если только конкретные истины явно не отрицаются. И правительства, не больше, чем отдельные люди, имеют право отказать им в любом случае. В любом случае отрицать, что "самоочевидные истины" являются частью закона, равносильно утверждению, что "самоочевидная ложь" и есть закон.

Если, таким образом, это "самоочевидная истина", что все люди имеют естественное и неотъемлемое право на жизнь, свободу и стремление к счастью, то *эта истина* составляет часть всех наших законов и всех наших конституций, если только она не была недвусмысленно и авторитетно опровергнута.

Далее будет показано, что эта "самоочевидная истина" *никогда не отрицалась* народом этой страны ни в их основной конституции, ни каким-либо другим явным или авторитетным образом. Напротив, они повторяли это ежегодно, ежедневно и ежечасно в течение последних шестидесяти девяти лет почти всеми возможными способами и самым торжественным образом. 4 июля 76-го года они коллективно заявили об этом, как о своем оправдании и авторитете для акта, самого важного и ответственного из всех в истории страны. И мы, как народ, никогда не отказывались от этого утверждения. Мы фактически подтверждали ту же истину почти во всех конституциях штатов с момента принятия. Мы фактически подтверждали это в национальной конституции. Это истина, которая живет на устах и в сердцах всех. Это правда, что в своей практике мы были настолько несправедливы, что утаивали преимущества этой истины от определенного класса наших собратьев. — Но даже в этом отношении эта истина всего лишь разделила общую судьбу других истин. Как правило, они допускаются, но при частичном применении. Тем не менее, сама эта истина, *как истина*, никогда не отрицалась нами, *как народом*, в какой-либо достоверной форме или иным образом, кроме как подразумеваемой нашей практикой в конкретных случаях. Если да, скажите, когда и где. Если нет, это все равно закон; и суды обязаны применять его как закон беспристрастно по отношению ко всем.

Нашим судам не понадобился бы никакой другой авторитет, кроме этой признанной таким образом истины, для освобождения любого человека, кроме человека с негритянской кровью, которого наши правительства, штата или нации, должны были бы допустить, чтобы разрешить другому человеку поработить. Почему же тогда они не применяют тот же закон в отношении африканца? Конечно, не потому, что это не столько закон в его случае, сколько в отношении других. *Но это просто потому, что они этого не сделают.* Именно потому, что суды являются участниками соглашения, преобладающего среди белой расы, но не выраженного в подлинной конституционной форме, негр может быть лишен своих прав по воле алчности и власти. И они осуществляют это невысказанное понимание вопреки всем нашим конституционным принципам правления — всему нашему подлинному, общепризнанному, открытому и фундаментальному закону - и позволяют ему превалировать над ними.

ГЛАВА VI.

КОНСТИТУЦИИ ШТАТОВ 1789 ГОДА.

Из всех конституций штатов, действовавших на момент принятия конституции Соединенных Штатов в 1789 году, *ни одна из них не устанавливала и не признавала рабство.*

Все те части конституций штатов (т. е. старых тринадцати штатов), которые признают рабство и пытаются санкционировать его, *были внесены поправками с момента принятия конституции Соединенных Штатов.*

Все штаты, за исключением Род-Айленда и Коннектикута, имели конституции до 1789 года. После этого периода эти два штата продолжали действовать по своим старым уставам.^[14]

Все одиннадцать сформированных конституций были демократическими по своему общему характеру. Большинство из них в высшей степени демократичны. Они в целом признавали, в той или иной форме, естественные права людей как один из основополагающих принципов правительства. Некоторые из них отстаивали эти права самым решительным и авторитетным образом. В большинстве или во всех из них также содержатся конкретные положения, несовместимые с рабством. Ни в одном из них не признается существование рабства. Ни один из них не предоставил каких-либо конкретных полномочий для его продолжения.

Единственными положениями или словами в любом из них, которые могут быть заявлены любым органом в качестве признания рабства, являются следующие, а именно.

1. Использование слов "наши негры" в преамбуле к конституции Вирджинии.
2. Упоминание "рабов" в преамбуле конституции Пенсильвании.
3. Положения некоторых конституций о сохранении в силе законов, которые ранее "действовали" в колониях, за исключением случаев, когда они изменены новой конституцией или несовместимы с ней.
4. Использование в нескольких конституциях слов "свободный" и "вольные люди".

Поскольку каждое из этих условий и параграфов может быть воспринято некоторыми лицами как признание рабства, они заслуживают особого внимания.

1. В преамбуле к конституции Виргинии в этой связи говорится о неграх, а именно: в ней, среди прочего, обвиняется Георг Третий в том, что он "побудил *наших негров* восстать с оружием в руках среди нас, тех самых негров, которых, бесчеловечно используя свой негатив, он отказал нам в разрешении исключить по закону".

Здесь нет утверждения, что эти "негры" были рабами; но только то, что они были классом людей, которых виргинцы не хотели иметь в штате, *ни в каком качестве*— кого они хотели "исключить законом". Язык, рассматриваемый как юридический, подразумевает, что они были рабами, не больше, чем обвинение в том, что они побудили "наших женщин, детей, фермеров, механиков, или наших людей с рыжими волосами, или наших людей с голубыми глазами, или наших голландцев, или наших ирландцев подняться с оружием в руках среди нас", подразумевало бы, что эти части населения Вирджинии были рабами. И особенно если учесть, что рабство до этого

не имело *юридического* существования, эта ссылка на "негров" не допускает никаких юридических выводов в отношении рабства.

Остальная часть конституции Вирджинии в высшей степени демократична. Билль о правах провозглашает, "что все люди по своей природе одинаково свободны и независимы и обладают определенными неотъемлемыми правами" * * * * "а именно, наслаждением жизнью и свободой, средствами приобретения собственности и владения ею, стремлением к счастью и безопасности и обретением их".

2. В преамбуле конституции Пенсильвании в этой связи используется слово "рабы". В нем говорилось, что король Великобритании использовал против жителей этого содружества "иностраных наемников, дикарей и рабов".

Это не является признанием того, что у них самих были какие-либо собственные рабы, и уж тем более того, что они собирались продолжать свое рабство, поскольку конституция содержала положения, явно несовместимые с этим. Таково, например, следующее: которое составляет первую статью "Декларации прав жителей" (т.е. *всех* жителей) "штата Пенсильвания".

1. "Все люди рождаются одинаково свободными и независимыми и обладают определенными естественными, неотъемлемыми правами, к числу которых относятся пользование жизнью и свободой и их защита, приобретение, владение и защита собственности, стремление к счастью и безопасности и их обретение".

В этих словах заключен 46-й раздел системы управления.

"Настоящим Декларация прав объявляется частью конституции этого содружества и никогда не должна нарушаться ни под каким предлогом".

Рабство было явно невозможно в соответствии с этими двумя конституционными положениями, не говоря уже о других.

2. Некоторые конституции предусматривают, что все законы колоний, ранее "*действовавшие*", должны оставаться в силе до отмены, *если только они не противоречат некоторым принципам самих конституций*.

В Мэриленде, Нью-Йорке, Нью-Джерси, Южной Каролине и, возможно, в одном или двух других были положения подобного характера. *В Северной Каролине их не было, в Джорджии - нет, в Вирджинии - нет*. Таким образом, рабовладельческие законы этих трех последних штатов неизбежно утратили силу после смены правительства.

Мэриленд, Нью-Йорк, Нью-Джерси и Южная Каролина действовали в соответствии со своими законодательными актами, *предполагая* существование рабства и делая вид, что издают законы в отношении него; и, возможно, можно утверждать, что эти законы продолжали действовать в соответствии с упомянутым положением. Но эти действия не подпадают под приведенное выше описание "*действующих законов*" - и по этой причине, а именно. эти акты изначально были неконституционными и недействительными, поскольку противоречили хартиям, в соответствии с которыми они были приняты; и, следовательно, никогда не были *юридически* "действующими", однако они могли быть фактически приведены в исполнение белой расой в силу своего могущества или мнимого закона.

Это возражение применимо к законам о рабстве во всех колониях. Ни одно из них не могло быть продолжено в соответствии с этим положением.— С юридической точки зрения, ни одно из них не было "действующими законами".

Но в отдельных штатах были еще и другие причины против того, чтобы колониальные законы о рабстве действовали в соответствии с новыми конституциями. Например, в Южной Каролине не было закона (как упоминалось ранее), который определял бы ее рабов с такой конкретностью, чтобы отличать их от свободных людей; и по этой причине ни один из ее законов о рабстве не был *юридически* "действующим".

Нью-Джерси также находился в такой же ситуации. У нее были законы о рабстве; но ни в одном из них не указывалось, что рабы отличают их от остального населения. В ее конституции также было одно или несколько конкретных положений, несовместимых с рабством, а именно: "Общее право Англии * * * * *остаётся в силе* до тех пор, пока не будет изменено будущим законом законодательного собрания; только те части, которые противоречат правам и привилегиям, содержащимся в настоящей хартии". (Раздел 22.)

В своей новой конституции Мэриленд также содержал конкретное положение, несовместимое с актами ее колониального свода законов в отношении рабства, а именно:

"Раздел 3. Что *жители*" — обратите внимание на это слово, поскольку оно включает в себя *всех* жителей, — "что *жители* Мэриленда имеют право на общее право Англии и суд присяжных в соответствии с этим законом" и т.д.

Эта гарантия "общего права Англии" для *всех* "жителей Мэриленда" без какой-либо дискриминации несовместима с любыми актами рабства, которые существовали в своде законов; и поэтому последние стали бы недействительными в соответствии с конституцией, даже если бы они ранее не были недействительны в соответствии с колониальной хартией.

4. В конституциях некоторых из этих штатов используются слова "свободный" и "вольные люди".

Например. Закон Южной Каролины предусматривал (раздел 13), что выборщиками этого штата должны быть "*свободные* белые люди". Законы Джорджии (ст. 11) и Северной Каролины (ст. 40) используют термин "свободный гражданин". В законе Пенсильвании (раздел 42) есть термин "свободный житель".

Эти четыре примера - единственные, которые я нашел во всех одиннадцати конституциях, где любой класс людей обозначается термином "свободные". И далее будет видно, исходя из связи и способа употребления этого слова в этих четырех случаях, что оно не подразумевает признания рабства.

В некоторых конституциях, а именно в конституциях Джорджии, Южной Каролины, Северной Каролины, Мэриленда, Делавэра, Пенсильвании, Нью-Йорка, но не в Вирджинии, Нью-Джерси, Массачусетсе или Нью-Гэмпшире, неоднократно используется слово "свободный человек" при описании выборщиков или других членов штата.

Единственные вопросы, которые могут возникнуть при использовании этих слов "свободный" и "фримен", таковы, а именно: используются ли они как корреляты или противоположности рабам? Или они используются в том политическом смысле, в котором они используются в общем праве Англии и в котором они использовались в колониальных хартиях, а именно для

описания тех лиц, которые обладают привилегией гражданства или каким-либо корпоративным правом, в отличие от иностранцев, и тех, кто не пользуется правами, хотя и свободен от личного рабства?

Если бы на это был дан ответ, что они используются в первом упомянутом смысле, а именно как корреляты или противоположности рабства, тогда можно было бы утверждать, что они подразумевали, по крайней мере, признание существования рабства.

Но этот аргумент — чего бы он ни стоил в поддержку подразумеваемого признания *фактического* существования рабства — был бы совершенно недостаточен для поддержки подразумеваемого признания либо его *законного*, либо его *продолжения* существования. Рабство настолько полностью противоречит естественному праву; настолько полностью лишено авторитета естественного права; настолько явно несовместимо со всеми законными целями правительства, что в законе не может быть признано ничего, кроме прямого и недвусмысленного положения, дающего ему какую-либо санкцию. Никакие намеки, инсинуации или ненужные подтексты не могут дать никакого основания для столь вопиющего отхода от всех остальных общих и законных принципов правительства и нарушения их. Таким образом, если бы было признано, что слова "свободный" и "вольные люди" использовались как соотносимые с рабами, то сами по себе эти слова все равно не давали бы прямого или достаточного авторитета законам, устанавливающим или продолжающим рабство. Называть одного человека свободным не дает никаких законных оснований для превращения другого человека в раба. И если бы, как в случае с этими конституциями, не было дано прямого разрешения на рабство, рабство было бы настолько же неконституционным, как если бы эти слова не использовались. Использование этих слов в таком смысле в конституции, согласно которой предполагается, что все люди свободны, не было бы абсурдным, хотя это могло бы быть безвозмездным и ненужным.

Согласно правилу закона, при разработке всех статутов, контрактов и юридических инструментов, какими бы они ни были, — *то есть тех, которые суды разрабатывают не для признания недействительными, а для обеспечения соблюдения* — там, где слова могут иметь два значения, одно из которых согласуется, а другое несовместимо со свободой, справедливостью и правом, всегда следует принимать тот смысл, который согласуется с правом, если только в других частях документа нет чего-либо, достаточного для доказательства того, что другое является истинным значением. В случае ни с одной из всех этих ранних государственных конституций, есть ли что-нибудь в других их частях, что указывало бы на то, что эти слова "свободный" и "вольные люди" используются как корреляты рабства? Следовательно, верховенство закона настоятельно требует, чтобы они рассматривались в смысле, совместимом со свободой и правом.

Если бы это правило, требующее от судов придавать невинную конструкцию всем словам, которые к нему применимы, не было обязательным, суды могли бы, по своему усмотрению, извратить честное значение самых честных законов и контрактов, превратив их в нечто нечестное, поскольку почти всегда в самом честном законодательстве и в самых честных контрактах используются слова, которые, косвенно или иным образом, способны передавать более одного значения и даже нечестный смысл. Если бы суды *могли* законно отступать от правила, которое требует от них придавать честное значение всему языку, который допускает такое значение, было бы почти невозможно сформулировать статут или контракт, которые

судебная власть не могла бызаконно извратить с какой-либо несправедливой целью. Очевидно, что честное применение какого бы то ни было честного закона или контракта вообще не было бы никакой гарантии.

Это правило применимо как к конституциям, так и к контрактам и статутам; ибо конституции - это всего лишь контракты между людьми, посредством которых они предоставляют власть правительству и устанавливают закон для него.

Тогда какое другое значение, кроме как коррелятивы рабства, могут иметь слова "свободный" и "вольные люди" в том виде, в каком они использовались в конституциях ранних штатов?

Среди определений, данных Ноем Вебстером, есть следующие:

"Свободный человек. Тот, кто пользуется или имеет право на избирательное право или особую привилегию; как свободные жители города или штата".

"Свободен. Наделенный привилегиями; пользующийся определенными иммунитетами; с оф — как человек, свободный от Лондонского сити".

"Владеть без вассальной зависимости или рабских условий; как человек, свободный от своей фермы..."

В Англии и во всем английском праве в том виде, в каком оно существовало до и после эмиграции наших предков в эту страну, слова "свободный" и "вольные люди" были наиболее распространенными политическими терминами; и использовались для обозначения лиц, пользующихся каким-либо правом голоса или привилегией, от самой важной в плане общего гражданства в стране, до самой незначительной в любом объединенном городе или компании. Например: о человеке говорили, что он "свободный британский подданный", подразумевая под этим, что он был натурализованным гражданином британского правительства или коренным жителем по рождению, в отличие от иностранца или лица, не натурализованного и не родившегося в Великобритании.

Снова. Считалось, что человек "свободен от определенной профессии в лондонском сити", что означало, что по подзаконным актам Лондонского сити ему было разрешено заниматься этой профессией — привилегия, которой другие не могли бы обладать, не пройдя обучение в сити или не купив привилегию городского правительства.

Термины "свободный" и "вольные люди" использовались по отношению к большому разнообразию привилегий, которые в Англии предоставлялись одному человеку, а не другому. Таким образом, члены зарегистрированных компаний назывались "свободными членами компании" или "свободными членами компании"; и о них говорили, что они "свободны от указанной компании". Жителей инкорпорированного города называли "свободными людьми сити", как "свободных людей Лондонского сити".

В Юридическом словаре Джейкоба, среди прочих, даются следующие определения слова "свободные люди".

"Свободный человек—*liber homo*. "* * * * "В отличие от свободного человека и вассала при феодальной политике, *liber homo* обычно противопоставлялся *вассусу* или *вассалу*; первый обозначал *аллодиального* собственника; второй - того, кто имеет превосходство".

"Титул *свободного человека* также присваивается любому лицу, допущенному к свободе корпоративного города или любого другого корпоративного объединения, состоящего, среди прочих членов, из тех, кого называют *свободными людьми*".

"Есть три способа стать *свободным* жителем Лондона; через рабство в качестве ученика; по праву рождения, как сын *свободного человека*; и путем выкупа, то есть путем покупки, по постановлению суда олдерменов".

"Обычаи Лондонского сити должны оцениваться по свидетельству мэра и олдерменов * * * *, как обычай распределения имущества умерших свободных людей: набора подмастерьев или того, что тот, кто *свободен от одного ремесла*, может использовать другое".

"Выборы олдерменов и членов общего совета должны проводиться *свободными* домовладельцами".

"Соглашение о браке, согласно которому муж получает свободу действий в Лондоне, определяет порядок распределения имущества".

Вышесказанное и другие иллюстрации использования слов "свободный" и "вольные люди" можно найти в Юридическом словаре Джейкоба под заголовком Freeman, Лондон, & c.

И такое использование этих слов было обычным в английских законах на протяжении веков. Термин "свободный человек" используется в Великой хартии вольностей (1215). Английские законы изобилуют терминами, относящимися почти ко всем избирательным правам или особым привилегиям, от самых высоких до самых низких, известных английским законам. Было бы совершенно уместно и в соответствии с юридическим значением и общепринятым пониманием этого термина сказать о Виктории, что "она свободна от английского трона", а о сапожнике, что он "свободен от своего ремесла в лондонском сити".

Но более распространенным и важным значением этих слов является обозначение *граждан*, коренных или натурализованных, и тех, кто имеет особое политическое и признанное право участвовать в деятельности правительства или находиться под его защитой, в отличие от иностранцев или лиц, лишенных своих политических привилегий в качестве членов государства. Таким образом, они используют термин "свободный британский подданный" — "свободный человек королевства" и т. Д. Короче говоря, термины, используемые в политических газетах, имеют значение, очень близкое, если не полностью синонимичное, тому, которое мы в этой стране сейчас придаем слову *гражданин*.

Но во всем английском праве и среди всего многообразия способов использования слов "свободный" и "вольные люди" в качестве *юридических* терминов они *никогда не используются как корреляты или противоположности рабов или рабовладения* - и по той причине, что в Англии нет таких лиц или институтов, известных их законам, как рабы или рабство. Таким образом, использование слов "свободный" и "вольные люди" в Англии вообще не подразумевает существования рабов или рабовладения.

Такое употребление слов "свободный" и "вольные люди", которое является общим для английского права, было введено в этой стране при ее первом поселении во всех или почти всех колониальных хартиях, патентах и т. Д. И продолжало использоваться в этом смысле до времен революции; и, конечно, до принятия конституций первых штатов.^[15]

Лица и компании, которым были предоставлены колониальные хартии, и те, кто впоследствии должен был быть принят в качестве их партнеров, были описаны как "свободные люди указанной колонии", "свободные люди указанной провинции", "свободные люди указанной компании", "свободные люди указанной компании и политического органа" и т.д. (см. Хартию Род-Айленда.)

Многие, если не все хартеры содержали положение, аналогичное по существу следующему в хартере Род-Айленда, а именно:

"Что все и каждый подданные нас, наши наследники и преемники" (т. е. короля Англии, дарующего хартию), "которые уже посажены и расселены на наших плантациях в упомянутой колонии Провиденс, или которые в дальнейшем отправятся жить в пределах указанной колонии, и все и каждый из их детей, которые родились там или которым случится в дальнейшем родиться там, или на море, идущем туда, или возвращающемся оттуда, будут иметь и пользоваться всеми свободами и иммунитетами *свободных* и естественных подданных, в пределах любого из доминионов США". , наши наследники и преемники, во всех смыслах, постройках и целях, какими бы они ни были, как если бы они и каждый из них родился в пределах королевства Англии".

Следующий указ Уильяма Пенна, как собственника и губернатора провинции Пенсильвания и ее территорий, иллюстрирует одно из распространенных употреблений слова "свободный человек", известного английскому законодательству и использовавшегося в этой стране до революции, то есть для отличия гражданина по происхождению, способного владеть недвижимостью и т.д., от иностранца, *не натурализованного*, и в связи с этим подверженного определенным ограничениям, таким как неспособность владеть недвижимостью.

"И поскольку очевидно, что справедливое поощрение жителей провинции и территорий, к ней принадлежащих, вероятно, будет эффективным способом ее улучшения; и поскольку некоторые из людей, которые там живут и, вероятно, приедут туда, *являются иностранцами и, следовательно, не свободными людьми, согласно принятию законов Англии, последствия которых могут оказаться очень пагубными для их поместий и торговли*, а значит, и для процветания этой провинции и ее территорий. *Да будет постановлено*, собственником и губернатором вышеупомянутой провинции и уездов, по совету и согласию депутатов от *свободных людей*, собравшихся на собрании, , *что все лица, которые являются иностранцами*, которые в настоящее время населяют эту провинцию и вышеупомянутые уезды, *владеют землей за плату в соответствии с законом свободного человека*, и которые должны торжественно пообещать в течение трех месяцев после его опубликования в судах своих соответствующих графств, где они проживают, на основании записи, веры и верность королю Англии и его наследникам и преемникам, а также верность и законное повиновение упомянутому Уильяму Пенну, собственнику и губернатору указанной провинции и территорий, и его наследникам и правопреемникам, согласно вышеупомянутым королевским письмам, патентам и акту, *будут считаться свободными гражданами вышеупомянутой провинции и графств в такой же степени, как и любое лицо, проживающее в них*. И настоящим вышеупомянутым органом власти дополнительно вводится в действие, что, когда в любое время какое-либо лицо, являющееся иностранцем, обратится к собственнику и губернатору этой провинции и ее территорий с просьбой о *вышеупомянутой свободе*, указанное лицо должно быть допущено на условиях, изложенных в настоящем документе, заплатив при приеме

двадцать шиллингов стерлингов, и не более, за что-либо в этом законе или любом другом законе, действии или вещи в этой провинции, независимо от того, противоречит ли это каким-либо образом".

"Дано в Честере" и проч., "собственноручно и с широкой печатью Уильяма Пенна, владельца и губернатора этой провинции и территорий, к ней принадлежащих, на второй год его правления королевской властью. У. Пенн".^[16]

До времен нашей революции *единственное* значение, которое имели слова "свободный" и "вольные люди" в английском праве, *в хартиях, выданных колониям*, и в важных документах политического характера, когда они использовались для обозначения одного лица, отличающегося от другого, заключалось в обозначении лица, пользующегося каким-либо правом или привилегией, в отличие от иностранцев или лиц, не пользующихся подобным правом. Они никогда не использовались для обозначения свободного человека, отличающегося от раба — по той вполне достаточной причине, что все эти *фундаментальные* законы предполагали отсутствие рабов.

Таково ли было значение слов "свободный" и "вольные люди", использовавшихся в конституциях, принятых до 1789 года, в штатах Джорджия, Северная и Южная Каролина, Мэриленд, Делавэр и Нью-Йорк?

Упомянутое ранее юридическое правило толкования, а именно: что всем словам, которые подвержены ему, должно быть придано невинное значение, — вынудило бы нас придать словам это значение, а не значение, просто соотносимое с рабством, даже если бы у нас не было для этого никаких других оснований, кроме самого правила. Но у нас есть и другие основания. Например: —Некоторые из этих конституций сами недвусмысленно придали этим словам такое значение. Хотя ни один из них не придал им значения, соотносимого с рабами, поскольку ни один из них не претендует ни на установление, ни на санкционирование, ни даже на знание о существовании рабства.

Конституция Грузии (принятая в 1777 году), очевидно, использует слово "свободный" в этом смысле в следующей статье:

"Статья 11. Ни одно лицо не имеет права более чем на один голос, который предоставляется в округе, где проживает такое лицо, за исключением случаев, исключенных ранее; *также ни одно лицо, имеющее какой-либо дворянский титул, не имеет права голоса или способно выступать в качестве представителя или занимать какой-либо почетный, прибыльный или доверительный пост в этом штате, пока такое лицо претендует на свой дворянский титул; но если это лицо откажется от такого отличия* в порядке, который может быть установлен любым будущим законодательным органом, *тогда, и в таком случае*, оно будет лишено права голоса. иметь право *голосовать, представлять*, как указывалось ранее, и пользоваться всеми другими преимуществами СВОБОДНОГО гражданина".

В конституции Северной Каролины (принятой в 1776 году) это слово использовалось в аналогичном смысле следующим образом:

"40. Что каждый *иностранец*, который приезжает поселиться в это Государство, предварительно принеся присягу на верность ему, может покупать или другими справедливыми

способами приобретать, владеть и передавать землю или другую недвижимость *после одного года проживания* считаться СВОБОДНЫМ гражданином".

В этой конституции также неоднократно используется слово "свободный человек", что означает "свободный гражданин", как определено таким образом.

В конституции Пенсильвании (принятой в 1776 году) это слово используется в том же смысле:

"Раздел 42. Каждый *иностранец* хорошей репутацией, который приезжает на поселение в это государство, предварительно принеся присягу или подтвердив свою верность ему, может приобрести или другими справедливыми способами приобретать, владеть и передавать землю или другую недвижимость; *и после одного года проживания считается его* СВОБОДНЫМ жителем обладает всеми правами гражданина этого государства по рождению, за исключением того, что он не сможет быть избран представителем до истечения двухлетнего срока проживания".

В конституции Нью-Йорка (принятой в 1777 году) это слово используется таким же образом:

Раздел 6. Что каждый совершеннолетний житель мужского пола, который лично проживал в одном из графств этого штата в течение шести месяцев, непосредственно предшествующих дню выборов, должен на таких выборах иметь право голосовать за представителей указанного графства в ассамблее, если в течение *вышеуказанного* времени он был вольнонаемным владельцем, владеющим земельным участком стоимостью двадцать фунтов стерлингов в пределах указанного графства, или арендовал в нем доходный дом годовой стоимостью сорок шиллингов, и был оценен и фактически платил налоги государству. *При неизменном условии*, что каждый человек, который в настоящее время является *свободным человеком города Олбани или который стал свободным человеком города Нью-Йорка* не позднее четырнадцатого октября тысяча семьсот семьдесят пятого года от Рождества Христова и будет фактически и обычно проживать в указанных городах соответственно, будет иметь право голосовать за представителей в ассамблее по месту своего жительства".

Конституция Южной Каролины (принята в 1778 году) использует слово "свободный" в смысле, который, на первый взгляд, может отличаться от того, в котором оно использовалось в предыдущих случаях:

Раздел 13. Квалификация выборщиков заключается в том, что "каждый *свободный белый человек*, и никто другой" и т.д., "считается лицом, имеющим право голосовать, и может быть избран представителем".

Можно предположить, что здесь слово "свободный" используется как соотносимое с рабством; что оно предполагает, что "белые" должны быть "свободными"; и что, следовательно, оно подразумевает, что рабами могут быть не только "белые". Это не так. Никакие другие части конституции не допускают такого вывода; и из самих слов ясно следует, что *некоторые* "белые" люди не могут быть "свободными". Подразумевается различие между теми "белыми" людьми, которые были "свободными", и теми, которые не были "свободными". Если бы это различие не было задумано, и если бы все "белые" люди были "свободными", было бы достаточно обозначить избирателей просто как "белых" людей, вместо того чтобы обозначать их одновременно как "свободных" и "белых". Таким образом, если бы было признано, что слово "свободный" в данном случае использовалось как соотносительное с рабами, то

подразумевалось бы, что *некоторые* "белые" люди были или могли быть рабами. Поэтому нет альтернативы, кроме как придать слову "свободный" в данном случае то же значение, которое оно имеет в конституциях Джорджии, Северной Каролины и Пенсильвании.

В 1704 году Южная Каролина приняла закон, озаглавленный "*Закон об освобождении иностранцев от этой части провинции.*" —Этот закон оставался в силе до 1784 года, когда он был отменен законом, озаглавленным "*Закон о предоставлении права гражданства иностранцам*"^[17]

Еще один пример такого использования слова "*свободный человек*". Конституция Коннектикута, принятая еще в 1818 году, содержит следующее положение:

"Статья 6. Раздел 1. Все лица, которые были или *будут в дальнейшем* до ратификации настоящей конституции *признаны свободными людьми* в соответствии с действующими законами этого штата, являются выборщиками".

Несомненно, не требуется никаких других доказательств значения слов "свободный" и "фримен", используемых в конституциях, действующих в 1789 году; или того, что использование этих слов не подразумевает ни "существования", ни конституционности рабства до принятия конституции Соединенных Штатов в том году.

Я не нашел ни в *одной* из ранее упомянутых конституций штатов (существовавших в 1789 году) каких-либо других доказательств или намеков на существование рабства, кроме тех, которые уже были прокомментированы и опровергнуты. А если другого не существует, то ясно, что при них рабство не имело законного существования. И, следовательно, до принятия конституции Соединенных Штатов в стране не было *конституционного* рабства.

^[14] Конституции штатов 1789 года были приняты следующим образом: Джорджия, 1777; Южная Каролина, 1778; Северная Каролина, 1776; Вирджиния, 1776; Мэриленд, 1776; Делавэр, 1776; Пенсильвания, 1776; Нью-Джерси, 1776; Нью-Йорк, 1777; Массачусетс, 1780; Нью-Гэмпшир, 1783.

Эти ранние Конституции должны быть собраны и опубликованы с соответствующими примечаниями.

^[15] С того времени слова "свободный" и "вольные люди" постепенно вышли из употребления, а слово "гражданин" было заменено — несомненно, по той причине, что нашей гордости или нашей человечности неприятно употреблять слова, одно из значений которых служит для обозначения контраста между нами и рабами.

^[16] Издание законов Пенсильвании Далласом, том 1, Приложение, страница 25.

^[17] Издание законов Южной Каролины Купера, тома. 2 и 4. "Инопланетяне",

ГЛАВА VII.

СТАТЬИ КОНФЕДЕРАЦИИ.

Статьи Конфедерации (сформированной в 1778 году) не содержали признания рабства. Единственными словами в них, которые могут быть заявлены каким-либо органом как признающие рабство, являются следующие, в статье 4, раздел 1.

"Для лучшего обеспечения и увековечения взаимной дружбы и сношений между народами различных Штатов настоящего Союза, *свободные жители* каждого из этих Штатов, за исключением нищих, бродяг и лиц, скрывающихся от правосудия, будут иметь право на все привилегии и иммунитеты *свободных граждан* в нескольких Штатах; и *жители* каждого штата будут иметь свободный въезд и возвращение в любой другой штат и из него, и будут пользоваться в нем всеми привилегиями торговли с соблюдением тех же обязанностей, налагаемых ограничений, что и жители других штатов". этого соответственно".

Существует несколько причин, по которым это положение не содержит юридического признания рабства.

1. Истинное значение слова "свободный", использовавшегося в английском праве, в колониальных хартиях и в конституциях штатов до настоящего времени применительно к лицам, заключалось в описании граждан или лиц, обладающих привилегиями, в отличие от иностранцев или лиц, не обладающих такими же привилегиями. Таким образом, использование придало бы такое значение слову "свободный" в этом разделе.

2. Нормы права требуют придавать невинное значение всем словам, которые будут нести невинный смысл.

3. Конфедерация была лигой между штатами в их корпоративном качестве, а не, подобно конституции, правительством, созданным народом в его индивидуальном характере. Таким образом, конфедерация, будучи лигой между штатами или корпорациями, как таковая, конечно, не признавала ничего в характере правительств штатов, кроме того, что разрешалось их корпоративными уставами или конституциями штатов. И поскольку ни одна из конституций штата того времени не признавала рабство, конфедерация правительств штатов, конечно, не могла его признать. Конечно, ни один из его формулировок не может, в соответствии с правовыми нормами, иметь такого значения, придаваемого ему, когда он восприимчив к другому, который полностью соответствует смыслу, в котором он используется в конституциях штатов, которые были участниками лиги.

4. Слову "свободный" в данном случае нельзя придать никакого другого значения, не сделав предложение абсурдным или, по крайней мере, глупым и непоследовательным. Например, слово "свободный" соединяется со словом "гражданин". Какая могла быть причина в применении термина "свободный" к слову "гражданин", если слово "свободный" использовалось как коррелят рабства? Такое употребление этого слова означало бы, что *некоторые* из "граждан" были или могли быть рабами, что было бы абсурдом. Но используемое в другом смысле, оно подразумевает только то, что некоторые граждане имели привилегии, которыми не пользовались другие; такие, возможно, как избирательное право и право быть избранными на должность; этими привилегиями пользовалась только часть "граждан". Все, кто родился от родителей-англичан, например, были "гражданами" и имели право на защиту правительства, свободу торговли и занятий и т.д., и т.п., и в этом отношении отличались от иностранцев.— Тем не менее, имущественный ценз был необходим в некоторых,

если не во всех штатах, чтобы дать право даже таким государствам на избирательное право и право занимать должности.

Термины "свободные жители" и "народ", вероятно, использовались как синонимы либо "свободным гражданам", либо "несвободным гражданам", то есть не обладающим избирательным правом и правом занимать должности.

Г-н Мэдисон в 42-м номере "Федералиста", комментируя полномочия, предоставленные правительству общей юрисдикции новой конституцией по натурализации иностранцев, ссылается на этот пункт Статей Конфедерации; и считает само собой разумеющимся, что слово "свободный" использовалось в том политическом смысле, в котором я предполагал его использование, то есть для отличия "граждан" и собственно "жителей" или "народа" от иностранцев и лиц, которым не разрешены привилегии, которыми пользуются "жители" и "народ" Штатов.— Даже привилегию проживания он считает привилегией, дающей право называться "свободным".

Он говорит: "Различия в правилах натурализации" (то есть в правилах, установленных отдельными штатами, поскольку при конфедерации каждый штат устанавливал свои собственные правила натурализации) "уже давно отмечались как недостаток нашей системы и как основа для сложных и деликатных вопросов. В четвертой статье конфедерации провозглашается, "*что свободные жители* каждого из этих штатов, за исключением нищих, бродяг и лиц, скрывающихся от правосудия, имеют право на все привилегии и иммунитеты *свободных граждан* в нескольких штатах; и *жители* каждого штата в любом другом пользуются всеми привилегиями торговли" и т.д. Здесь наблюдается языковая путаница, что примечательно. Почему термины *свободные жители* используются в одной части статьи, *свободные граждане* - в другой, а *люди* - в третьей; или что подразумевалось под добавлением ко "всем привилегиям и иммунитетам свободных граждан", "всем привилегиям торговли", определить нелегко. Однако, по-видимому, едва ли можно избежать конструкции, согласно которой те, кто подпадает под определение *свободных жителей* какого-либо штата, хотя и не граждане такого штата, имеют право в любом другом штате на все привилегии *свободных граждан* последнего; то есть на большие привилегии, чем они могут иметь право в своем собственном штате; так что во власти конкретного штата, или, скорее, каждое государство вынуждено не только наделять правами гражданства в других штатах любого, за кем оно может признать такие права в пределах своего штата. сам по себе, но и на любого, кому он может позволить стать жителями в пределах своей юрисдикции. Но если бы было допущено толкование термина "житель", которое ограничило бы предусмотренные привилегии только гражданами, трудность только уменьшилась бы, а не была устранена. Каждое государство по-прежнему сохраняло бы за собой весьма ненадлежащее право натурализовывать иностранцев в любом другом государстве. В одном государстве проживание в течение короткого времени дает все права гражданства; в другом требуются более важные квалификационные требования. Следовательно, иностранец, юридически недееспособный в отношении определенных прав во втором государстве, может, благодаря предыдущему проживанию только в первом, избежать своей недееспособности, и, таким образом, закон одного государства нелепо становится первостепенным по отношению к законам другого государства, находящегося под юрисдикцией другого.

"Мы обязаны простой случайности тем, что до сих пор удалось избежать очень серьезных затруднений по этому вопросу. По законам нескольких штатов на определенные категории иностранцев, которые вели себя отвратительно, были наложены запреты, несовместимые не только с правами гражданства, но и с привилегиями проживания. Каковы были бы последствия, если бы такие лица по месту жительства или иным образом приобрели статус граждан в соответствии с законами другого государства, а затем отстаивали свои права как таковые, как на проживание, так и на гражданство, в государстве, запрещающем их? Какими бы ни были юридические последствия, другие последствия, вероятно, были бы слишком серьезными, чтобы их нельзя было предусмотреть. Соответственно, новая конституция весьма уместно предусмотрела меры против них и всех других, вытекающих из недостатков конфедерации в этой области, разрешив правительству штата установить единые правила натурализации на всей территории Соединенных Штатов".

На протяжении всей этой цитаты мистер Мэдисон, очевидно, считает само собой разумеющимся, что слово "свободный" используется в статьях конфедерации как соотносительное с иностранцами.— И в этом отношении он, без сомнения, правильно отражает значение, которое тогда придавал этому слову народ Соединенных Штатов. И в заключительном предложении цитаты он фактически утверждает, что таково значение слова "свободный" в "новой конституции".

ГЛАВА VIII.

КОНСТИТУЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

Теперь мы подходим к периоду, начинающемуся с принятия конституции Соединенных Штатов.

Мы уже видели, что рабство не было разрешено или установлено ни одной из основных конституций или уставов, существовавших до этого времени; что это всегда было простым злоупотреблением, поддерживаемым с общего согласия сильнейшей стороны вопреки общепризнанным конституционным принципам их правительств. И теперь возникает вопрос, было ли это конституционно установлено, санкционировано или дополнено конституцией Соединенных Штатов?

Прежде всего, совершенно ясно, что конституция Соединенных Штатов *сама по себе не создавала и не учреждала* рабство как *новый* институт; и даже не давала правительствам штатов никаких полномочий устанавливать его как новый институт.—Самые большие сторонники рабства этого не утверждают. Максимум, на что они претендуют, это то, что он признал это учреждение уже юридически существующим, находящимся под властью правительств штатов; и что это фактически гарантировало штатам право продолжать его существование по своему усмотрению. И это действительно единственный вопрос, вытекающий из конституции Соединенных Штатов по этому вопросу, а именно: *признавала ли она* таким образом рабство и *санкционировала ли его как существующий* институт?

На этот вопрос, в действительности, дан отрицательный ответ из того, что уже было показано; ибо, если рабство не имело конституционного существования в соответствии с конституциями штатов до принятия конституции Соединенных Штатов, то абсолютно очевидно, что конституция Соединенных Штатов *не признавала его конституционным институтом*; поскольку, конечно,

нельзя утверждать, что конституция Соединенных Штатов признавала конституционным любое государственное учреждение, которое конституционно не существовало.

Даже если бы конституция Соединенных Штатов *намеревалась* признать рабство в качестве конституционного *государственного* института, такое предполагаемое признание не возымело бы действия и было юридически ничтожным, поскольку тогда рабство не признавалось конституционно.

Предположим, для иллюстрации этого принципа, что конституция Соединенных Штатов косвенно прямо признает само собой разумеющимся, что законодательные органы штатов обладают полномочиями — вытекающими из конституций *штатов* — произвольно отдавать приказы о том, что младенцы или мужчины, не обвиняемые в совершении преступлений, должны быть искалечены — лишены, например, руки, ноги или глаза. Это предполагаемое признание со стороны конституции Соединенных Штатов законности такой практики, очевидно, не имело бы никакой юридической силы — было бы просто излишеством, — если бы из изучения самих конституций штатов выяснилось, что они на самом деле не наделяли законодательные органы такими полномочиями. И этот принцип применим с той же силой к законам, которые произвольно превращают мужчин или детей в рабов, что и к законам, которые должны произвольно приказывать калечить или убивать их.

На этом мы могли бы спокойно поставить точку в целом по вопросу — ибо никто, как уже было сказано, не претендует на то, что конституция Соединенных Штатов своей собственной властью создала или санкционировала рабство как новый институт; но только на то, что она намеревалась признать его как уже установленный властью конституций штатов. Это предполагаемое признание — если таковое имело место — будучи основанным на ошибке относительно того, что на самом деле разрешали конституции штатов, неизбежно рушится, являясь несуществующим намерением.

Таким образом, на данном этапе мы отстаиваем свою позицию и настаиваем на том, что главный вопрос — единственный существенный вопрос — против рабства уже решен; и что не имеет значения, какое признание или санкцию конституция Соединенных Штатов намеревалась распространить на него.

Конституция Соединенных Штатов при ее принятии, безусловно, вступила в силу и сделала гражданами всех "жителей Соединенных Штатов", которые *не были рабами* согласно конституциям штатов. Никто не может отрицать столь самоочевидное утверждение, как это. Таким образом, если существовавшие тогда конституции *штатов* вообще не допускали рабства, то конституция Соединенных Штатов вступала в силу и делала всех гражданами "народа Соединенных Штатов" без какой-либо дискриминации. И если все "люди Соединенных Штатов" стали гражданами Соединенных Штатов в соответствии с конституцией Соединенных Штатов при ее принятии, то правительствам *штатов* было уже навсегда поздно обращать кого-либо из них в рабство. Отныне они были гражданами высшего правительства в соответствии с конституцией, которая была "высшим законом страны", "несмотря ни на что в конституции или законах штатов, противоречащее этому". Если бы правительства штатов могли поработать граждан Соединенных Штатов, конституции штатов, а не конституция Соединенных Штатов, были бы "высшим законом страны", поскольку ни одно правительство не могло бы осуществлять более высокого акта превосходства над другим, чем лишение граждан последнего защиты своего правительства и обращение их в рабство.

ВО-ВТОРЫХ.

Хотя мы могли бы остановиться — мы пока не решаем останавливаться — на последнем предложенном пункте. Теперь мы пойдем дальше и попытаемся показать, конкретно на основании ее положений, что конституция Соединенных Штатов не только не признает и не санкционирует рабство как правовой институт, но, напротив, предполагает, что все люди свободны; что она положительно отрицает право собственности у человека; и что этосамо по себеделает невозможным легальное существование рабства ни в одном из Соединенных Штатов.

В первую очередь—хотя утверждение это постоянно, и редко отказывают, но это явно лишь начало весь вопрос в пользу рабства, чтобы сказать, что Конституция , *предназначенных* для наказания его; ибо если он *предназначен* на это разрешение, он *сделал* тем самым должен наказывать его, (то есть, если рабство было тогда любой Конституционного существования получили разрешение.) *Намерения* конституции - это единственное средство, с помощью которого она санкционирует что-либо. И его намерения обязательно санкционируют все, к чему они применимы и что, по природе вещей, они компетентны санкционировать. Следовательно, сказать, что конституция *намеревалась* санкционировать рабство, - это то же самое, что сказать, что она *действительно* санкционировала его; это снимает весь вопрос и заменяет доказательство простым утверждением.

Почему же тогда люди не говорят ясно, что конституция *действительно* санкционировала рабство, вместо того чтобы говорить, что она *намеревалась* его санкционировать? Мы не привыкли использовать слово "*намерение*", когда говорим о других гарантиях и санкциях конституции. Мы не говорим, например, что конституция *намеревалась* разрешить конгрессу "чеканить деньги", но что она *действительно* разрешила им чеканить их. Мы также не говорим, что он *намеревался* уполномочить их "объявить войну", но что он действительно уполномочил их объявить ее. Было бы глупо и по-детски просто говорить, что он *намеревался* разрешить им "чеканить деньги" и "объявлять войну", когда формулировка, разрешающая им это делать, является полной, недвусмысленной и позитивной. Почему же тогда в случае с рабством люди говорят просто, что конституция *намеревалась* санкционировать его, вместо того чтобы четко заявить, как мы делаем в других случаях, что она *действительно* санкционировала его? Причина очевидна. Если бы они недвусмысленно заявили, что оно *действительно* санкционировало это, они поставили бы себя перед необходимостью указать на *слова*, которые это санкционируют; и они осознали бы, что одни только *слова* конституции не соответствуют этому пункту. Следовательно, они просто утверждают, что конституция *намеревалась* санкционировать это; и затем они пытаются поддержать это утверждение, цитируя определенные слова и фразы, которые, по их словам, *способны* прикрыть или, скорее, замаскировать такое намерение; а затем с помощью внешних, косвенных и исторических свидетельств они пытаются навязать уму вывод о том, что на самом деле таково было намерение тех, кто *разрабатывал* конституцию; и отсюда они, наконец, делают вывод, что таково было намерение самой конституции.

Ошибка и мошенничество всей этой процедуры — а она состоит исключительно из ошибок и мошенничеств — состоит в том, что она искусно заменяет намерения самой конституции предполагаемыми намерениями тех, кто разрабатывал конституцию; и, во—вторых, она олицетворяет конституцию как хитрую личность; способную как на открытые, так и на тайные

намерения; способную законно участвовать и претворять в жизнь все тонкости и двурушничество мошенников; и как фактически намеревающуюся обеспечить рабство, в то же время открыто заявляющую о "обеспечении и установлении свободы и справедливости". Она олицетворяет конституцию как личность, способную иметь частные и преступные намерения, в которых она не осмеливается открыто признаться, а лишь туманно намекает, используя слова с неопределенным и двояким значением, о применении которых следует судить по внешним обстоятельствам.

Ложность всех этих представлений становится очевидной в тот момент, когда принимается во внимание, что конституция - это не *личность*, о которой можно утверждать "намерение", не выраженное юридически; что у нее нет ни одной из разнообразных и эгоистичных страстей и мотивов действий, которые иногда побуждают *людей* к практике двуличия и маскировки; что это всего лишь письменный юридический документ; что, как таковой, он должен иметь фиксированное, а не двойное значение; что он полностью составлен из понятных слов; и что у него нет и *может* быть души, никаких "*намерений*", никаких мотивов, никакого существа, никакой личности, кроме того, что выражают или подразумевают только эти слова. Его "намерения" - не что иное, как юридическое значение его слов. Его намерения не являются руководством к его юридическому значению, как предполагают все защитники рабства; но его юридическое значение является единственным руководством к его намерениям. Это различие очень важно соблюдать; ибо, если мы можем беспричинно предположить, что намерения юридического документа являются такими, какими мы, возможно, хотели бы, чтобы они были, и можем затем исказить обычное значение его слов, чтобы заставить их выразить эти намерения, мы можем сделать все, что захотим, из любого юридического документа, каким бы он ни был. Таким образом, юридическое значение слов документа обязательно является нашим единственным ориентиром для определения его намерений.

При выяснении юридического значения слов конституции жизненно важно постоянно иметь в виду эти правовые нормы (причины которых будут более полно объяснены ниже), а именно: 1. что никакое намерение в нарушение естественной справедливости и естественного права (например, санкционировать рабство) не может быть приписано конституции, если только это намерение не выражено в терминах, которые *юридически правомочны* выражать такое намерение; и, 2. что никакие термины, кроме тех, которые являются полными, выраженными, эксплицитными, отчетливыми, недвусмысленными, *и которым не может быть придано никакого другого значения. учитывая, что они юридически компетентны* разрешать или санкционировать любые действия, противоречащие естественному праву. Верховенство закона существенно отличается в отношении условий, необходимых для легализации и санкционирования любых действий, противоречащих естественному праву, и условий, необходимых для легализации действий, которые согласуются с естественным правом. Последнее может быть санкционировано подразумеваемым образом и умозаключением; первое - только неизбежным подтекстом или языком, который является полным, определенным, экспрессивным, эксплицитным, недвусмысленным и *неизбежный* смысл которого заключается в санкционировании предполагаемого *конкретного неправильного* действия.

Следовательно, утверждать, что конституция *предназначена* для санкционирования рабства, на самом деле равносильно утверждению, что *необходимый* смысл, *неизбежный* смысл одних только слов конституции, полностью соответствует ясному, определенному, отчетливому, эксплицитному, недвусмысленному, необходимому и императивному разрешению конкретной

вещи, человеческого рабства, собственности на человека. Если *необходимый* смысл самих слов хотя бы на йоту не соответствует этому пункту, документ не дает и, с юридической точки зрения, не предназначен для юридической санкции рабства. Итак, кто может добросовестно сказать, что только *слова* конституции соответствуют этому пункту? Никто, кто хоть что-то знает о законе и значении слов. Не приводится даже название вещи, которая, как утверждается, санкционирована. Сама конституция не содержит обозначения, описания или необходимого признания существования у человека такой вещи, как рабство, подневольное состояние или право собственности. Мы обязаны выйти за рамки инструмента и нащупать среди записей о притеснениях, беззаконии и преступлениях — записей, не упомянутых и, конечно, не санкционированных конституцией, — чтобы *найти* то, к чему, как утверждается, применимы слова конституции. И когда мы находим эту вещь, которую конституция не осмеливается назвать, мы обнаруживаем, что конституция санкционировала ее (если вообще санкционировала) только загадочными словами, ненужными намеками и умозаклечениями, подтекстом и двусмысленностью, и под названием, которое совершенно не описывает эту вещь. Каждый орган должен признать, что сама конституция не содержит формулировок, на основании которых *только* любой суд, который либо не был знаком с предшествующим существованием рабства, либо не считал его предшествующее существование законным, мог бы юридически решить, что конституция санкционирует его. И это истинный критерий для определения того, санкционирует ли конституция рабство или нет, а именно: мог ли суд, незнакомый с предшествующим существованием рабства или не предполагающий, что его предшествующее существование было законным, — рассматривая только голый язык документа — в соответствии с правовыми нормами, в судебном порядке определить, санкционировал ли он рабство. Каждый юрист, который хоть сколько-нибудь заслуживает этого имени, знает, что иск о рабстве не выдержит подобной проверки. Очевиден тот факт, что конституция не содержит такой юридической санкции; что только путем ненужных намеков и умозаклечений, подтекста и двусмысленности, с помощью внешних доказательств, предположения о предшествующей законности рабства и необоснованного вменения преступных намерений, которые не признаются в юридических терминах, можно добиться от него какой-либо санкции в отношении рабства (как правового института).

Но юридические правила толкования полностью запрещают все подобные импликации, умозаклечения, подсказки и двусмысленность, любую помощь внешних доказательств, все предположения о предшествующей законности рабства и все необоснованные обвинения в невысказанных преступных намерениях; и, следовательно, вынуждают нас вернуться кбукве документа и найти *там* четкую, ясную, необходимую, императивную санкцию за рабство или отказаться от этого пункта.

Непрофессиональному читателю эти правила толкования покажутся строгими и, возможно, необоснованными. Поэтому для его же пользы будут приведены причины, на которых они основаны. И от него требуется полностью зафиксировать в своем сознании как причины, так и правила, поскольку, возможно, можно обнаружить, что все юридическое значение конституции в отношении рабства зависит от конструкции, которую эти правила закрепляют в ее языке.

Но прежде чем изложить причины этого правила, позвольте нам высказать несколько замечаний в отношении *юридических* правил толкования в целом. У многих людей, по-видимому, сложилось представление, что эти правила не основаны на разуме, справедливости или необходимости; что они представляют собой не что иное, как причудливые и абсурдные

измышления, произвольно принятые судами. Никакая идея не может быть более ошибочной, чем эта. Правила абсолютно необходимы для отправления правосудия, вытекающего из любого класса правовых инструментов, какими бы они ни были, будь то простые договоры между людьми, или законы, принятые законодательными органами, или фундаментальные договоры или конституции правительства, согласованные народом в целом. В отношении всех этих инструментов *закон* устанавливает и обязательно должен фиксировать их значение; и по той очевидной причине, что в противном случае их значение вообще не могло бы быть зафиксировано. Стороны простейшего договора могут не соглашаться или делать вид, что не согласны, относительно его значения и, конечно, относительно своих соответствующих прав по нему. Разные члены законодательного органа, голосующие за тот или иной статут, могут иметь разные намерения при голосовании за него и, следовательно, могут расходиться во мнениях или делать вид, что расходятся, относительно его значения. Народ страны может заключить правительственный договор. Мотивами одной части может быть установление свободы, равенства и справедливости; и они могут думать или притворяться, что думают, что слова, используемые в документе, передают эту идею. Мотивы другой части могут заключаться в том, чтобы установить рабство или подчинение одной части народа и превосходство или произвольную власть другой части; и они могут думать или притворяться, что думают, что язык, согласованный всем народом, санкционирует такое правительство. Во всех этих случаях, если бы не существовало каких-либо правовых норм, одинаково применимых ко всем инструментам и компетентных определять их значение, их значение не могло бы быть установлено; и отдельные лица неизбежно потеряли бы свои права в соответствии с ними. *Следовательно, закон устанавливает их значение*; и правила, с помощью которых он это делает, основаны на той же справедливости, разумности, необходимости и истине, что и другие правовые принципы, и по этой причине столь же непреклонны, как и любые другие правовые принципы. Они также просты, понятны, естественны, очевидны. Предполагается, что каждый орган знает их, как предполагается, что он знает любые другие правовые принципы. Никому не позволено ссылаться на их незнание, как и на незнание любого другого принципа права. Предполагается, что все люди создавали свои контракты, статуты и конституции со ссылкой на них. И если они этого не сделали — если они сказали черное, когда имели в виду белое, и одно, когда имели в виду другое, они должны отвечать за последствия. Закон будет исходить из того, что они имели в виду то, что сказали. Никто в суде не может претендовать на какие-либо права, основанные на конструкции, отличной от той, которую эти правила придали бы контракту, статуту или конституции, на основании которых он претендует. Судебная власть не может отступать от этих правил по двум причинам. Во-первых, потому, что правила воплощают в себе принципы справедливости, разума и истины; и, следовательно, они столь же неизбежно являются законом, как и любые другие принципы справедливости, разума и истины; и, во-вторых, потому, что если они могли законно отступить от них в одном случае, то могли бы и в другом, по своему собственному капризу. Таким образом, суды могли бы по своему усмотрению стать деспотичными; всякая определенность относительно юридического значения документов была бы уничтожена; и отправление правосудия в соответствии с истинным значением контрактов, статутов и конституций стало бы невозможным.

Каковы же тогда некоторые из этих правил толкования?

Одно из них (как было указано ранее) заключается в том, что в тех случаях, когда слова могут иметь два значения, одно из которых согласуется, а другое несовместимо со справедливостью и естественным правом, им должно быть приписано то значение, и *только то* значение,

которое согласуется с правом, — если только другие части документа не отменяют такое толкование.

Другое правило (если оно действительно не то же самое) состоит в том, что никакие формулировки, кроме императивных, и никакие подтексты, кроме неизбежных, не должны рассматриваться как разрешающие или санкционирующие что-либо, противоречащее естественному праву.

Другое правило заключается в том, что никакие *посторонние или исторические свидетельства* не должны допускаться для придания закону несправедливого или аморального значения, когда сами слова акта могут быть невинными.

Одна из причин этих строгих и негибких правил, несомненно, заключается в том, что судьи всегда знали, что на самом деле естественная справедливость сама по себе является законом, и что ничто, противоречащее ей, не может быть объявлено законом, даже с помощью самых ясных и императивных формулировок, которые могут использовать законодательные органы. — Но судьи всегда, в этой стране и в Англии, зависели от исполнительной и законодательной власти в отношении своих назначений и заработной платы и подчинялись законодательной власти в порядке импичмента. И поскольку исполнительная и законодательная власти всегда принимали больше или меньше законов и имели больше или меньше целей для достижения, которые были несовместимы с естественным правом, судьи увидели, что для них было бы невозможно сохранить свои должности и в то же время сохранить целостность закона вопреки воле тех, во власти кого они находились. Естественно также, что исполнительная власть не должна назначать, а законодательная власть не должна одобрять назначение на должность судьи никого, чья честность, по их мнению, помешала бы достижению их целей. Следствием этого стало то, что все судьи (вероятно, без исключения), хотя они и не осмеливались отрицать, все же на практике уступили жизненно важному принципу права; и уступили произвольным мандатам других департаментов правительства настолько, что выполнили свои постановления, хотя и несовместимые с естественным правом. Но, как будто осознавая всю деградацию и преступность такого поступка, они заняли позицию в первом пункте, в котором могли это сделать, не вступая в прямое столкновение с теми, от кого они зависели. И этот момент заключается в том, что они не будут применять в качестве закона ни один статут, противоречащий естественному праву, если только его формулировка не будет настолько ясной и императивной, что нет иного способа обойти его авторитет, кроме как категорически отрицая авторитет тех, кто его ввел в действие. Они (суд) сами ничего не добавят к формулировкам статута, чтобы прояснить его предполагаемое значение. Они ничего не будут подразумевать, ни о чем не будут делать выводов и ничего не будут предполагать, кроме того, что неизбежно; они не будут отступать от буквы закона в поисках каких-либо *исторических* свидетельств относительно значения законодательного органа, позволяющих им осуществлять любые *несправедливые* намерения, не полностью выраженные в самом законе. Везде, где предполагается, что закон направлен на достижение какой-либо несправедливой цели, они будут применять самые строгие принципы построения, чтобы предотвратить достижение этой цели. Они ни на йоту не выйдут за рамки буквального или неизбежного значения *слов* устава, даже если при этом они должны осознавать, что их отказ полностью сведет на нет истинные намерения его создателей. Правило (как уже было указано) изложено верховным судом Соединенных Штатов в следующих словах:

"Там, где нарушаются права, где ниспровергаются фундаментальные принципы, где нарушается общая система права, намерение законодательства должно быть выражено с *непреодолимой ясностью*, чтобы побудить суд предположить наличие умысла для достижения таких целей". — (Соединенные Штаты против Фишер и др., 2 Cranch, 390.)^[18]

Такова стала устоявшаяся судебная доктрина. И хотя она не соответствует истинному стандарту права, все же она хороша сама по себе, насколько это возможно, и ее следует неуклонно придерживаться не только ради нее самой, но и как строительных лесов, на которых можно воздвигнуть тот более высокий стандарт права, а именно, что никакой язык или авторитет вообще не может узаконить ничего, что противоречит естественной справедливости.^[19]

Еще одна причина, по которой приведенные выше правила выступают против любых конструкций, последствий и умозаключений — за исключением неизбежных — в пользу несправедливости, заключается в том, что без них у нас не было бы гарантий того, что наши честные контракты или честные законы будут честно исполняться судебной властью. Для мужчин было бы почти или совсем невозможно при составлении своих контрактов или законов использовать формулировки, исключающие все возможные намеки в пользу неправоты, если бы судам было позволено прибегать к таким намекам. *Следовательно, закон исключает их*; то есть цели правосудия — обеспечение прав людей в соответствии с их честными контрактами и в соответствии с честными законодательными актами — обязывают суды придавать невинный и честный смысл всем формулировкам, которые, возможно, будут нести невинный и честный смысл. Если бы суды могли отступать от этого правила с целью отстаивания того, что противоречит естественному праву, и могли бы использовать свою изобретательность в выявлении какого-либо подразумеваемого авторитета для санкционирования того, что само по себе нечестно или несправедливо, когда таковое не является *необходимым* значением используемого языка, не могло бы быть никакой гарантии в отношении честного отправления честных законов или честного выполнения людьми честных контрактов. Почти все формулировки, относительно значения которых выносят решения суды, по прихоти суда могут быть искажены с содействия честным целям на поддержку нечестных. Судьи могут толковать законы и контракты в пользу справедливости или несправедливости, как им заблагорассудится.

Другая причина существования правил заключается в том, что, поскольку правительства не имеют и не могут иметь законных целей или полномочий, противоречащих справедливости и естественному праву, было бы изменой всем законным целям правительства, если бы судебная власть придавала какое-либо иное значение, кроме честного и невинного, любому языку, который имел бы такую конструкцию.

По тем же причинам, которые запрещают допускать любые ненужные намеки или умозаключения в пользу правонарушения при разработке закона, запрещается также введение любых *посторонних или исторических* доказательств, подтверждающих, что намерения законодательного органа заключались в санкционировании правонарушения.

Те же правила построения, которые применяются к законодательным актам, применимы также ко всем тем частным контрактам между человеком и компанией, *которые суды фактически приводят в исполнение*. Но поскольку суды имеют право и обязаны полностью признавать недействительными такие частные контракты, которые несовместимы со справедливостью, они признают доказательства, не подтверждающие их слов, *если они представлены ответчиком с целью признания их недействительными*. В то же время истцу или стороне, желающей

заключить контракт или требующей его выполнения, не будет разрешено приводить какие-либо доказательства, помимо своих слов, для доказательства того, что контракт противоречит правосудию, поскольку, если бы его доказательства были приняты, это не сделало бы его несправедливое требование законным, а только полностью аннулировало бы его. Но поскольку суды не заявляют о праве признавать недействительными законы и конституции, они не признают доказательств, внешних по отношению к их языку, для придания им такого значения, что они должны быть признаны недействительными.

Я думаю, что никто — и уж точно ни один юрист — теперь не будет отрицать, что это юридическое правило толкования, которое должно применяться ко всем статутам, а также ко всем частным контрактам, *которые должны исполняться*, — что невинный смысл, *и ничего сверх невинного значения*, должен быть придан любому языку, который, возможно, будет нести такой смысл. Все, вероятно, согласятся с тем, что правило, установленное верховным судом Соединенных Штатов, является правильным, а именно, что "там, где нарушаются права, где ниспровергаются фундаментальные принципы, где общая система права отступает от общей системы права, намерение законодательства должно быть выражено *снепреодолимой ясностью*, чтобы побудить суд предположить умысел, направленный на достижение таких целей".

Но, возможно, кто-то скажет, что эти правила, которые применимы ко всем законодательным актам и ко всем частным контрактам, подлежащим исполнению, не применимы к конституции. И почему они этого не делают? Никаких причин привести невозможно. Конституция — это не что иное, как контракт, заключенный массой людей, а не несколькими индивидуумами. Этот контракт народа в целом становится законом для судебной власти, которая им управляет, точно так же, как частные контракты (в той мере, в какой они согласуются с естественным правом) являются законами для судов, которые выносят по ним решения. Все существенные принципы, которые затрагивают вопрос об обязательствах в случае частного контракта или законодательного акта, в равной степени затрагивают вопрос об обязательности контракта, согласованного всей массой людей. Это слишком очевидно, чтобы нуждаться в иллюстрациях.

Кроме того, разве не так же важно для безопасности и прав всех заинтересованных лиц, чтобы конституция или правительственный договор, установленный целым народом, толковались таким образом, чтобы способствовать достижению целей справедливости, как и то, чтобы частный договор или законодательный акт толковались таким образом? Разве не так же необходимо наложить определенный контроль на судебную власть, чтобы помешать ей извращать по своему усмотрению цель и характер правительства в целом, как и удерживать их от искажения смысла частного контракта или законодательного акта? Очевидно, что письменные правительственные соглашения не могли бы соблюдаться ни дня, если бы народные массы понимали, что судебные органы вольны толковать их по своему усмотрению, вместо того чтобы ограничивать их такими правилами, которые установлены сейчас.

Давайте теперь рассмотрим некоторые положения конституции и посмотрим, какие преступления могли бы считаться санкционированными ими, если бы их значение не было установлено и ограничено такими правилами толкования, которые применимы ко всем другим правовым документам.

Вторая поправка к конституции гласит, что "право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться".

Это право "хранить и носить оружие" подразумевает право на его применение — в той же степени, в какой положение, обеспечивающее людям право покупать и хранить продукты питания, подразумевало бы их право также употреблять их в пищу. Но это подразумеваемое право на применение оружия — это всего лишь право использовать его способом, соответствующим естественным правам, как, например, для защиты жизни, свободы, целомудрия и т.д. Вот невинный и справедливый смысл, которому поддаются эти слова; и поэтому такова *степень* их юридического значения. Если бы суды могли выйти за рамки невинного и необходимого значения слов и подразумевать или выводить из них полномочия на что-либо, противоречащее естественному праву, они могли бы подразумевать конституционное право народа применять оружие не только в справедливых и невинных целях защиты, но и в преступных целях агрессии - в целях убийства, грабежа или любых других противоправных действий, к которым можно применить оружие. Простой *словесный* подтекст в равной степени разрешил бы людям использовать оружие как в несправедливых, так и в справедливых целях. Но *юридический* подтекст дает только право на их невинное использование. И почему? Просто потому, что справедливость — это конец всякого закона, законный конец всех правительственных соглашений. Это само по себе закон; и у людей нет права или силы нарушать его обязанность.

Возьмем другой случай. Конституция провозглашает, что "Конгресс должен обладать полномочиями *регулировать торговлю* с иностранными государствами, а также между несколькими штатами и с индейскими племенами".

Верховный суд считает, что эта власть является исключительной в правительстве общей юрисдикции и не может контролироваться штатами. Тем не менее, это не дает конгрессу конституционных полномочий легализовать любую торговлю, несовместимую с естественной справедливостью между людьми; хотя *простое* словесное значение слов, если их растянуть до предела в пользу неправомерного, разрешило бы конгрессу легализовать торговлю ядами и смертоносным оружием с явной целью их использования способом, несовместимым с естественным правом, — например, для целей убийства.

По естественному праву и принципам естественного права лицо, которое должно *продать* другому оружие или яд, зная, что это будет сделано, или намереваясь, что оно будет использовано с целью убийства, будет юридически соучастником убийства, которое должно быть совершено с его помощью. И если предоставление конгрессу "полномочий регулировать торговлю" может быть расширено за пределы *невинного* значения этих слов — за пределы полномочий регулировать и разрешать торговлю, соответствующую естественной справедливости, — и охватывать все, что по своей сути преступно, что может совершаться под названием торговли, — тогда конгресс имеет полномочия конституции предоставлять отдельным лицам свободу ввоза оружия и ядов из "иностранных государств" в это и из одного штата в другой, и открытой продажи их с целью убийства, без каких-либо юридических ограничений или наказания.

Могут ли потребоваться какие-либо более веские аргументы, чем эти, чтобы доказать необходимость, обоснованность и негибкость того верховенства закона, которое требует от судебной власти придавать невинный смысл всем формулировкам, которые, возможно, будут нести невинный смысл? и приписывать *только* невинное значение языку, простой вербальный смысл которого может иметь как невинное, *так и* преступное значение? Если бы от этого

правила толкования можно было отступить, вряд ли нашлась бы власть, предоставленная конгрессу, которая не была бы *законно* превращена в орган для легализации преступлений высшей категории.

Итак, в свете этих принципов давайте рассмотрим те статьи конституции, которые признаются и санкционируют рабство. Их всего трое.

Наиболее часто цитируется третий пункт раздела 2 статьи 4 в следующих словах:

"Ни одно лицо, привлекаемое к службе или труду в одном штате в соответствии с его законами, скрывающееся в другом, не может быть освобождено от такой службы или работы в силу какого-либо закона или постановления в этом штате; но должно быть выдано по требованию стороны, которой такая служба или труд могут быть причитающимися".

Есть несколько причин, по которым этот пункт не предусматривает санкций за рабство.

1. Это должно быть истолковано, по возможности, как не допускающее ничего противоречащего естественному праву.

Если существует какая-либо "услуга или труд", к которой могут быть "привлечены" какие бы то ни было "лица", *согласно естественному праву*, и на которую любое лицо может, согласно естественному праву, "*требовать*" как на "*должный*" другого, такая "услуга или труд", и *только* такая, признается и санкционируется этим положением.

Не нужно никаких аргументов, чтобы определить, является ли "услуга или труд", которые требуются от раба, такими, которые могут быть "*востребованы*", *в соответствии с естественным правом*, как "*причитающиеся*" от него его хозяину. А если этого не может быть, необходимо, по возможности, найти какую-либо другую "услугу или труд", к которым мог бы применяться этот пункт.

В данном случае, очевидно, правильным определением слова "услуга" является труд *слуги*. И мы обнаруживаем, что во время и до принятия конституции лица, признанные законами штата "слугами", составляли многочисленный класс. Своды законов штатов изобиловали статутами, касающимися "слуг". Многие, по-видимому, были наняты государственными властями в качестве слуг из-за того, что считались некомпетентными из-за молодости и бедности обеспечивать себя самостоятельно. Многие, несомненно, были записаны в подмастерья своими родителями и опекунами, как и сейчас. Английские законы признавали класс слуг - и многие люди были привезены сюда из Англии в этом качестве и сохранили этот статус впоследствии. Многие заключали контракты в качестве слуг для оплаты проезда в эту страну. Таким образом, класс лиц, признанный законодательными актами штатов "слугами", был очень многочисленным и составлял видный субъект законодательства. Действительно, не требуется никаких других доказательств их количества, кроме единственного факта, что "лица, обязанные служить в течение нескольких лет", были особо отмечены конституцией Соединенных Штатов (статья 1, раздел 2), которая требует, чтобы они учитывались как единицы, составляющие основу представительства. Поэтому нет ни малейшего извинения за то, что мы делаем вид, будто не существовало достаточного класса, для обозначения которого использовались бы слова "служба или труд", без допущения существования рабов.[\[20\]](#)

2. *"Удерживаемый на службе или труде"* не является юридическим описанием рабства. Рабство - это собственность человека. Это не обязательно сопровождается *"службой или трудом"*. Очень значительная часть рабов либо слишком молоды, либо слишком стары, либо слишком больны, либо слишком невосприимчивы, чтобы оказывать *"службу или труд"*. Фактически, рабы, способные трудиться, как правило, могут быть принуждены к этому своими хозяевами. Однако труд не является существенным условием рабства. Сущность рабства состоит в том, что человек принадлежит как собственность — без какой-либо ссылки на обстоятельства, при которых он вынужден трудиться, или ему позволено жить в праздности, или он слишком молод, или слишком стар, или слишком болен, чтобы трудиться.

Если бы *"служба или труд"* были либо испытанием, либо необходимым сопровождающим рабство, это испытание само по себе упразднило бы рабство; потому что все рабы, прежде чем они смогут оказывать *"услугу или труд"*, должны были пройти через период младенчества, когда они не могли оказывать ни услуги, ни труда, и когда, следовательно, согласно этому испытанию, они были свободны. И если они были свободны в младенчестве, то впоследствии не могли быть порабощены.

3. *"Привлекается к службе или труду в одном штате согласно его законам"*.

В *"законах"* не учитывается тот факт, *"трудится"* раб или нет. Они не признают никаких обязательств с его стороны по труду. Они не будут предъявлять никаких *"требований"* хозяина к своему рабу в отношении *"обслуживания или труда"*. Если раб откажется трудиться, закон не будет вмешиваться, чтобы принудить его. Закон просто признает за хозяином *право собственности* на раба - точно так же, как он признает его право собственности на лошадь. Сделав это, хозяину остается заставить раба, если ему заблагорассудится и если он сможет — как он заставил бы лошадь — трудиться. Если хозяину не угодно или он не в состоянии принудить раба к труду, закон учитывает этот случай не больше, чем поведение непокорной лошади. Короче говоря, он не признает никакой обязанности раба трудиться, если он может избежать этого. Он не признает никаких *"требований"* со стороны хозяина к своему рабу за *"услуги или труд"* как *"должных"* последнего первому.

4. Ни *"служба"*, ни *"труд"* не обязательно являются рабством; и, не будучи обязательно рабством, слова в данном случае не могут быть искажены сверх их необходимого значения, чтобы заставить их санкционировать правонарушение. Закон не позволит исказить слова ни на йоту сверх их *необходимого* значения, чтобы они санкционировали правонарушение. *Растяжка, если таковая имеется, всегда должна быть направлена вправо.* Слова *"служба или труд"* не обязательно, ни в их общепринятом понимании, даже предполагают идею рабства — то есть они не предполагают идею о том, что рабочий или слуга является собственностью человека, на которого он работает. Ученик с контрактом служит и трудится на другого. Он *"обязан"* сделать это по контракту и за вознаграждение, которые признаны законами законными и соответствующими естественному праву. Однако им не владеют как собственностью. Осужденный преступник *"привлечен к труду"* — однако им не владеют как собственностью. Закон не допускает такого искажения значения слов в сторону зла, которое превратило бы слова *"служба или труд"* (людей) в *собственность человека* — и, таким образом, сделало бы человека, который служит или трудится на другого, собственностью этого другого.

5. *"Ни одно лицо, привлекаемое к службе или труду в каком-либо штате согласно его законам"*.

Упомянутые здесь и подразумеваемо санкционированные "*законы*" являются, конечно, только *конституционными* законами — законами, которые согласуются как с конституцией штата, так и с конституцией Соединенных Штатов. Никакие другие, строго говоря, не являются "*законами*", как бы они ни пытались "привлечь людей к службе или труду", или как бы они ни имели форму законов в сводах законодательных актов.

Следовательно, это слово "*законы*", будучи материальным словом, оставляет весь вопрос именно там, где оно было использовано, поскольку оно, конечно, не *само по себе* — как, впрочем, и ни в какой другой части статьи — говорит о том, что акты законодательного органа, объявляющие одного человека собственностью другого, являются "*законом*" по смыслу конституции. Насколько слово "*законы*" что—либо говорит по этому вопросу, оно говорит о том, что такие акты *не* являются законами, поскольку такие акты явно несовместимы с естественным правом, и еще предстоит доказать, что они согласуются с любой конституцией, какой бы она ни была, государственной или национальной.

Таким образом, бремя доказывания по-прежнему лежит на защитниках рабства, которые должны доказать, что акт законодательного органа штата, объявляющий одного человека собственностью другого, является "*законом*" по смыслу этого пункта. Просто утверждать, что это так, не доказывая, что это так, — значит просто напрашиваться на вопрос, ибо это и есть тот самый пункт спора.

Следовательно, сначала должен быть определен вопрос о *конституционности* действий рабовладельцев, прежде чем можно будет решить, что они являются "*законами*" по смыслу конституции. То есть должно быть доказано, что они соответствуют конституции, прежде чем можно будет сказать, что они санкционированы конституцией в качестве "*законов*". Может ли какое-либо предложение быть более ясным, чем это? И все же в данном случае сторонники рабства должны исходить из обратного.

Простой факт, что закон направлен на "*привлечение лиц к службе или труду*", явно не может *сам по себе* сделать закон конституционным. Если бы это было возможно, любой акт, направленный на привлечение "*лиц к службе или труду*", обязательно был бы конституционным, независимо от каких-либо содержащихся таким образом "*лиц*" или условий, на которых они содержались. Это было бы конституционно, *исключительно потому, что предполагало привлечение людей к службе или труду*. Если бы это было истинной доктриной, любой из нас, независимо от личности, мог бы быть привлечен к службе или труду по усмотрению законодательной власти. И тогда, если "*служба или труд*" означают рабство, из этого следует, что любой из нас, без какой-либо дискриминации, может быть превращен в раба. И таким образом, результатом было бы то, что акты законодательного органа были бы конституционными, *исключительно потому, что они делали людей рабами*. Безусловно, это стало бы новой проверкой конституционности законов.

Все аргументы в пользу рабства, которые до сих пор приводились из этого пункта конституции, были основаны на предположении, что если акт законодательного органа имел целью лишь "*принуждение лиц к службе или труду*" — независимо от того, как, на каких условиях или по какой причине — одного этого факта было достаточно, чтобы сделать закон конституционным. Вся сумма аргументов в пользу рабства сводится лишь к этому, а именно. конституция признает конституционность "*законов*", которые "*принуждают людей к службе или труду*", — акты рабства "*принуждают людей к службе или труду*", — следовательно, акты рабства должны быть

конституционными. Этот глубокий силлогизм является великой опорой рабства в этой стране. Оно (если судить по результатам) выдерживало проверку всей юридической проницательности этой страны в течение пятидесяти и более лет. Если оно будет продолжать сопротивляться этому столько же лет, сколько оно уже выдержало, тогда настанет время выдвинуть следующее, а именно: конституции штатов признают право людей на приобретение собственности; кража, грабеж и убийство относятся к числу способов приобретения собственности; следовательно, воровство, разбой и убийство признаны этими конституциями законными.

Несомненно, этот пункт предполагает, что могут существовать конституционные "законы", в соответствии с которыми лица могут быть "привлечены к службе или труду". Но из этого не следует, что каждый акт, направленный на привлечение "лиц к службе или труду", является конституционным.

Таким образом, мы обязаны определить, является ли статут конституционным, прежде чем мы сможем определить, санкционирована ли конституцией требуемая им "служба или труд" как законно требуемые. Простой факт, что статут "принуждает лиц к службе или труду", сам по себе *of itself* не является доказательством ни за, ни против его конституционности. Будет ли это конституционным или нет, может зависеть от множества непредвиденных обстоятельств, таких как вид требуемой услуги или труда и условия, на которых это требуется. Любая служба или труд, несовместимые с обязанностями, которые конституция требует от народа, конечно, не санкционируются этим пунктом конституции как требуемые по закону. Разумеется, также не является законным требование службы или труда, *на каких бы то ни было условиях, которые несовместимы с любыми правами, гарантированными народу конституцией*, санкционированными конституцией. Таким образом, рабовладельческие законы, очевидно, могут считаться санкционированными этим пунктом конституции, только если необоснованно предположить, что, во-первых, конституция не предоставляет никаких прав и не налагает никаких обязанностей на народ Соединенных Штатов, несовместимых с их превращением в рабов; и, во-вторых, что она санкционирует общий принцип привлечения "лиц к службе или труду" произвольно, без контракта, без компенсации и без обвинения в совершении преступления. Если это действительно та конституция, которая действует с 1789 года, то в некотором роде удивительно, что в стране так мало рабов. С другой стороны, если конституция не такого рода, то не менее замечательно, что у нас вообще есть рабы, поскольку документ не дает оснований утверждать, что цветной человек может быть превращен в раба, а белый — нет.

Опять же. Акты о рабстве не были "законами" ни в одной конституции штата, существовавшей на момент принятия конституции Соединенных Штатов. И если в то время они не были "законами", то с тех пор таковыми не стали.

6. Сама конституция (статья 1. Раздел 2), устанавливая основу представительства, прямо *отрицает*, что те, кто описан в статье 4 как "лица, привлекаемые к службе или труду", являются рабами, поскольку в ней говорится, что "лица, обязанные служить в течение нескольких лет", должны быть "включены" в "число свободных лиц". Нет никакой *юридической* разницы между тем, чтобы быть "обязанным служить", и тем, чтобы быть "привлеченным к службе или труду". Добавление в одном случае слов "сроком на несколько лет" не меняет дела, поскольку не похоже, что в другом случае они "привлекаются к службе или труду" сверх установленного срока — и, в отсутствие доказательств из самой конституции, должно исходить из того, что это не так, — потому что такая презумпция делает ненужным выходить за рамки конституции, чтобы найти

предполагаемых лиц, и это также более согласуется с преобладающим муниципальным правом и естественным правом.

И для этого результата не имеет значения, будет ли слово "свободный" в первой статье использоваться в политическом смысле, распространенном в то время, или как коррелят рабства. В любом случае люди, описанные как "свободные", не могли быть превращены в рабов.

7. Слова "служба или труд" не могут включать рабство, если не изменить правовой принцип, согласно которому большее включает меньшее, и не считать, что меньшее включает большее; что невиновный включает преступника; что санкция того, что правильно, включает санкцию того, что неправильно.

Еще одно положение, на которое ссылаются как на признание конституционности рабства, заключается в следующем (статья 1. Раздел 2.):

"Представительские и прямые налоги распределяются между несколькими штатами, которые могут быть включены в состав настоящего союза, согласно их соответствующей численности, которая определяется путем прибавления ко всему числу *свободных* лиц, включая лиц, обязанных служить в течение нескольких лет, и исключая индейцев, не облагаемых налогом, трех пятых всех других лиц".

Аргумент, приведенный в этом пункте в поддержку рабства, полностью основывается на слове "свободный" и словах "все другие лица". Или, скорее, это полностью зависит от значения слова "свободный", поскольку применение слов "все другие лица" зависит от значения, придаваемого слову "свободный". Аргумент о рабстве *предполагает, беспричинно*, что слово "свободный" используется как коррелят рабства, и отсюда следует, что слова "все остальные лица" означают рабов.

Очевидно, что слово "свободный" не является аргументом в пользу рабства, если только ему не будет *произвольно* придано значение, соотносимое с рабством, с той самой целью, чтобы *заставить* конституцию санкционировать или признавать рабство. Теперь совершенно ясно, что такому слову нельзя придавать никакого значения, *для такой цели*. Обычное значение слова не может быть таким образом произвольно изменено *ради наказания за правонарушение*. Выбор значения был бы вполне допустимым и даже обязательным, если бы он был сделан с целью *избежать* любой такой санкции; но он совершенно недопустим с целью его придания. Установленные ранее юридические правила толкования настоятельно требуют такого предпочтения правильного перед неправильным во всех случаях, когда слово может иметь различные значения.

Английское право на протяжении веков использовало слово "свободный" для описания лиц, обладающих гражданством или каким-либо другим правом голоса или особой привилегией, в отличие от иностранцев, и лиц, не обладающих таким правом голоса или привилегией. Этот закон и такое использование слова "свободный", как уже было показано, были приняты в этой стране с момента ее первого поселения. Все колониальные хартии (вероятно, без исключения) признавали это. Колониальное законодательство в целом, если не повсеместно, признавало это. Конституции штатов, существовавшие на момент составления и принятия конституции

Соединенных Штатов, использовали это слово в этом смысле, и никаком другом. В Статьях Конфедерации — существовавшем тогда национальном договоре о союзе — это слово использовалось именно в этом смысле, и никаком другом. Значение является подходящим само по себе; наиболее подходящее и согласующееся со всем характером конституции, к любому из которых применимо это слово. Фактически, это единственный документ, который либо соответствует другим частям документа, либо согласуется с ними. Почему же тогда он не имеет юридического значения? Очевидно, что *это является* юридическим значением. Против этого нельзя привести никаких доводов, за исключением того, что, если таков его смысл, *конституция не будет санкционировать рабство!* Очень веская причина — фактически, совершенно неопровержимая — в пользу этого значения; но очень бесполезная причина против него.

Очевидно, что слово "свободный" не используется как соотносимое с рабством, потому что "индейцы, не облагаемые налогами", "исключены" из сферы его применения — и все же они, следовательно, не являются рабами.

Снова. Нельзя предполагать, что слово "свободный" используется как коррелят рабства, поскольку рабство тогда не имело *юридического* существования. Очевидно, что это слово должно использоваться как соотносительное с чем-то, что *юридически* существовало, а не с чем-то, что юридически не существовало. Если бы оно использовалось как соотносительное с чем-то, чего юридически не существовало, слова "все другие лица" не имели бы юридического применения. До тех пор, пока не будет доказано, что рабство имело законное существование, санкционированное либо конституцией Соединенных Штатов, либо существовавшими на тот момент конституциями штатов — чего нельзя показать, — слово "свободный", безусловно, нельзя утверждать, что оно использовалось в качестве его коррелята.

Но даже если бы рабство было разрешено конституциями *штатов*, нельзя было бы утверждать, что слово "свободный" в конституции Соединенных Штатов использовалось в качестве его коррелята, если бы не оказалось, что конституция Соединенных Штатов сама по себе не предусматривала или не предлагала никакого коррелята слову "свободный"; поскольку было бы очевидно, что было бы абсурдно и недопустимо выходить за рамки инструмента, чтобы найти предполагаемый коррелят одному из своих собственных слов, когда оно само предложило его. Это сделано конституцией Соединенных Штатов в отношении иностранцев. Согласно конституции, право на натурализацию отнято у штатов и предоставлено исключительно Соединенным Штатам. Таким образом, конституция Соединенных Штатов обязательно предполагает существование иностранцев — и, таким образом, обеспечивает искомое соответствие. Это дает класс как для слова "свободный", так и для слов "все другие лица", к которым можно применить. И все же аргумент рабовладельцев утверждает, что мы должны игнорировать эти различия, неизбежно вытекающие из законов Соединенных Штатов, и выйти за рамки конституции Соединенных Штатов, чтобы *найти* лиц, которых она описывает как "свободных", и "всех других лиц". И что делает аргумент еще более абсурдным, так это то, что, перейдя от документа к *существовавшим на тот момент конституциям штатов* — единственным инструментам, к которым мы можем обратиться, — мы не можем найти там *других* лиц, к которым могли бы применяться эти слова, — никаких других классов, соответствующих описанию "свободных людей" и "всех других лиц", — кроме тех самых классов, которые предлагаются самой конституцией Соединенных Штатов, а именно граждан и иностранцев;

(поскольку ранее было показано, что существовавшие на тот момент конституции штатов не признавали таких лиц рабами.)

Если мы обязаны (как утверждает аргумент рабовладельцев) выйти за рамки конституции Соединенных Штатов, чтобы найти класс, который она описывает как "всех других людей", а не как "свободных", мы, насколько я вижу, будем в равной степени обязаны выйти за рамки конституции, чтобы найти тех, кого она описывает как "свободных", поскольку "свободные" и "все другие лица", кроме "свободных", должны предполагаться описанными где-то в одном документе. Если, таким образом, мы обязаны выйти за рамки конституции, чтобы найти лиц, описанных в ней как "свободные" и "все другие лица", мы обязаны выйти за рамки нее, чтобы установить, кто те лица, на которых, как она заявляет, должно основываться представительство правительства, и на ком, конечно же, основано правительство. И, таким образом, мы должны были бы столкнуться с абсурдом конституции, которая якобы уполномочивает правительство, но оставляет нас на поиски людей, которые должны быть в ней представлены. Кроме того, если бы мы были вынуждены выйти за рамки конституции, чтобы найти лиц, на которых основывается правительство, и эти лица произвольно предписаны каким—либо другим инструментом, независимым от конституции, из этого последовало бы противоречие, а именно, что правительство Соединенных Штатов было бы подчиненным правительством — простым придатком к чему—то другому — хвостом к какому—то другому воздушному змею - или, скорее, хвостом к большому количеству воздушных змеев сразу - вместо того, чтобы быть, как оно заявляет о себе, верховным правительством - его конституция и законы являются высшим законом страны.

Снова. Конечно, нельзя допустить, что мы должны выходить за рамки конституции Соединенных Штатов, чтобы найти классы, которые она описывает как "свободных", и "всех других людей", кроме "свободных", пока не будет доказано, что конституция указала нам, куда идти, чтобы найти их. *Во всех других случаях*(я думаю, без исключения), когда конституция ставит какие-либо из своих положений в зависимость от конституций штатов или законодательных органов штатов, она особо описывает их как зависящие от них. Но это никак не намекает на то, что оно предоставило конституциям штатов или законодательным собраниям штатов определять, кого оно подразумевает под терминами "свободные лица" и "все другие лица", на которых оно должно основывать свое собственное представительство. Следовательно, конституция Соединенных Штатов дает нам не больше полномочий для обращения к конституциям штатов в поисках классов, описанных в первой как "свободные люди" и "все другие лица", чем у нас есть для посещения Турции или Японии. Поэтому мы вынуждены искать их в самой конституции Соединенных Штатов, если там можно найти что-либо, соответствующее этому описанию.

Снова. Если бы нам разрешили обратиться к конституциям штатов или к сводам законов штатов, чтобы выяснить, какие лица предусмотрены конституцией Соединенных Штатов; и если бы, как предполагает аргумент рабовладельцев, на усмотрение штатов было оставлено соответственно предписывать, кто должен, а кто не должен быть "свободным" по смыслу конституции Соединенных Штатов, из этого следовало бы, что термины "свободный" и "все другие лица" могли применяться столькими различными способами и к стольким разным классам людей, сколько в союзе было разных штатов. Не только это, но и подача заявления также может варьироваться по желанию в одном и том же штате. Одним из неизбежных последствий такого положения вещей было бы то, что не могло бы быть ни постоянной, ни единообразной основы представительства по всей стране. Другим возможным и даже

вероятным следствием была бы такая неразрешимая путаница в отношении лиц, описываемых одними и теми же терминами в разных штатах, что Конгресс вообще не смог бы распределить национальное представительство в соответствии с требованиями конституции. Правовые вопросы, возникающие из-за различного использования слова "свободный" разными штатами, могут стать настолько бесконечными и необъяснимыми, что правительства штатов могут полностью лишиться правительство общей юрисдикции возможности производить распределение.

Если к этому пункту применить рабовладельческую трактовку, возникнет еще одна трудность на пути распределения, а именно: конгресс не может обладать *юридическими* знаниями о лицах, составляющих каждый из двух различных классов, на которых должно основываться его представительство; поскольку нет никаких юридических данных — известных законам Соединенных Штатов или даже законам штатов — о тех, кто является рабами, или о тех, кто ими не является. Информация, полученная переписчиками (у которых нет юридических документов, к которым можно обратиться), по самой природе вещей, должна носить самый расплывчатый и неопределенный характер по таким вопросам, как эти. Следовательно, какие-либо точные или *юридические* знания по данному вопросу, очевидно, невозможны. Но если будет принята другая конструкция, этой трудности удастся избежать, поскольку конгресс тогда будет контролировать весь вопрос и сможет принять такие средства, которые могут потребоваться для точного установления лиц, принадлежащих к каждому из этих различных классов. И своими законами о натурализации они действительно предусматривают *юридическую* регистрацию всех, кто стал "свободным" в результате натурализации.

И это соображение достоверности относительно индивидов и численности, принадлежащих к каждому из этих двух классов, "свободным" и "всем прочим лицам", приобретает все большую и непреодолимую силу, когда принимается во внимание, что эти различные классы лиц составляют также различные базы для налогообложения, а также представительства. Требование конституции состоит в том, что "представители и *прямые налоги* должны быть распределены" и т.д. в соответствии с количеством "свободных лиц" и "всех других лиц". Применительно к такому важному предмету, как налогообложение, становится необходимым *точное* и *юридическое* знание лиц и численности, принадлежащих к различным классам. Однако при рабовладельческом устройстве это юридическое знание становится невозможным. Согласно другой конструкции, это настолько совершенно и всецело находится во власти конгресса, насколько, по природе вещей, может быть такой предмет, поскольку натурализация — это юридический процесс; и юридические записи, предписанные конгрессом, могут храниться и фактически хранятся обо всех лицах, натурализованных или ставших "свободными" по их законам.

Если мы примем то значение слова "свободный", которое согласуется со свободой — то значение, которое согласуется с естественным правом, — значение, придаваемое ему Статьями Конфедерации, существовавшими тогда конституциями штатов, колониальными хартиями и английским законодательством с тех пор, как наши предки носили имя свободных людей, все эти трудности, несоответствия, противоречия и абсурдности, которые должны были бы возникнуть в противном случае, исчезнут. Затем слово "свободный" описывает коренных и натурализованных граждан Соединенных Штатов, а слова "все остальные лица" описывают иностранцев-резидентов, "индейцев, не облагаемых налогом", и, возможно, некоторых других. Затем представительство осуществляется на наилучшей, наиболее справедливой и

рациональной основе, которую только можно описать используемыми словами.

Представительство также становится равным и единообразным по всей стране. Принцип различия между двумя основами также становится стабильным, рациональным и понятный — тот, который слишком неизбежно вытекает из осуществления одной из полномочий, предоставленных конгрессу; — тот, действие которого могли бы предвидеть и оценить люди, принявшие конституцию, — вместо того, который колеблется в зависимости от постоянно меняющегося и произвольного законодательства различных штатов, способ и мотивы действий которого невозможно было предвидеть. Примите это определение слова "свободный", и тот же законодательный орган (то есть национальный), который по конституции обязан распределять представительство в соответствии с определенными принципами, будет наделен — как это, очевидно, должно быть и как это обязательно должно быть, чтобы быть эффективным — полномочиями определять своими собственными законами (о натурализации), кто являются лицами, составляющими различные основы, на которых должно производиться его распределение; вместо того, чтобы быть, как это было бы в противном случае, обязанными искать этих лиц по всем сводам законов всех различных штатов мира. союз, а также через все свидетельства частной собственности, при которых мог бы существовать один из этих классов. Примите это определение слова "свободный", и правительство Соединенных Штатов станет, по крайней мере, в том, что касается его народного представительства — что является его наиболее важной чертой, — независимым правительством, существующим за счет своей собственной энергии и повсюду руководствующимся одним единообразным принципом. Отвергните это определение, и народное национальное представительство сразу потеряет свою национальность и станет простой зависимостью от воли местных корпораций — простым волаком, который гоняют туда-сюда произвольным и противоречивым законодательством неопределенного числа отдельных штатов. Примите это значение слова "свободный", и национальное правительство станет способным осознавать свои собственные основы представительства и власти, а также свои собственные субъекты налогообложения. Отвергните это определение, и правительство не будет знать, кого оно представляет и с кого взимать налоги для своей поддержки. Примите это значение слова "свободный", и около трех миллионов уроженцев, но ныне раздавленных человеческих существ, станут вместе с своим потомством мужчинами и гражданами. Примите это значение — это *юридическое* значение — это *единственное* значение, которое в этом пункте может быть *юридически* придано слову "свободный", и наша конституция станет вместо гнусного соглашения заговорщиков против прав человека последовательным и беспристрастным государственным договором между *всем* "народом Соединенных Штатов" для обеспечения "себе и своему потомству благ свободы" и "справедливости".

Еще раз. Мы не можем без необходимости придавать конституции значение, прямо разрушающее правительство, для установления которого она была разработана. Придавая слову "свободный" значение, которое повсеместно придавалось ему нашими политическими газетами аналогичного характера вплоть до принятия конституции, мы отдаем правительству три миллиона граждан, готовых бороться и платить налоги за его поддержку. Придавая слову "свободный" значение, соотносимое с рабством, мы обнаруживаем в нашей среде три миллиона врагов; таким образом, физическая мощь нации уменьшается на шесть миллионов (треть от всего нашего числа). Конечно, значение, столь самоубийственное по отношению к правительству, не может быть придано какой-либо части конституции, за исключением того, что формулировки должны быть неопровержимо четкими; тем более это может быть сделано (как в

данном случае) бессмысленно, без необходимости, безвозмездно, порочно и в нарушение всего предыдущего использования.

Еще раз. Если мы посмотрим на значение слова "свободный" в самой конституции, то обнаружим, что оно вытекает из признанного там различия между гражданами и иностранцами. Если мы посмотрим на конституции современных штатов, мы все еще найдем слово "свободный" для выражения политического отношения индивида к государству, а не какого-либо имущественного отношения одного индивида к другому. Если мы обратимся к закону природы в поисках значения слова "свободный", мы обнаружим, что в соответствии с этим законом все человечество свободно. Поэтому, независимо от того, обращаемся ли мы к самой конституции, к конституциям современных штатов или к закону природы в поисках значения этого слова "свободный", единственное значение, которое мы найдем, - это значение, соответствующее личной свободе каждого. С другой стороны, если мы полны решимости придать этому слову значение, соотносимое с рабством, мы должны обратиться к незаконному кодексу похитителя, чтобы найти такое значение. Нужны ли какие-либо аргументы, чтобы доказать, какому из этих различных кодексов обязаны следовать наши судебные инстанции, чтобы найти значение слов, используемых в конституции, которая якобы создана для обеспечения свободы и справедливости?

Еще раз. Совершенно ложно, абсурдно, насильственно, неестественно и абсурдно при толковании политического документа, который призван установить отношения людей к государству, и особенно при толковании статьи в нем, которая устанавливает основы представительства и налогообложения, придавать словам, которые описывают лиц, подлежащих представлению и обложению налогами, и которые надлежащим образом указывают на те отношения людей к государству, которые делают их надлежащими субъектами налогообложения и представительства, — придавать таким словам значение, которое, вместо описания отношений людей к государству, описывало бы просто личные или имущественные отношения одного человека к государству. другой, который государство больше нигде не признало и который, если допустить его существование, освободил бы описанных лиц от всякой лояльности государству, лишил бы их всякого права быть представленными и освободил бы их от всякой налоговой ответственности.

Но нет необходимости разбирать этот подчиненный аргумент во всех его разветвлениях. В нем нет ничего, кроме предположений, которые являются необоснованными, абсурдными, невероятными, неуместными, противоречащими всему предыдущему использованию, противоречащими естественному праву и, следовательно, неприемлемыми. Это не ведет ни к чему, кроме противоречий, абсурда, невозможности, неизбирательного рабства, анархии и разрушения того самого правительства, для установления которого была разработана конституция.

Другой пункт, на который ссылаются как на признание и санкцию как рабства, так и работорговли, заключается в следующем:

"Миграция или ввоз таких лиц, которые любой из ныне существующих штатов сочтет нужным принять, не должны запрещаться конгрессом до тысяча восемьсот восьмого года, но на такой ввоз может быть наложен налог или пошлина, не превышающие десяти долларов с каждого человека". — (Статья 1, раздел 9.)

Аргумент о рабстве, вытекающий из этого пункта, заключается в том, что слово "ввоз" применимо только к собственности, и, следовательно, в этом пункте подразумевается, что лица, подлежащие ввозу, обязательно должны быть ввезены как собственность, то есть как рабы.

Но представление о том, что слово "ввоз" применимо только к имуществу, ошибочно. Оно правильно применяется как к людям, так и к вещам. Определение глагола "импортировать" - это просто "ввозить из чужой страны или юрисдикции или из другого штата в свою собственную страну, юрисдикцию или штат". — Когда мы говорим об "импорте" вещей, это правда, что мы мысленно ассоциируем с ними идею собственности. Но это просто потому, что *вещи* являются собственностью, а не потому, что слово "импорт" имеет какой-либо контроль, в частности, над характером импортируемых вещей. Когда мы говорим об импорте "лиц", мы не связываем с ними идею собственности просто потому, что "лица" не являются собственностью.

Мы ежедневно говорим о "ввозе иностранцев в страну", но никто не делает из этого вывода, что их ввозят как рабов, а как пассажиров. Судно ввозит или привозит пятьсот пассажиров. Каждое судно или капитан судна, которое "привозит" пассажиров, "импортирует" их. Но, следовательно, такие пассажиры не являются рабами. Мужчина ввозит свою жену и детей, но, следовательно, они не являются его рабами и не могут принадлежать ему или продаваться как его собственность. Человек нанимает бригаду рабочих для расчистки земель, прокладки каналов или строительства железных дорог; но, следовательно, не для того, чтобы их держали как рабов. Этому слову нужно придать невинное значение, если оно его допускает. Такова юридическая норма.

Даже популярное понимание слова "импорт" применительно к "лицам" не передает идею собственности. Любая такая идея передается только тогда, когда она четко применяется к "рабам"; и тогда именно слово "рабы", а не слово "импорт", наводит на мысль о собственности. Даже работоторговцы и рабовладельцы не придают такого значения слову "импорт", когда оно связано со словом "лица"; но только когда оно связано со словом "рабы".

В деле *Огдена против Сондерс* (12 Уитон, 332), Главный судья Маршалл сказал, что при толковании конституции "намерение документа должно преобладать; что это намерение должно быть выведено из его слов; что его слова должны пониматься в том смысле, в каком они *обычно используются* теми, для кого документ был предназначен". Исходя из этого принципа построения, нет ни малейших оснований утверждать, что это положение о "ввозе людей" санкционировало ввоз их в качестве рабов. Чтобы придать этому слову такое значение, требуется такое же растягивание слов *в сторону неправильного*, какое применяется защитниками рабства к словам "служба или труд", а также к словам "свободный" и "все другие лица".

Другая причина, по которой необходимо, чтобы эта конструкция была применена к слову "ввоз", заключается в том, что в этом предложении нет другого слова, описывающего иммиграцию иностранцев. Тем не менее, не может быть никаких сомнений в том, что это положение касалось иммиграции иностранцев *вообще* и что оно удерживало конгресс (вплоть до 1808 года) от запрета иммиграции иностранцев вообще.

Целью и единственной *юридической* целью этого пункта было воспрепятствовать конгрессу осуществлять таким образом свои "полномочия по регулированию торговли с иностранными государствами, а также между несколькими штатами и с индейскими племенами" — (какие

полномочия, по решению верховного суда Соединенных Штатов, включают полномочия по навигации и перевозке пассажиров на лодках и катамаранах[21]) — чтобы воспрепятствовать притоку нового населения в те штаты, которые желали увеличить свое население таким образом. Это положение вовсе не подразумевает, что население, которое штаты должны были таким образом "признать", должно было быть рабовладельческим населением.

Слово "ввоз" (я повторяю) - единственное слово в этом пункте, которое применяется к лицам, которые должны были *прибыть* в страну из иностранных государств. Слово "*миграция*" применимо только к тем, кто должен был *выехать* из одного из наших собственных штатов или территорий в другой. "*Миграция*" - это акт *выезда* из штата или страны; и отличается от иммиграции тем, что иммиграция - это акт *въезда* в штат или страну. Следовательно, очевидно, что "*миграция*", которую конгрессу здесь запрещено запрещать, — это просто *выезд* людей из одного из наших собственных штатов или территорий в другой — (поскольку это единственная "*миграция*", которая может подпадать под юрисдикцию конгресса) - и что она не имеет отношения к лицам, *въезжающим* из зарубежных стран в нашу собственную.

Если, таким образом, термин "миграция" в том виде, в каком он используется здесь, относится только к лицам, *выезжающим* из одного государства в другое, то слово "ввоз" является единственным в этом пункте, которое применимо к иностранцам, въезжающим в нашу страну. Таким образом, это слово "ввоз", являясь единственным словом, которое может применяться к лицам, прибывающим в страну, должно рассматриваться как по существу синоним иммиграции и должно в равной степени применяться ко всем "лицам", которые "импортируются" или ввозятся в страну в качестве пассажиров. И если это в равной степени относится ко всем лицам, которых ввозят в страну в качестве пассажиров, это не *подразумевает*, что кто-либо из этих лиц является рабом; ибо никто не будет утверждать, что этот пункт когда-либо уполномочивал правительства штатов обращаться как с рабами со *всеми* лицами, которые были ввезены в страну в качестве пассажиров. И если это не разрешало им обращаться со всеми такими пассажирами как с рабами, это не разрешало им обращаться ни с кем из них как таковых; поскольку это не делает никакой дискриминации между различными "лицами", которые должны быть таким образом ввезены.

Снова. Аргумент о том, что разрешение на "ввоз" "людей" подразумевает разрешение собственности на таких лиц, подразумевал бы признание действительности законов о рабстве других стран; ибо, если рабы не были приобретены путем действительной покупки за границей — а эта покупка подразумевает существование и действительность иностранных законов о рабстве — импортер, конечно, не мог утверждать, что ввозит своих рабов как собственность; но на таможне он предстал бы простым пиратом, утверждающим, что его добыча легализована. Таким образом, *согласно аргументу рабовладельцев*, простое использование слова "ввоз" в конституции применительно к "лицам" обязывало наше правительство не только санкционировать и терпимо относиться к рабству в нашей собственной стране, но и признать действительность законов о рабстве других стран.

Но дальше. Разрешение "ввоза" рабов как таковых в соответствии с этим пунктом конституции означало бы, что конгресс должен реально и даже самым критичным образом ознакомиться с законами о рабстве других стран; и что они не должны допускать, чтобы ни простого слова человека, называющего себя владельцем, ни чего-либо, кроме самого полного и ясного юридического доказательства, в соответствии с законами этих стран, было достаточным для

того, чтобы он мог ввезти своих рабов в качестве собственности на таможню; в противном случае любые капитаны судов из Англии или Франции, а также из Африки, могли бы, по своему усмотрению, прибыв сюда, заявлять права на своих пассажиров как на рабов. Намеревалась ли конституция в этом пункте, просто используя слово "ввоз" вместо "иммиграция", возложить на национальное правительство — с риском сделать его участником незаконного порабощения людей — ответственность за расследование и принятие решения о законности и достоверности всех доказательств, которые могли бы быть представлены пиратствующими капитанами невольничьих судов, чтобы доказать их действительную покупку и право собственности на их грузы с людьми в соответствии с законами о рабстве стран, из которых они должны их привезти? Таково, должно быть, было намерение конституции, если она намеревалась (как это и должно быть, если она намеревалась что-либо в этом роде), чтобы факт "импорта" в соответствии с коммерческими правилами конгресса впоследствии был достаточным основанием для содержания в рабстве ввезенных лиц.

Но, возможно, скажут, что конституция не предусматривала, чтобы конгресс вообще брал на себя какую-либо ответственность в этом вопросе; что просто предполагалось, что любому, кто прибывает в страну с грузом людей, которых он называет своими рабами, должно быть разрешено ввозить их под свою личную ответственность и продавать их в качестве пожизненных рабов нашему народу; и что конгрессу было запрещено только вмешиваться или задавать какие-либо вопросы относительно того, как он их заполучил или как они стали его рабами. Предположим, таково было намерение конституции — что из этого следует? Почему, что национальные правительства, только правительство, которое было бы известно иностранным государствам, единственным государством, которое должно было быть разрешено регулировать коммерции, или заключать договоры с иностранными государствами, правительства которых в одиночку было возложить ответственность за войны с иностранными государствами, был обязан разрешения (до 1808 года) все мастера, как наши собственные корабли и суда других народов, в свою очередь пираты, и сделать рабами своих пассажиров, то ли англичане, французы, или любой другой цивилизованный человек, (по Конституции делает никакого различия "лица" на данный момент) приведения их в этой стране, продают их в качестве рабов для того, чтобы жизнь наших людей, и, таким образом, сделать нашу страну сближения и гавань для пиратов, нас неизбежно вовлечь в войну с каждой цивилизованной нацией в мире, заставить себя быть вне закона, как людей, и приносят определенные и скорую гибель на весь народ; и пока эта власть, что имел личную ответственность всех наших международных отношений, Конституцией запрещено вмешательство в дело, или сделать любую вещь, но вот, подняв свои руки в молитве к Богу и эти пираты, что бы так далеко отходить, а вторые до сих пор воздерживался от обычных курсов, как может быть необходимо для спасения нас, до 1808 года, (после чего мы хотели взять дело в свои руки, и, запрещая причины опасности, спастись) от справедливого возмездия, о котором остальные люди были на нас.

Это та конституция, по которой (согласно аргументу рабовладельцев) мы жили до 1808 года.

Но таков ли реальный характер конституции? Действительно ли мы в ней заявили миру, что являемся нацией пиратов? что наша территория должна быть гаванью для пиратов? что нашему народу конституционно разрешено порабощать людей всех других наций без какой-либо дискриминации (поскольку документ не допускает дискриминации), которых они могут либо похитить в своих собственных странах, либо захватить в открытом море? и что мы даже запретили нашему единственному правительству, которое могло заключать договоры с

иностранными государствами, заключать какие-либо договоры до 1808 года с какой-либо конкретной нацией, чтобы освободить народ этой страны от ответственности быть порабощенным нашим собственным народом? Аргумент рабов гласит, что мы все это признали. Если мы действительно признали, возможно, все, что можно сказать об этом сейчас, это то, что нам очень повезло, что другие нации не поверили нам на слово. Ибо, если бы они поверили нам на слово, мы были бы в числе тех наций, которые были до 1808 года.

Предположим, что иностранные государства обвинили бы нас в организации нашего правительства в создании пиратского правительства — как мы могли бы опровергнуть это обвинение иначе, чем отрицанием того, что слова "ввоз людей" юридически подразумевали, что ввезенные люди были рабами? Предположим, что европейские послы сообщили бы президенту Вашингтону, что их правительства рассматривают нашу конституцию как разрешение нашему народу похищать людей других наций без какой-либо дискриминации и привозить их в Соединенные Штаты в качестве рабов. Разве он не стал бы отрицать, что юридическое значение этого пункта заключало в себе нечто большее, чем обеспечение свободного въезда иностранцев в качестве пассажиров и свободных людей? Или бы он — он, всемирно известный поборник прав человека — действительно снизошел до признания того, что на самом деле он был главой пиратской нации, конституция которой действительно гарантировала свободу похищать людей за границей и ввозить их в качестве рабов? И попытался бы он, в случае такого признания, предотвратить разрушения, которые такое признание, вероятно, навлекло бы на нацию, ссылаясь на то, что, хотя таковое было юридическое значение слов нашей конституции, у нас все же было понимание (благородное понимание!) между собой, что мы не будем пользоваться лицензией на похищение или превращение в рабов кого-либо из граждан тех цивилизованных и могущественных наций Европы, которые содержат военные корабли и умеют обращаться с порохом и пушками; но только люди бедных, слабых, слабых национальностей? варварские и невежественные народы, которые были неспособны к сопротивлению и возмездию?

Еще раз. Даже допущение простого "ввоза" рабов — (и это самое большее, что *буквально* предусмотрено — и слово "ввоз" должно толковаться буквально) само по себе не дало бы никаких оснований для продолжения рабства *после* "ввоза". Если человек ввозит в эту страну имущество или людей, он ввозит их для соблюдения конституционных законов страны, а не для того, чтобы их содержали в соответствии с обычаями страны, из которой они были привезены. Если бы это было не так, турок мог бы импортировать гарем грузинских рабынь и, по своему выбору, либо удерживать их как свою собственность, либо продавать их в рабство нашему собственному народу, вопреки любым принципам свободы, которые должны преобладать среди нас. Разрешить такого рода "ввоз" означало бы разрешить не только ввоз иностранных "лиц", но и то, чтобы иностранные законы имели приоритет над нашими собственными.

Наконец-то. Вывод о том, что конгресс был ограничен этим пунктом только от запрета иммиграции иностранного населения, а не от запрета ввоза рабов, которые будут содержаться в качестве рабов после их ввоза, является более неизбежным из того факта, что полномочия, предоставленные конгрессу по натурализации иностранцев, полностью неограниченны — за исключением того, что их законы должны быть едиными на всей территории Соединенных Штатов. У них есть абсолютная власть принимать законы, которые натурализуют каждого иностранца без различия, как только его нога ступит на нашу землю. И они обладали этой властью так же безупречно до 1808 года, как и после. И это сила, совершенно несовместимая с

идеей о том, что они были обязаны признавать и навсегда после этого признавать рабами всех или любого, кого можно было бы попытаться ввезти в страну как таковую.

Еще одно положение конституции, а именно: то, что "Соединенные Штаты должны защищать каждый из штатов от насилия в семье", иногда выдвигалось в качестве особого залогобезнаказанности и поддержки такого рода "насилия", которое заключается в том, что одна часть людей постоянно сидит на шее у другой части и лишает их всех гражданских привилегий и попирает все их личные права. Аргумент, кажется, принимает как должное, что единственный правильный способ защитить "*республиканское*" государство (ибо все штаты должны быть "*республиканскими*") от "домашнего насилия" - это крепко посадить людей друг другу на шеи (примерно в пропорции двое на одного), вооружить двоих кнутом и шпорами, а затем держать наготове вооруженные силы, чтобы зарубить тех, на ком ездят, если они осмелятся попытаться сбросить всадников. Когда в результате этого процесса часть населения, на которой ездят верхом, будет настолько покорена, что сможет без сопротивления переносить тяготы, удары плетью и шпоры другой части населения, тогда государство будет защищено от "домашнего насилия", и "*республиканская форма правления*" будет полностью успешной.

Данная версия этого положения конституции представляет собой наглядную иллюстрацию тех новых идей права и языка, которые были изобретены специально для того, чтобы ввести рабство в рамки конституции.

Таким образом, мы рассмотрели все те статьи конституции, на которые ссылались для доказательства того, что этот документ признает рабство и санкционирует его применение. Никому бы и в голову не пришло, что любой из этих пунктов в отдельности или что все они вместе содержат хотя бы намек на рабство, если бы не обстоятельства, не относящиеся к самой конституции. И что это за посторонние обстоятельства? Это существование и терпимость в одной части страны к преступлению, которое воплощает в себе почти все другие преступления, наказывать и подавлять которые является главной целью всех наших правительств; преступление, которое, следовательно, у нас не больше прав предполагать, что конституция Соединенных Штатов намеревалась санкционировать, чем мы должны предполагать, что она намеревалась санкционировать все отдельные преступления, которые воплощает рабство и которые наши правительства запрещают. Тем не менее, мы *необоснованно* предположили, что конституция предназначена для наказания за все эти отдельные преступления, поскольку они понимаются как общее преступление рабства. И, действуя на основании этого необоснованного предположения, мы искали в словах конституции какой-то скрытый смысл, который, как мы могли предположить, был понят посвященными как относящийся к рабству; или, скорее, мы предположили, что ее слова использовались как своего рода шифр, который среди сообщников в преступлении (как мы предполагаем, были его авторы) должен был обозначать рабство. Таким образом, и только таким образом, мы претендуем на то, что обнаружили в рассмотренных положениях скрытое, но законное разрешение рабства. Во имя всего законного, кто из нас в безопасности, если наше правительство, вместо того, чтобы изучать нашу конституцию в поисках авторитетов для поддержания справедливости, будет продолжать заниматься такими назойливыми и микроскопическими расследованиями, искать такие замаскированные и загадочные авторитеты в отношении таких несправедливостей, как рабство, и их мнимые открытия должны быть приняты как закон, который они поклялись привести в исполнение?

Упомянутые статьи, взятые по отдельности или вместе, не утверждают, не подразумевают, не санкционируют, не признают и не признают такую вещь, как рабство. В них даже не говорится об этом. Они никак не намекают на это. Они не предполагают и сами по себе никогда бы не предложили идею рабства. Во всем документе нет такого слова, как раб или рабовладение; равно как и какой-либо формулировки, которая могла бы юридически утверждать или подразумевать существование рабства. В нем нет ничего о цвете кожи; ничего, из чего ответственность за рабство могла бы быть обусловлена одним человеком в большей степени, чем другим; или из чего такая ответственность могла бы быть обусловлена любым человеком вообще. Пункты, которые были заявлены в отношении рабства, сами по себе честны посвоему языку, честны по своему юридическому значению; и они могут быть сформулированы иначе только путем таких необоснованных допущений против естественного права и такого подбора слов в пользу неправильного, которые, будучи применены к другим пунктам, полностью разрушили бы все принципы свободы и справедливости и позволили бы извратить весь инструмент для достижения всех мыслимых целей тирании и преступления.

Давайте теперь посмотрим на *позитивные* положения конституции, *выступающие за свободу*, и посмотрим, не только ли они несовместимы с какой-либо юридической санкцией рабства, но также и не должны ли они сами по себе обязательно ликвидировать рабство, если оно имело какое-либо конституционное существование, подлежащее отмене.

И, во-первых, конституция обязывала всех "жителей Соединенных Штатов" *быть* гражданами, подчиняющимися правительству, которое должно быть установлено ею; ибо все те, чьими полномочиями конституция провозглашает себя установленной, должны, конечно, предполагаться, что они стали гражданами в соответствии с ней. И независимо от того, имели они право или нет на избирательное право, они, по крайней мере, имели право на всю личную свободу и защиту, которые конституция якобы обеспечивает "народу" в целом.

Кто же тогда учредил конституцию?

В преамбуле к конституции сказано нам в самых простых выражениях, а именно, что "Мы, *народ* Соединенных Штатов", "устанавливаем эту конституцию" и т.д.

Под "народом Соединенных Штатов", упомянутым здесь, конституция подразумевает *всех* "людей", постоянно проживавших в то время в Соединенных Штатах. Если это не относится ко всем, то к кому относился "народ Соединенных Штатов"?—Сама конституция не дает ответа на такой вопрос.— В нем не провозглашается, что "мы, *белые люди*", или "мы, *свободные люди*", или "мы, *часть народа*", но что "мы, *the народ*", то есть мы, *весь народ* Соединенных Штатов, "устанавливаем эту конституцию".

Если *весь народ* Соединенных Штатов не был признан гражданами конституцией, то конституция не дает никакой информации о том, какая часть людей должна была быть гражданами в соответствии с ней. И тогда последовало бы то, что конституция установила бы правительство, которое не могло знать своих собственных граждан.

Мы не можем выйти за рамки конституции в поисках доказательств того, кто должен был быть гражданами в соответствии с ней. Мы не можем обратиться к письменному документу за доказательствами, подтверждающими его стороны, или объяснить его значение, за исключением того, что формулировки документа по этому вопросу неоднозначны. В данном случае двусмысленности нет. Язык инструмента совершенно ясен и понятен.

Из того, что всему народу страны не было разрешено голосовать за ратификацию конституции, не следует, что они не стали гражданами в соответствии с ней; поскольку женщины и дети не голосовали за ее принятие; тем не менее, она сделала их гражданами и имеет право как граждане на ее защиту; и правительства штатов не могут поработить их. Национальная конституция не ограничивает право на гражданство и защиту избирательным правом, так же как и конституции штатов. В соответствии с конституциями большинства, возможно, всех штатов, есть лица, которым отказано в избирательном праве, но поэтому они не подлежат обращению в рабство.

Те, кто действительно принимал участие в фактической ратификации конституции, действовали от имени всего народа и, *теоретически*, представляли его власть. Такова теория в этой стране, где избирательное право ограничено немногими; и такова фактическая декларация самой конституции. Заявление о том, что "*мы, народ Соединенных Штатов*, устанавливаем эту конституцию", эквивалентно заявлению о том, что те, кто фактически участвовал в ее принятии, действовали от имени всех остальных, а также от себя самих.

Любые частные намерения или понимания со стороны одной части людей относительно того, кто должен быть гражданами, не могут быть допущены для доказательства того, что конституция предназначала только эту часть людей быть гражданами; ибо намерения другой части были бы в равной степени допустимы для исключения исключительных положений. Масса людей может претендовать на гражданство в соответствии с конституцией только на том основании, что они являются частью "*народа Соединенных Штатов*"; и такое требование обязательно признает, что все остальные "*люди Соединенных Штатов*" в равной степени являются гражданами.

То, что обозначение "*Мы, народ Соединенных Штатов*" включало весь народ, который по праву принадлежал Соединенным Штатам, также подтверждается тем фактом, что ни в одной другой части документа не делается исключений.

Если бы конституция предполагала, что какая-либо часть "*народа Соединенных Штатов*" должна быть лишена его льгот, лишена избирательных прав, объявлена вне закона, порабощена, она, конечно, обозначила бы эти исключения с такой конкретностью, чтобы быть уверенной, что никто, кроме истинных лиц, не будет подвергнут таким нарушениям. Однако вместо такого конкретного обозначения исключений мы не находим никакого обозначения подобного рода. Но, напротив, мы *действительно* находим в самой преамбуле широкое заявление о том, что таких исключений не существует; что весь народ Соединенных Штатов является гражданами и имеет право на свободу, защиту и отправление правосудия в соответствии с конституцией.

Если признать, что конституция определила своих собственных граждан, то никуда не деться от вывода, что она определила весь народ Соединенных Штатов как таковой. С другой стороны, если отрицать, что конституция определяла своих собственных граждан, то должен следовать один из этих двух выводов, а именно: 1. что у нее нет граждан; или, 2. что она предоставила правительствам *штатов* неограниченную власть определять, кто может, а кто не может быть гражданами правительства *Соединенных Штатов*. Если принять первый из этих выводов, а именно, что в конституции нет граждан, то из этого следует, что на самом деле правительства Соединенных Штатов не существует, разве что на бумаге, поскольку было бы столько же оснований говорить об армии без людей, сколько и о правительстве без граждан. Если принять второй вывод, а именно, что правительства штатов имеют право определять, кто может, а кто не может быть гражданами правительства Соединенных Штатов, то из этого следует, что

правительства штатов могут по своему усмотрению уничтожить правительство Соединенных Штатов, постановив, что ни один из их соответствующих жителей не должен быть гражданами Соединенных Штатов.

Это последнее на самом деле является доктриной некоторых рабовладельческих государств - так называемой доктриной "государственных прав". Эта доктрина гласит, что общее правительство - это всего лишь конфедерация или лига нескольких штатов, *как штатов*; а не правительство, созданное народом, *как народом*. Эта доктрина "прав штата" была объявлена неконституционной повторными заключениями верховного суда Соединенных Штатов; [22] и, что более важно, это отрицается также преамбулой к самой конституции, которая заявляет, что "народ" (а не правительства штатов) предписывает и устанавливает ее. Верно также, что конституция была ратифицирована народным собранием, а не законодательными собраниями штатов. И все же, поскольку конституция была ратифицирована конвентами штатов *отдельно* (как это естественно было бы для удобства, и как это неизбежно должно было быть по той причине, что никто, кроме жителей соответствующих штатов, не мог отозвать какую—либо часть полномочий, которыми они обладали, делегированных правительствам своих штатов, чтобы передать их правительству Соединенных Штатов), - все же, говорю я, именно из-за того, что она была ратифицирована таким образом, некоторые из рабовладельческих штатов утверждали, что общее правительство было лигой штатов, а не правительством, сформированным "народом". Истинная причина, по которой рабовладельческие штаты придерживались этой теории, вероятно, заключается в том, что она давала бы штатам право определять, кто должен, а кто не должен быть гражданами Соединенных Штатов. Они, вероятно, видели, что если было признано, что конституция Соединенных Штатов определяла своих собственных граждан, то это, несомненно, определяло весь народ тогдашних Соединенных Штатов как таковой; и что, поскольку государство не могло поработить гражданина Соединенных Штатов (из-за верховенства конституции Соединенных Штатов), из этого следовало бы, что в Соединенных Штатах не могло быть конституционного рабства.

Опять же. Если конституция была установлена властью всего "народа Соединенных Штатов", все они были юридически ее участниками и ее гражданами. И если они были его участниками и гражданами в соответствии с ним, то из этого следует, что ни они, *ни их потомство*, ни кто-либо из них никогда не могут быть законно поработаны на территории Соединенных Штатов; ибо конституция декларирует своей целью, среди прочего, "обеспечение благ свободы для *нас самих и нашего потомства*". Эта цель национальной конституции является законом, имеющим первостепенное значение для конституций всех штатов; ибо провозглашается, что "настоящая конституция и законы Соединенных Штатов, которые должны быть приняты во исполнение ее, и все договоры, заключенные или которые будут заключены под властью Соединенных Штатов, являются высшим законом страны; и судьи *в каждом штате* связаны этим законом, несмотря ни на что в конституции или законах любого штата, противоречащих этому".

Я полагаю, никто не сомневается в том, что если бы правительства штатов отменили рабство, то рабы тогда, без дополнительного законодательства, стали бы гражданами Соединенных Штатов. Тем не менее, на самом деле, если бы они стали гражданами тогда, они в равной степени являются гражданами сейчас — иначе из этого следовало бы, что правительства штатов имели произвольное право принимать граждан Соединенных Штатов; или — что не менее абсурдно — из этого следовало бы, что инвалидности, произвольно наложенной

правительствами штатов на коренных жителей страны, самих по себе было достаточно, чтобы лишить таких жителей их гражданства, которое в противном случае было бы предоставлено им конституцией Соединенных Штатов. Предполагать, что правительства штатов, таким образом, могут произвольно приостанавливать действие или произвольно отказывать кому-либо из жителей страны в каких-либо преимуществах или правах, которые национальная конституция намеревалась им предоставить, означало бы предполагать, что конституции штатов имеют первостепенное значение по сравнению с национальной. Таким образом, неизбежен вывод о том, что правительства штатов не имеют полномочий отказывать в правах гражданства тем, кто иным образом компетентен стать гражданами. И поскольку все коренные жители страны, по крайней мере, компетентны стать гражданами Соединенных Штатов (если они еще не являются таковыми), правительства штатов не имеют права ни по законам о рабстве, ни по каким-либо другим законам лишать их прав гражданства.

Но каким бы ясным ни было, что конституция на самом деле делает гражданами всех "жителей Соединенных Штатов", все же нет необходимости придерживаться этого тезиса, чтобы доказать, что конституция не давала никаких гарантий или санкций рабству — ибо, если она еще не предоставила гражданств всем, она, тем не менее, предоставила правительству Соединенных Штатов неограниченные полномочия предлагать гражданство всем. Полномочия, предоставленные правительству принимать законы о натурализации, совершенно неограниченны, за исключением того, что законы должны быть едиными по всей стране. И правительство обладает несомненными полномочиями предлагать натурализацию и гражданство каждому человеку в стране, будь то иностранец или коренной житель, который еще не является гражданином. Предполагать, что у нас в стране три миллиона коренных жителей, не являющихся гражданами, и которых национальное правительство не имеет права сделать гражданами, когда его право на натурализацию совершенно неограниченно, является очевидным противоречием.

Но дальше. Конституция Соединенных Штатов должна быть приведена в соответствие с самой собой во всем; и если какие-либо из ее частей несовместимы друг с другом, те части, которые несовместимы со свободой, справедливостью и правом, должны быть выброшены за несоответствие. Помимо уже упомянутых положений, в конституции Соединенных Штатов есть множество других, которые полностью и непримиримо несовместимы с идеей о том, что в этой стране либо существовало, либо могло существовать какое-либо конституционное рабство.

К числу этих положений относятся следующие:

Первый. Конгресс имеет право взимать подушный налог с населения страны. С кого будет взиматься этот налог? и кто должен нести ответственность за его уплату? Предположим, что подушный налог был наложен на человека, которого законы штата должны были бы называть рабом. Находятся ли Соединенные Штаты в необходимости расследования или принятия какого-либо уведомления о факте рабства либо с целью освобождения самого человека от уплаты налога, либо с целью перекладывания его на лицо, называющее себя его владельцем? Должно ли правительство Соединенных Штатов найти предполагаемого владельца человека или только самого человека, прежде чем они смогут обложить его налогом? Очевидно, что Соединенные Штаты не обязаны облагать налогом кого-либо, кроме самого физического лица, или возлагать ответственность за уплату налога на любое другое лицо. Любой другой принцип позволил бы правительствам штатов отменить любой налог такого рода, взимаемый

Соединенными Штатами. И все же обязанность человека нести личную ответственность за уплату налога, взимаемого с него правительством Соединенных Штатов, несовместима с идеей о том, что правительство обязано признать, что у него нет права собственности на свою личность.

Второй. "Конгресс будет уполномочен регулировать торговлю с иностранными государствами, а также между несколькими штатами и с индейскими племенами".

Верховный суд Соединенных Штатов считает, что эта власть является исключительной в правительстве общей юрисдикции; и это, очевидно, должно быть так, чтобы быть эффективным, поскольку, если бы штаты могли также вмешиваться для ее регулирования, они могли бы с удовольствием отменить постановления конгресса.

Таким образом, Конгресс, обладающий исключительной властью регулировать эту торговлю, только он (если таковой вообще существует) может сказать, кто может, а кто нет, заниматься этим; и, вероятно, даже у них нет права произвольно проводить различия между отдельными лицами.— Но ни в коем случае правительства *штатов* не имеют права указывать, кто может, а кто нет вести "торговлю с иностранными нациями", или "между несколькими штатами", или "с индейскими племенами". Каждый индивид, от природы компетентный заключать контракты, которого законы штата объявляют рабом, вероятно, имеет и, безусловно, может иметь, согласно постановлениям конгресса, такое же полное право вести "торговлю с иностранными нациями и между несколькими штатами, а также с индейскими племенами", какое может иметь любой другой гражданин Соединенных Штатов — "несмотря ни на что в конституции или законах любого штата, противоречащее этому". Однако это право заниматься торговлей является правом, совершенно несовместимым с идеей о том, что человек является рабом.

Снова. Принцип права заключается в том, что право на торговлю является естественным правом, и поэтому любая торговля (которая по своей сути невинна) является законной, за исключением того, что запрещено позитивным законодательством. Торговля рабами, будь то гражданами иностранных государств или людьми, принадлежащими к другим штатам, кроме рабовладельческих, никогда (насколько я знаю) не запрещалась конгрессом, который является единственным правительством (если таковое имеется), имеющим право запретить это. Следовательно, торговля рабами в данный момент столь же законна в соответствии с конституцией Соединенных Штатов, как и торговля с их хозяевами; и этот факт полностью противоречит идее о том, что их рабство является конституционным.

Третье. "Конгресс имеет право учреждать почтовые отделения и почтовые дороги".

Кто, кроме конгресса, имеет право указывать, кто может отправлять или получать письма почтовыми службами Соединенных Штатов? Конечно, никто. Они обладают несомненными полномочиями разрешать любому лицу отправлять и получать письма по их почте, "несмотря на любые положения конституций или законов штатов, противоречащие этому". Тем не менее, право отправлять и получать письма по почте - это право, несовместимое с идеей о том, что человек является рабом.

Четвертый. "Конгресс имеет право содействовать прогрессу науки и полезных искусств, обеспечивая авторам и изобретателям на ограниченный срок исключительное право на их соответствующие произведения и открытия".

Предположим, человек, которого штат может претендовать на то, чтобы называть рабом, должен сделать изобретение или открытие — конгресс, несомненно, обладает полномочиями обеспечить самому такому человеку посредством патента *"исключительное"* — (обратите внимание на это слово) — "исключительное право" на его изобретение или открытие. Но разве это *"исключительное право"* самого изобретателя не исключает права любого человека, который в соответствии с законом штата может претендовать на то, чтобы быть владельцем изобретателя? Безусловно, так и есть. Однако кодекс рабовладельцев гласит, что все, что принадлежит рабу, принадлежит его владельцу. Таким образом, это право конгресса обеспечивать отдельному лицу исключительное право на его изобретения и открытия несовместимо с идеей о том, что сам этот человек и все, чем он может обладать, являются собственностью другого.

Пятый. "Конгресс имеет право объявлять войну, выдавать каперские свидетельства и принимать репрессивные меры, а также устанавливать правила, касающиеся захватов на суше и на воде"; также "собирать и поддерживать армии"; и "обеспечивать и содержать военно-морской флот".

Разве конгресс не имеет полномочий, в соответствии с этими полномочиями, вербовать солдат и матросов, *по контракту с самими собой*, и выплачивать им заработную плату, назначать им пенсии и обеспечивать их заработную плату и пенсий для их собственного использования, не спрашивая разрешения ни у правительств штатов, ни у любых лиц, которых правительства штатов могут счесть нужным признать владельцами таких солдат и матросов? Конечно, они сделали это вопреки всем законам и конституциям штатов, какими бы они ни были; и они уже подтвердили этот принцип, приняв закон о том, что пенсии, выплачиваемые Соединенными Штатами своим солдатам, не подлежат взысканию в долг в соответствии с законами штатов. Разве они не уполномочены также выдавать каперские свидетельства и карать, а также обеспечивать призы команде корабля, состоящей как из черных, так и из белых? К тем, кого правительства штатов называют рабами, а также к тем, кого правительства штатов называют свободными?—Разве конгресс не уполномочен заключать контракты для защиты нации с любыми жителями страны, которые могут быть готовы оказать эту услугу? Или они обязаны сначала спросить и получить согласие тех частных лиц, которые могут претендовать на владение жителями этой страны? Несомненно, конгресс имеет право заключать контракты с кем заблагорассудится и обеспечивать заработную плату и пенсии таким лицам, пренебрегая всей государственной властью. Однако эта власть несовместима с идеей о том, что конституция признает или санкционирует законность рабства.

Шестой. "Конгресс должен обладать полномочиями обеспечивать организацию, *вооружение* и дисциплинирование *ополчения*, а также управлять той их частью, которая может быть использована на службе Соединенных Штатов, оставляя за штатами соответственно назначение офицеров и полномочия по обучению ополчения в соответствии с дисциплиной, предписанной конгрессом". Также "предусмотреть созыв ополчения для исполнения законов Союза, подавления восстаний и отражения вторжений".

Разве конгресс, в соответствии с этими полномочиями, не имеет такого же несомненного права зачислять в ополчение и *"вооружать"* тех, кого штаты называют рабами, и разрешать им всегда держать при себе оружие, даже когда они не при исполнении служебных обязанностей (чтобы они могли в любое время быть *готовыми* быть *"вызванными"* *"для исполнения законов Союза, подавления восстаний и отражения вторжений"*), как они должны, таким образом, зачислять и вооружать тех, кого штаты называют свободными? Могут ли правительства штатов определять, кто может, а кто нет составлять ополчение *"Соединенных Штатов"*?

Взгляните также на эту власть в связи со второй поправкой к конституции, которая заключается в следующих словах:

"Поскольку хорошо организованное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, право народа на хранение и ношение оружия не должно нарушаться".

Эти положения, очевидно, признают естественное право всех мужчин *"хранить и носить оружие"* для своей личной защиты; и запрещают как конгрессу, так и правительствам штатов нарушать право *"народа"* — то есть *любого* из народа — делать это; и особенно *любого*, кого конгресс уполномочен включать в свое ополчение. Это право человека *"хранить и носить оружие"* является правом, явно несовместимым с идеей о том, что он раб. И все же это право в равной степени обеспечено тем, кого государства осмеливаются называть рабами, как и любому, кого государства снисходят до признания свободным.

В соответствии с этим положением любой человек имеет право либо дарить, либо продавать оружие тем лицам, которых штаты называют рабами; и ни в национальном правительстве, ни в правительстве штатов нет *конституционной* власти, которая могла бы наказать его за это; или которая могла бы отобрать это оружие у рабов; или которая могла бы сделать преступным его использование рабами, если из-за неэффективности законов для них станет необходимым сделать это для защиты их собственной жизни или свобод; ибо это конституционное право хранить оружие подразумевает конституционное право использовать его, в случае необходимости, для защиты своих интересов. защита своей свободы или жизни.

Седьмой. Конституция Соединенных Штатов провозглашает, что *"ни один штат не должен принимать никаких законов, нарушающих обязательства по контрактам"*.

"Обязательство по контрактам", о котором здесь говорится, по необходимости является *естественным обязательством*; ибо это единственное реальное обязательство, которое может быть у любых контрактов. Это также единственное обязательство, которое суды признают в любом случае, за исключением случаев, когда законодательные органы произвольно вмешиваются, чтобы нарушить его. Но запрет конституции распространяется на принятие штатами какого бы то ни было закона, который нарушает естественную обязательность мужских контрактов. Тем не менее, если бы законы о рабстве были конституционными, они фактически нарушали бы обязательность всех контрактов, заключенных теми, кого сделали рабами; поскольку законы о рабстве обязательно должны гласить, что все контракты с рабами недействительны.

Этот запрет штатам принимать *любой* закон, нарушающий естественную обязательность мужских контрактов, подразумевает, что все мужчины имеют конституционное право заключать все контракты, которые имеют естественную обязательность. Таким образом, это *обеспечивает* конституционное право всех людей заключать такие контракты и добиваться их соблюдения

правительствами штатов. Тем не менее, это конституционное право всех людей заключать все контракты, которые имеют естественную обязательность, и признавать эти контракты по закону действительными, является правом, явно несовместимым с идеей о том, что люди могут быть конституционно превращены в рабов.

Таким образом, это положение абсолютно запрещает принятие законов о рабстве, потому что законы, которые делают людей рабами, обязательно должны нарушать обязательства по всем их контрактам.

Восьмой. Лица, которых правительства некоторых штатов признают рабами, в соответствии с конституцией Соединенных Штатов имеют право занимать должность президента Соединенных Штатов. Конституционное положение по этому вопросу таково:

"Ни одно лицо, за исключением гражданина по рождению или гражданина Соединенных Штатов на момент принятия настоящей конституции, не имеет права занимать должность президента; также не имеет права занимать эту должность ни одно лицо, которое не достигло возраста тридцати пяти лет и четырнадцать лет проживало в Соединенных Штатах".

Согласно этому положению, все "лица",^[23] которые проживали на территории Соединенных Штатов четырнадцать лет, достигли возраста тридцати пяти лет и являются либо *гражданами по рождению от природы*, либо *были гражданами Соединенных Штатов на момент принятия конституции*, имеют право на должность президента. Никаких других квалификаций, кроме этих, не требуется конституцией, никакие другие не могут быть востребованы законом. Тогда единственный вопрос, который может возникнуть, касается слова "гражданин". Кто такие люди, которые подпадают под это определение, используемое здесь? Сам пункт делит их на два класса, а именно на "прирожденных" и тех, кто был "гражданами Соединенных Штатов на момент принятия конституции". Что касается этой последней категории, то ранее из преамбулы к конституции было показано, что все, кто был "народом Соединенных Штатов" (то есть постоянными жителями) на момент принятия конституции, были сделаны ею гражданами. И этот пункт, описывающий лиц, имеющих право на должность президента, подразумевает то же самое. Это очевидно, поскольку в нем говорится о тех, кто был "гражданами Соединенных Штатов на момент принятия конституции". Теперь ясно, что не могло быть никаких "граждан Соединенных Штатов на момент принятия конституции", если только это не было предусмотрено самой конституцией; поскольку *до* принятия конституции *не было* "граждан Соединенных Штатов". У Конфедерации не было граждан. Это была просто лига между правительствами штатов. У каждого из отдельных штатов, входящих в конфедерацию, были свои граждане соответственно. Но у самой конфедерации, как таковой, не было граждан. Таким образом, до принятия конституции не было никаких "граждан Соединенных Штатов" (а были только граждане соответствующих штатов).— Тем не менее, в этом пункте утверждается, что сразу после принятия или "во время принятия этой конституции" *были* "граждане Соединенных Штатов". Таким образом, те, кто были "гражданами Соединенных Штатов на момент принятия конституции", обязательно были теми, и только теми, кто стал таковыми в результате принятия конституции; потому что они не могли стать гражданами именно в это "время" никаким другим способом. Итак, если какие-либо лица стали гражданами в результате принятия конституции, то кто были *телица*, которые таким образом стали гражданами? Разумеется, они были "народом Соединенных Штатов", как фактически утверждается в преамбуле к конституции. И если "народ Соединенных Штатов" стал гражданами в результате принятия конституции, то *весь* "народ

Соединенных Штатов" обязательно стал гражданами благодаря ей — поскольку конституция не предусматривает никакой дискриминации между разными индивидуумами, "народом Соединенных Штатов" — и, следовательно, нет способа определить, кто стал гражданами в результате принятия конституции, если только весь "народ Соединенных Штатов" не стал таковым. Таким образом, любой "человек", который был одним из "народа Соединенных Штатов" "на момент принятия настоящей конституции", которому исполнилось тридцать пять лет и который четырнадцать лет проживал в Соединенных Штатах, имеет право на должность президента Соединенных Штатов. И если каждый такой человек имеет право, согласно конституции, претендовать на пост президента Соединенных Штатов, конституция, конечно, не признает их рабами.

Другой класс граждан, упомянутый как имеющий право на должность президента, состоит из "граждан по рождению". Здесь подразумевается утверждение о том, что *естественное рождение* в стране дает право на гражданство. И если она дает это одному, она обязательно дает это всем — ибо никакой дискриминации не проводится; и если все лица, родившиеся в стране, не имеют права на гражданство, конституция не дала нам никакого теста, с помощью которого можно определить, кто из них имеет на это право.

Таким образом, каждый человек, родившийся в стране, достигший возраста тридцати пяти лет и четырнадцать лет проживающий в Соединенных Штатах, имеет право на должность президента. И если он имеет право на эту должность, конституция, конечно же, не признает его рабом.

Лица, являющиеся "гражданами" Соединенных Штатов, согласно приведенным выше определениям, также имеют право на должности представителя и сенатора Соединенных Штатов; и, следовательно, не могут быть рабами.

Девятый. Конституция провозглашает, что "судебное разбирательство всех преступлений, за исключением случаев импичмента, должно проводиться *судом присяжных*". — Также, что "Государственная измена против Соединенных Штатов должна заключаться только в развязывании войны против них или в присоединении к их врагам, оказании им помощи и утешения".

Очевидно, что рабы, если бы они у нас были, могли бы "развязать войну против Соединенных Штатов", а также могли бы "примкнуть к своим врагам, оказывая им помощь и утешение". Однако могут возникнуть сомнения в том, могли ли они совершить преступление государственной измены, поскольку государственная измена подразумевает нарушение верности, доверия или преданности там, где верность, доверие или преданность являются обязательными. И совершенно очевидно, что рабы не могут быть обязаны верностью ни Соединенным Штатам, ни правительствам штатов; ибо верность правительству может исходить только от тех, кто находится под его защитой. Рабы не могли быть обязаны нашим правительствам ничем, кроме сопротивления и разрушения. Следовательно, если бы они развязали войну против Соединенных Штатов, они, возможно, не были бы привлечены к формальному обвинению в государственной измене; хотя на самом деле в их поступке было бы столько же государственной измены, сколько и в любом другом преступлении — поскольку, по правде говоря, в нем не было бы ни юридического, ни морального преступления какого-либо рода. Тем не менее, правительство было бы вынуждено, чтобы защитить себя от них, обвинить их в том или ином преступлении — государственной измене, убийстве или чем-то еще. И это

обвинение, каким бы оно ни было, должно рассматриваться судом присяжных. И что такое (в уголовных делах) "суд присяжных"? Это суд, как по закону, так и по факту, со стороны "равных" человека, которого судят. Кто такие "равные" рабу? Очевидно, никто, кроме рабов. Если, таким образом, конституция признает какой-либо такой класс лиц в этой стране рабами, из этого следует, что за любое преступление, совершенное ими против Соединенных Штатов, они должны быть судимы, как по закону, так и по фактам, судом присяжных, состоящим из рабов. Результат таких испытаний мы легко можем себе представить.

Похоже ли это на то, что конституция гарантировала или даже признавала законность рабства?

Десятое. Конституция провозглашает, что "привилегия судебного приказа о *хабеас корпус* не может быть приостановлена, за исключением случаев, когда в случаях восстания или вторжения этого может потребовать общественная безопасность".

Привилегия этого судебного приказа, где бы она ни была разрешена, сама по себе достаточна для того, чтобы сделать рабство невозможным и незаконным. Целью и прерогативой настоящего судебного приказа является обеспечение всем лицам их естественного права на личную свободу от любых ограничений, кроме как со стороны правительства; и даже от ограничений со стороны самого правительства, если они не налагаются в соответствии с установленными общими законами и по обвинению в каком-либо юридическом правонарушении или ответственности. Соответственно, он освобождает всех, кто содержится под стражей против их воли (будь то отдельными лицами или правительством), если только они не задержаны *на основании какого-либо официального судебного приказа или процесса, санкционированного законом, изданного правительством в соответствии с установленными принципами и обвиняющего удерживаемое им лицо в каком-либо юридическом правонарушении или ответственности.* Принцип судебного приказа, по-видимому, заключается в том, что никто не может быть ограничен в своей естественной свободе, если только эти три вещи не вступят в сговор; 1-е, что ограничение налагается *специальным распоряжением правительства*; 2-е, что существует общий закон, разрешающий ограничения по конкретным причинам; и, 3-е, что правительство, прежде чем приступить к процедуре ограничения любого конкретного лица, само, посредством своих надлежащих властей, должно четко осознавать и осторожно расследовать факты каждого случая и удостовериться с помощью разумных доказательств, что лицо привлекло себя к ответственности. общего закона. Все это предписывает судебный приказ о *хабеас корпус*, который должен быть выполнен до того, как человек будет лишен свободы; поскольку судебный приказ является мандатом для лица, содержащего другого под стражей, приказывающим ему привести своего заключенного в суд и продемонстрировать полномочия, которыми он его удерживает. Если затем он не предъявит законное предписание, ордер или предписание, выданное правительством и скрепленное печатью правительства, с указанием законных оснований для ограничения свободы заключенного и разрешающее или требующее от него содержания его под стражей, ему будет приказано отпустить его на свободу. Следовательно, все смотрители тюрем, чтобы удерживать своих заключенных вопреки этому судебному приказу, обязаны в отношении каждого заключенного иметь письменное предписание или приказ, скрепленный печатью правительства и изданный надлежащим органом власти, в котором, в частности, описывается заключенный по имени или иным образом, излагаются юридические основания его заключения и требуется, чтобы смотритель тюрьмы содержал его под стражей.

Теперь хозяин не удерживает своего раба под стражей на основании какого-либо официального судебного приказа или процедуры, санкционированных законом или выданных правительством, или которые обвиняют раба в каком-либо юридическом правонарушении или ответственности. Раб не способен нести какую-либо юридическую ответственность или обязательства перед своим хозяином. И правительство могло бы с не большей последовательностью выдать хозяину судебный приказ или процедуру, позволяющие ему удерживать своего раба, чем оно могло бы позволить ему удерживать свою лошадь. Это просто признает его право собственности на своего раба, а затем оставляет ему свободу удерживать его грубой силой, если он может, как он держит своего вола или лошадь — и никак иначе. Если раб совершает побег или отказывается работать, кодекс о рабстве уполномочивает правительство возбуждать судебный процесс против раба, разрешать хозяину ловить его или принуждать к труду не больше, чем против лошади с той же целью.—Раб удерживается просто как собственность, с помощью личной силы, без судебного разбирательства. Но судебный приказ о *хабеас корпус* не признает такого принципа, как право собственности у человека. Если бы это было так, это было бы совершенно бессильно во всех случаях вообще; потому что это принцип права в отношении собственности, согласно которому простое владение является *prima facie* доказательством владения; и поэтому любой человек, который держал другого под стражей, мог оспорить судебный приказ, сославшись на то, что он владел своим заключенным, и приведя в качестве доказательства права собственности простой факт, что он им владел. Следовательно, если бы судебный приказ о *хабеас корпус* сам по себе не предполагал отказа в праве собственности на человека, указанный в нем факт, что один человек удерживал другого под стражей, был бы *prima facie* доказательством того, что он владел им и имел право удерживать его; и, следовательно, судебный приказ был бы абсурден сам по себе.

Судебный приказ о *хабеас корпус*, таким образом, неизбежно отрицает право собственности у человека. И конституция, заявляя, без какой—либо дискриминации лиц, что "привилегия этого судебного приказа не может быть приостановлена", то есть ни одному человеку не может быть отказано, провозгласила, что, согласно конституции, у человека не может быть права собственности.

Этот судебный приказ, несомненно, был задуман как великая конституционная гарантия личной свободы. Но если это не отрицает право собственности у человека, то на самом деле это не дает никакой защиты никому из нас от превращения в рабов. Если это отрицает право собственности у человека, раб имеет право на привилегию судебного приказа; ибо он содержится под стражей своим хозяином просто на основании собственности.

Мистер Кристиан, один из редакторов Blackstone, говорит, что именно этот судебный приказ делает рабство невозможным в Англии. Именно по этому судебному приказу Сомерсет был освобожден. Судебный приказ, по сути, утверждает в качестве великого конституционного принципа естественное право на личную свободу. И привилегия судебного приказа распространяется не только на граждан, но и на всех людей.^[24] И это, вероятно, единственная абсолютная гарантия, которую наша национальная конституция дает иностранцам, что они по прибытии сюда не будут порабощены теми правительствами наших штатов, которые проявляют такую склонность к порабощению своих собратьев. Для этой цели это идеальная гарантия для людей, которые приезжают сюда из любой части мира. И если это такая гарантия для иностранцев и инопланетянок, разве это не гарантия для тех, кто родился в соответствии с конституцией? Особенно когда конституция не допускает дискриминации людей?

Одиннадцатый. "Соединенные Штаты гарантируют каждому штату в этом союзе республиканскую форму правления и защищают каждый из них от вторжения; и, по заявлению законодательной или исполнительной власти (когда законодательная власть не может быть созвана), от насилия в семье".

Обратите внимание на силу и ясность первого пункта этого раздела, а именно: "Соединенные Штаты *гарантируют* каждому штату в этом союзе республиканскую форму правления". Обратите также особое внимание на то, что эта гарантия касается свободы, а не рабства.

Все мы до сих пор были вынуждены слышать от людей, придерживающихся рабовладельческих принципов, множество высокомерных и напыщенных утверждений, касающихся конституционных "*гарантий*", данных *рабству*; и люди, которые привыкли извлекать свой конституционный закон из уст других людей, вместо того чтобы самим взглянуть на конституцию, вероятно, были вынуждены воображать, что конституция действительно давала такие гарантии в какой-то явной и осязаемой форме. Мы, тем не менее, видели, что все эти мнимые гарантии в лучшем случае являются не чем иным, как определенными туманными намеками, инсинуациями, шифрами и инсинуациями, которые, как предполагается, скрываются под формулировками, которые юридически ничего подобного не означают. Но в процитированном сейчас пункте у нас есть явная и императивная "гарантия", не зависящая ни от каких последствий, умозаключений или догадок и не сформулированная в неопределенных или двусмысленных выражениях. И что это за гарантия? Является ли это гарантией рабства? Нет. Это гарантия чего-то категорически несовместимого с рабством: гарантии "республиканской формы правления для каждого штата в этом союзе".

И что такое "республиканская форма правления"? Это когда правительство является государственным — достоянием общественности, народных масс или всего народа. Это место, где правительство состоит и контролируется объединенной волей и могуществом общественности или народных масс - и где, как естественное следствие, оно будет иметь своей целью защиту прав всех. Для республиканской формы правления необходимо, чтобы общественность, народные массы, если не весь народ, участвовали в передаче полномочий правительству и в защите, предоставляемой правительством. Следовательно, невозможно, чтобы правительство, при котором какое-либо значительное число людей (если вообще какое-либо число людей) лишено гражданских прав и поработчено, могло быть республикой. Рабовладельческое правительство - это олигархия, к тому же самого произвольного и преступного характера.

Странно, что люди, обладающие глазами, способными обнаружить в конституции так много скрытых, подразумеваемых и инсинуируемых гарантий преступности и рабства, должны быть слепы к юридическому значению столь открытой, эксплицитной и императивной гарантии свободы, равенства и права.

Даже если бы в конституции действительно были две такие противоречивые гарантии, как одна о свободе или республиканстве в каждом штате Союза, а другая о рабстве в каждом штате, где одной части народа удалось бы поработить остальных, одна из этих гарантий должна была уступить место другой - поскольку, будучи явно несовместимыми друг с другом, они не могли бы устоять вместе. И можно было бы смело оставить либо юридическим, либо моральным правилам определять, какое из двух должно преобладать — должно ли положение об увековечении рабства восторжествовать над гарантией свободы.

Но, по существу, постоянно утверждается, что "*нет никакой пристойности*" во вмешательстве правительства общей юрисдикции в местные органы власти штатов. Те, кто делает это утверждение, по-видимому, рассматривают государство как единую личность, способную управлять своими делами и, конечно, не желающую мириться с вмешательством других. Но государство - это не личность. Он состоит из большого числа индивидуумов, каждый из которых в условиях кишечных мутаций и междоусобиц, которым подвержены государства, в тот или иной момент может быть растоптан сильнейшей стороной, и поэтому может разумно предпочесть заранее обеспечить некоторую внешнюю защиту от таких чрезвычайных ситуаций, заключив взаимные контракты с другими людьми, аналогичным образом подверженными риску в соседних государствах. Такие контракты о взаимной помощи и защите идеально подходят для любых людей, которые находятся в таком положении, что могут внести свой вклад в безопасность друг друга. Они столь же уместны, как и любые другие политические контракты; и основаны в точности на том же принципе объединения для взаимной защиты — ибо что такое любой из наших политических контрактов и форм правления, как не контракты между человеком и человеком о взаимной защите от тех, кто может вступить в заговор с целью причинить вред одному из них или всем им? Но эти контракты, приемлемые для всех людей, особенно подходят для тех, кто, хотя и являются членами различных местных и подчиненных ассоциаций, в то же время объединены для определенных целей под руководством одного общего правительства. Такой взаимный договор между народами всех штатов содержится в этой статье конституции. И это дает им всем дополнительную гарантию их свобод.

Однако те, кто возражает против этой гарантии, предпочитают не обращать внимания на все эти соображения, а затем, по-видимому, воображают, что их представления о "пристойности" в этом вопросе могут эффективно исключить саму гарантию из конституции. Однако, потворствуя этой фантазии, они, несомненно, переоценивают юридический, а возможно, также моральный эффект такой превосходной привередливости; ибо даже если бы "*не было никакой пристойности*" во вмешательстве правительства общей юрисдикции в поддержание республиканской формы правления в штатах, тем не менее, недвусмысленное обещание на этот счет, данное в конституции, тем не менее оставалось бы непреодолимым опровержением утверждения, что конституция призвана гарантировать противоположность этому - рабство, олигархию или деспотизм. Следовательно, это полностью исключило бы все те выводы и импликации, которые рабовладельцы делают из тех других фраз, которые они цитируют как гарантии рабства.^[25]

Но "уместность", и не только уместность, но и необходимость этой гарантии, может поддерживаться и на других основаниях.

Одно из этих оснований заключается в том, что в соответствии с другими положениями конституции было бы невозможно, чтобы само правительство в целом могло быть республиканским, если бы правительства штатов также не были республиканскими. Например. Конституция предусматривает в отношении выбора представителей Конгресса, что "выборщики в каждом штате должны обладать квалификацией, необходимой для выборщиков наиболее многочисленной ветви законодательной власти штата". Для внутреннего спокойствия каждого штата было необходимо, чтобы одна и та же группа избирателей, которая должна участвовать в голосовании за правительства штатов, также участвовала в голосовании за национальное правительство — *инаоборот*, чтобы те, кто должен участвовать в национальном голосовании, также участвовали в голосовании за государство. Если бы в общей конституции и конституциях

штатов были разные группы избирателей в каждом штате, это, очевидно, сразу же привело бы к непримиримой вражде, которая привела бы к свержению того или иного правительства внутри штата. Гармония или застарелый конфликт были единственной альтернативой. Поскольку конфликт неизбежно привел бы к уничтожению одного из правительств, гармония была единственным способом, с помощью которого можно было сохранить оба. И эта гармония могла быть обеспечена только путем предоставления одному и тому же кругу избирателей избирательного права в обоих правительствах.

Таким образом, если для существования и власти обоих правительств на территории каждого штата было необходимо, чтобы один и тот же орган и только один и тот же состав избирателей, которые были представлены в одном из правительств, был представлен и в другом, то совершенно очевидно, что для того, чтобы национальное правительство было республиканским, необходимо, чтобы правительства штатов также были республиканскими. Отсюда интерес, который нация в целом проявляет к республиканству правительств каждого из штатов.

Поскольку необходимо, чтобы избирательное право при национальном правительстве в каждом штате было таким же, как и при правительстве штата, очевидно, что если бы все правительства нескольких штатов не были сформированы по одному общему плану или если бы избиратели всех штатов не были едины в признании какого-либо общего принципа контроля, применимого к обоим правительствам, было бы невозможно, чтобы они могли объединиться для поддержания общего правительства, которое должно действовать в согласии с правительствами штатов; потому что одна и та же группа избирателей, которая должна поддерживать деспотическое правительство в штате, не могла бы последовательно или сердечно объединиться или даже объединяться вообще в поддержку республиканского правительства для нации. Если одна часть правительств штатов должна быть республиканской, как Вермонт, где избирательное право открыто для всех, — а другая часть должна быть олигархической, как Южная Каролина и другие рабовладельческие штаты, — другая часть ограниченной монархии, как Англия, другая часть церковной, как у Папы Римского или у древних евреев, — и другая часть абсолютного деспотизма, как у Николая в России или у Франции в Парагвае, — и тот же орган, и только тот же орган избирателей, который поддерживал каждое из этих правительств в то время. если бы главная страна была представлена в национальном правительстве, каждый штат направил бы в национальное законодательное собрание представителей своей собственной особой системы правления; и национальное законодательное собрание, вместо того чтобы состоять из представителей какой-либо одной теории или принципа правления, было бы составлено из представителей всех различных теорий правления, которые преобладали в разных штатах — от крайности демократии до крайности деспотизма. И каждый из этих различных представителей был бы обязан внести свои местные принципы в национальное законодательное собрание, иначе он не смог бы сохранить доверие своих отдельных избирателей. Следствием этого было бы то, что национальное законодательное собрание представляло бы собой зрелище совершенного столпотворения разноречивых языков, элементов, страстей, интересов и целей вместо собрания, объединенного для достижения какой-либо согласованной или отчетливой цели.

Очевидно, что без какой-либо четкой и согласованной цели в качестве союзных уз существование какого-либо всеобщего объединения всего народа было бы практически невозможно; и эти союзные уз, какими бы они ни были, также должны соответствовать

принципам каждого из правительств штатов, иначе возникло бы столкновение между общим правительством и правительствами штатов.

Итак, великими узами союза, согласованными в правительстве штата, были "права человека", выраженные в национальной конституции терминами "свобода и справедливость". О каких еще узах можно было договориться? На каком другом принципе правления все они могли объединиться? Могли ли они объединиться, чтобы поддержать божественное право королей? Феодальные привилегии знати? Или превосходство христианской, магометанской или любой другой церкви? Нет. Все они отрицали божественное право королей и феодальные права знати; и они придерживались всех вероисповеданий. Но они были согласны с тем, что все люди обладают определенными естественными, неотъемлемыми правами, среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью; и что сохранение этих прав является законной целью правительств среди людей. Они провозгласили этот принцип перед всем миром, боролись за него и успешно защищали его от самой могущественной державы в мире. Они наполнили мир своей славой, а она, в свою очередь, наполнила мир их славой. Он также собрал и затем собирал избранных духов и большое количество угнетенных из других народов, присоединившихся к ним. И этот принцип, в котором были задействованы безопасность, интересы и права каждого "народа", который должен был объединиться для формирования правительства, теперь обеспечивал союз, который был одновременно достаточным, законным, последовательным, почетным, имеющим универсальное применение и имеющим большую общую власть над сердцами и головами всех них, чем любой другой, который мог быть найден, чтобы удержать их вместе. Это соответствовало их теории об истинных целях правительства. Поэтому этот принцип они приняли в качестве краеугольного камня своего национального правительства; и, по необходимости, все остальное, от чего это новое правительство должно было в какой-либо степени зависеть, или что должно было в какой-либо степени зависеть от этого правительства, было затем приведено в соответствие с этим принципом. Отсюда уместность полномочий, данных правительству общей юрисдикции, "гарантирующих каждому штату в Союзе республиканскую форму правления". Если бы эта власть не была передана правительству в целом, большинство в каждом штате, возможно, превратило бы правительства штатов в олигархии, аристократии, монархии или деспотизмы, что не только растоптало бы меньшинства и лишило их возможности пользоваться национальной конституцией, но и внесло бы такие фракции и распри в национальные правительства, которые отвлекли бы их советы и лишили бы их власти.

Но были также мотивы денежного и социального, а также политического характера, которые делали целесообразным, чтобы нация гарантировала штатам республиканскую форму правления.

Между народами разных государств должна была быть налажена торговля. Торговля свободного народа во много раз ценнее, чем торговля рабов. Свободные люди производят и потребляют гораздо больше, чем рабы. Следовательно, им есть что покупать и что продавать. Следовательно, свободные государства имеют прямой денежный интерес в обеспечении гражданской свободы всех других государств. Торговля между свободными и рабовладельческими государствами не является взаимной или равной. Кто может измерить рост промышленности и процветания свободных штатов, если бы все рабы в стране были свободными людьми, со всеми желаниями и энергией свободных людей? И их хозяева обладали всей бережливостью, трудолюбием, бережливостью и предприимчивостью людей,

которые в своем процветании полагаются на свой собственный труд, а не на труд рабов? Великобритания считала своей политикой вести семилетнюю войну против нас главным образом для того, чтобы обеспечить себе контроль и выгоды от торговли трех миллионов людей и их потомства. Но сейчас у нас почти такое же количество рабов в пределах наших границ, и все же мы думаем, что торговля с ними и их потомством — это вопрос, который нас не касается; что нет *"никакой пристойности"* в том положении национальной конституции, которое требует, чтобы правительство общей юрисдикции, которое мы наделили исключительным контролем над всей торговлей между несколькими штатами, обеспечило этим трем миллионам право торговли с их собратьями, а их собратьям — право торговли с ними, против дерзкой узурпации и тирании подчиненных правительств, которые не имеют конституционного права распоряжаться ими. право вмешиваться в это дело.

Опять же. Рабовладельческие государства пропорционально своему населению вносят в совокупность национального богатства не что иное, как равную долю. Вероятно, было бы в пределах истины сказать, что в количественном отношении население свободных штатов внесло в национальное богатство в десять раз больший вклад, чем население рабовладельческих штатов. Даже таким богатством, которое принесло стране выращивание их основного продукта питания - хлопка, южане обязаны в основном, если не полностью, изобретательскому гению единственного северянина.^[26] Сельское хозяйство рабовладельческих штатов ведется грубыми и неуклюжими орудиями труда; вялыми, бездуховными и бережливыми работниками; и таким образом, что естественное плодородие почвы быстро истощается, которое выращивание плодородия рабами редко или никогда не заменяет. Механическое искусство среди них сравнительно мертво. Изобретательство совершенно бездействует. Сомнительно, изобрел ли когда-либо раб или рабовладелец хоть один важный элемент трудосберегающей техники с момента основания правительства. И у них едва ли хватило умения или предприимчивости применить что-либо из изобретенного другими. Кто может оценить потерю богатства нации только из-за этих причин? И все же мы, жители свободных штатов, отдаем югу долю в неисчислимом богатстве, произведенном нашими изобретениями и трудосберегающими машинами, нашими паровыми двигателями, хлопкоочистительными машинами и производственными машинами всех видов, и в то же время заявляем, что у нас нет никакой заинтересованности и что нет *"никакой уместности"* в конституционных гарантиях этой личной свободы народу юга, которые позволили бы им вернуть нам некоторый эквивалент в натуральной форме.

Кроме того, из-за отсутствия соблюдения этой гарантии республиканской формы правления в каждом из штатов население страны, несомненно, испытывало серьезные затруднения из-за иммиграции иностранцев. Множество почти неисчислимых людей, которые приехали бы сюда либо из любви к свободе, либо для улучшения своих условий и предоставления стране преимуществ благодаря своим талантам, трудолюбию и богатству, без сомнения, были разубеждены или отпугнуты отвратительной тиранией, которая торжествует в одной половине страны и распространяет свое пагубное и ненавистное влияние на другую половину.

В социальном плане мы также заинтересованы в свободе всех государств. Мы заинтересованы в свободном личном общении со всеми людьми, живущими под общим с нами правительством. Мы хотим быть свободными обсуждать с любым из них все принципы свободы и все интересы человечества. Мы хотим, когда встречаем ближнего, иметь возможность свободно говорить с ним о его и нашем положении; иметь возможность оказать ему услугу; посоветоваться с ним

относительно средств улучшения его положения; и, если потребуется, попросить его о любезности. Но все это несовместимо с рабством. Действительно ли это тот союз, о котором мы договаривались? Было ли это "предусмотрено узами", что мы должны быть лишены этих общих прав человеческой природы? Если да, укажите на строку и букву, где так написано. Ни того, ни другого найти невозможно. Но обратное прямо гарантируется властью обоих правительств, государственного и национального; поскольку национальному правительству запрещено принимать какие-либо законы, ограничивающие свободу слова и печати, а правительствам штатов запрещено поддерживать любую иную форму правления, кроме республиканской, что, конечно, подразумевает ту же свободу.

У нации в целом есть еще один интерес к республиканизму каждого из штатов; интерес, который также указан в том же разделе, в котором этот республиканизм гарантирован. Этот интерес проистекает из того факта, что нация обязалась "защищать" каждое из государств "от домашнего насилия". Неужели не было принято во внимание — ни с точки зрения стоимости, ни с точки зрения принципа этого предприятия — каков может быть характер правительств штатов, которые мы, таким образом, обязались защищать от народных восстаний? Заключили ли мы в этом пункте соглашение вести войну против прав человека? Обязались ли мы сами, что те, какими бы немногочисленными они ни были, кому когда-либо удастся взять управление государством в свои руки, должны отныне быть признаны законной властью государства и иметь право на всю силу общего правительства, чтобы помочь им подвергнуть остальную часть народа деградации и несправедливости рабства? Или нация обязалась только гарантировать сохранение "республиканской формы правления" от насилия тех, кто мог оказаться ее врагами? Причина этого и связь, в которой находятся эти два положения конституции, дают ответ.

У нас есть еще один интерес, и не тривиальный, к республиканизму правительств штатов; интерес, обозначенный также, как и упомянутый ранее, в том самом разделе, в котором этот республиканизм гарантирован. Это относится к защите от вторжения. Правительство общей юрисдикции обязалось защищать каждый из штатов от вторжения. Не имеет значения, дали ли мы такое обещание свободным или рабовладельческим штатам? Нет ли разницы в стоимости и опасности защиты одного или другого? Разве для стоимости жизни и денег, затраченных на это предприятие, не имеет значения, будут ли жители захваченного государства объединены, как это естественно для свободных людей, как один человек против врага? Или, как в рабовладельческих государствах, половина из них будет гореть желанием присоединиться к врагу с целью кровью искупить долгий счет несправедливости, который накопится против их угнетателей? Массачусетс, который во время революционной войны предоставил больше людей для общей обороны, чем все шесть южных штатов вместе взятых, — поклялась ли она сразу по окончании этой войны, как того хотели бы рабовладельцы, что она снова расточит свою жизнь подобным образом для защиты тех, чьи злодеяния и тирания в мирное время неизбежно умножат число их врагов и сделают их беззащитными на войне? Если да, то по какому принципу или ради какого эквивалента она это сделала? Разве она скорее не позаботилась о том, чтобы гарантия республиканского правительства была включена в тот же параграф, что и гарантия защиты от вторжения, чтобы отчетливо обозначить как принцип, так и степень ответственности, которую она понесла?

Таким образом, нация в целом, как политическое сообщество в соответствии с конституцией, имеет как интересы, так и права, и то и другое имеет наиболее важный характер в рамках республиканства правительств каждого из штатов. Следовательно, гарантия, данная

национальной конституцией и обеспечивающая такое правительство каждому из штатов, не является ни официозной, ни дерзкой. Напротив, эта гарантия была *непременным* условием любого национального союзного договора; и ее выполнение в равной степени необходимо, если не для продолжения союза вообще, то уж точно для его продолжения на любых условиях, которые являются безопасными, почетными или справедливыми для севера.

Таким образом, эта гарантия - не пустое словоблудие. Она полна смысла. И это значение фатально не только для самого рабства, но и для всех тех предлогов, конструкций, предположений и импликаций, с помощью которых утверждается, что национальная конституция санкционирует, легализует или даже допускает рабство.

[18] Эта формулировка Верховного суда содержит признание истинности обвинения, только что выдвинутого против судей, а именно: что вместо того, чтобы лишиться своих должностей, они нарушат то, что, как они знают, является законом, в угоду законодательным органам, от которых они зависят; поскольку, во-первых, признается, что сохранение *прав* людей является жизненно важным принципом права, и, 2. суды (и Верховный суд Соединенных Штатов в частности) будут попирают этот принцип по указке законодательной власти, когда мандат будет принят в форме закона, обладающего такой *"непреодолимой ясностью"*, что от его значения невозможно будет уклониться.

[19] "Законы толкуются строго для сохранения права".—*Уитни и др. против Эммета и др.*, 1 Болдуин, С.С.Р. 316.

"Ни один закон не заставит конструкцию работать неправильно; и есть некоторые вещи, которые закон одобряет, а некоторые ему не нравятся; он отдает предпочтение тем вещам, которые проистекают из естественного порядка вещей". —*Юридический словарь Джейкоба, заглавное право*.

[20] В конвенции, которая разрабатывала конституцию, когда обсуждался этот пункт, о "слугах" говорилось как о классе, отличном от "рабов". Например, "мистер Батлер и мистер Пикни выдвинули требование "выдавать беглых рабов и слуг как преступников"." Мистер Шерман возражал против выдачи рабов или слуг. Он сказал, что "видит не больше пристойности в публичном захвате и передаче раба или прислуги, чем лошади". —*Madison Papers, cmp. 1447-8*.

Окончательно принятый язык показывает, что они, наконец, согласились выдать "слуг", *но не "рабов"*— поскольку слово "слуга" не означает "раб", слово "служба" не означает рабство.

Эти замечания конвенции цитируются не потому, что намерения конвенции имеют хоть малейшее юридическое значение; но чтобы опровергнуть глупые аргументы тех, кто утверждает, что конвенция, а не народ, принял конституцию — и что конвенция не понимала юридической разницы между словами "слуга" и "рабыня", и поэтому использовала слово "служба" в этом пункте как означающее рабство.

[21] Гиббонс *против* Огден. — (Уитон, 9: 1.)

[22] "Правительство (США) исходит непосредственно от народа; "предписано и установлено" именем народа". —*Мак'Каллох против Мэриленд*, 4 Уитон, 403.

"Правительство Союза решительно и по-настоящему является правительством народа; и по форме, и по существу оно исходит от него. Его полномочия предоставлены ими и должны осуществляться непосредственно на них и в их интересах". — *То же*, страницы 404, 405.

"Конституция Соединенных Штатов была установлена не Соединенными Штатами в их суверенном качестве, а решительно, как провозглашено в преамбуле конституции, "народом Соединенных Штатов"". — *Мартин против Арендатор Хантера*, 1 Уитон, 324.

[23] То есть лица мужского пола. Конституция, когда бы она ни использовала местоимение "президент", неизменно использует мужской род, из чего можно сделать вывод, что предполагалось, что только лица мужского пола будут иметь право занимать эту должность.

[24] Сомерсет не был гражданином Англии и не имел права, как такового, на защиту английского законодательства. Привилегия судебного приказа о *хабеас корпус* была предоставлена ему просто на том основании, что он мужчина.

[25] От кого исходят эти возражения против "уместности" вмешательства правительства общей юрисдикции в поддержание республиканства в штатах? Разве они не исходят от тех, кто когда-либо до сих пор утверждал, что правительство общей юрисдикции было обязано вмешаться, чтобы *подавить республиканизм*? И что те, кто были *республиканцами* на севере, могли с совершенной "пристойностью" и последовательностью пообещать свою помощь деспотам юга, чтобы поддерживать худшую, подлую и отвратительнейшую из тираний? Да, от того же самого. Вмешиваться, чтобы помочь одной половине населения государства в трусливом, жестоком и дьявольском деле по превращению другой половины в землю, в точности соответствует их рыцарским представлениям о "приличиях"; но для них невыносимо навязчиво заключать какие-либо политические соглашения, которые потребуют от них вмешательства для защиты слабых от тирании сильных или для поддержания справедливости, свободы, мира и самоотверженности.

[26] Эли Уитни.

ГЛАВА IX.

НАМЕРЕНИЯ КОНВЕНЦИИ.

Намерения создателей конституции (если бы мы могли иметь, поскольку мы не можем иметь о них никаких *юридических* знаний, кроме как из слов конституции) не имеют ничего общего с установлением юридического значения конституции. Этой конвенции не было поручено принимать или учреждать конституцию; а только консультироваться, разрабатывать и рекомендовать. Документ, когда он попал из их рук, был простым предложением, не имеющим юридической силы или полномочий. В конечном счете, вся его действенность и обязательность как структуры правления вытекала из его принятия народом в целом.[27] Конечно, намерения широких слоев населения являются единственными, которые имеют какое-либо значение, которое следует учитывать при определении юридического значения документа. И об их намерениях следует полностью судить по словам, которые они использовали для их выражения. И следует предполагать, что их намерения - это именно то, и только то, что *юридически* выражают слова документа. Принимая конституцию, люди действовали как законодатели в

самом высоком смысле, в котором это слово может быть применено к законодателям-людям. Они устанавливали закон, который должен был регулировать как их самих, так и их правительство. И об их намерениях, как и о намерениях других законодателей, следует судить по словам их постановлений. Таково требование как закона, так и здравого смысла.^[28] Об этом документе сообщил их комитет, конвенция. Но люди не спросили этот комитет, каково юридическое значение представленного документа. Они приняли его, самостоятельно оценив его юридическое значение, как сделал бы любой другой законодательный орган. У людей в целом не было даже возможности проконсультироваться с членами конвента, чтобы выяснить их мнение. И даже если бы они проконсультировались с ними, они бы вообще не были связаны их мнениями. Но, не имея возможности проконсультироваться с ними, они были вынуждены принять или отклонить документ, исходя из своего собственного суждения о его значении, без какой-либо ссылки на мнения конвенции. Следовательно, документ теперь следует рассматривать как выражающий намерения народа в целом, а не намерения конвенции, если у конвенции были какие-либо намерения, отличные от значения, которое закон придает словам документа.

Но почему сторонники рабства прибегают к дебатам в конвенте в поисках доказательств того, что конституция разрешает рабство? Очевидно, ни по какой иной причине, кроме как потому, что слова документа не санкционируют его. Но могут ли намерения этого съезда, подтвержденные лишь кратким изложением его дебатов, а не каким-либо впечатлением от самого документа, что-либо добавить к словам или юридическому значению слов конституции? Явно нет. С юридической точки зрения их намерения имеют не больше значения, чем намерения любого другого равного числа тогдашних избирателей страны. Кроме того, как участники конвенции, они даже не были участниками документа; и никакие доказательства их намерений на *тот* момент неприменимы к данному делу. Они стали участниками его только присоединившись к остальным людям при его последующем принятии; и тогда следует предположить, что они сами, наравне с остальными людьми, приняли его юридическое значение, и только это — несмотря на все, что они могли сказать ранее. Какой же абсурд тогда ставить мнения, выраженные в конвенте и лишь несколькими его членами, в противовес мнениям, выраженным всем народом страны, в самой конституции.

Но, несмотря на мнения, выраженные в конвенции некоторыми членами, мы обязаны, с точки зрения закона, исходить из того, что сама конвенция в совокупности не имела намерения санкционировать рабство — и почему? Потому что после всех своих дебатов они согласовали документ, который не санкционировал это. По общему признанию, именно в результате все их дебаты прекратились. Этот документ также является *единственным* подлинным доказательством их намерений. По дате он следует за всеми другими доказательствами. Оно также дошло до нас, как и ни одно другое свидетельство, *подписанное их собственными руками*. И должно ли это быть отменено, а сама конституция подвергнута импичменту и уничтожена, а свободное правительство свергнуто на основании нескольких скудных обрывков аргументов, намерений или мнений, высказанных лишь несколькими членами парламента; записанных одним из них (мистером Мэдисоном) просто для его собственного удобства или по подсказкам его собственного разума; и доведенных до нас только пятьдесят лет спустя посмертной публикацией его работ? Если что-то и могло вызвать крайнее презрение народа этой страны к жалким уловкам, к которым прибегают защитники рабства, то, казалось бы, то, что они приводят такие доказательства в поддержку своего дела, должно это сделать. И все же эти и подобные им простые фрагменты доказательств, все совершенно неприемлемые и

беспольные в своем роде для каких-либо юридических целей, составляют основу, само *непременное* условие всего аргумента в пользу рабства

Клялся ли мистер Мэдисон, когда он принимал присягу в качестве президента Соединенных Штатов, поддержать эти обрывки дебатов, которые он сохранил среди своих личных бумаг?— Или он поклялся поддерживать этот письменный документ, с которым согласился народ страны и который был известен им и всему миру как конституция Соединенных Штатов.[\[29\]](#)

Но даже если бы невысказанные намерения, которые эти заметки о прениях приписывают некоторым членам, были поддержаны всем съездом, у нас не было бы права возлагать ответственность за них на народ страны в целом. *Этот съезд заседал за закрытыми дверями*, и только спустя почти пятьдесят лет после того, как народ принял саму конституцию, эти частные намерения создателей стали достоверными. И даже сейчас все обнародованные доказательства подразумевают, *прямо и безоговорочно*, лишь немногих участников — даже не всех из рабовладельческих штатов. Намерения всех остальных, мы имеем право предполагать, совпадали с их голосами и словами документа; и поэтому у них не было возможности высказывать противоположные намерения в ходе дебатов.

Но предположим, что все члены конвента участвовали в этих намерениях — что тогда? Любые сорок или пятьдесят человек, подобных тем, кто создавал конституцию, могут теперь тайно состряпать другую, честную по своим условиям, и все же в тайном сговоре признаться друг другу в преступных целях, которых они намереваются достичь с ее помощью, если ее честный характер позволит им обеспечить ее принятие народом.— Но если народ примет такую конституцию, примет ли он тем самым какие-либо преступные и тайные цели ее авторов? Или, если признания вины этих заговорщиков будут обнародованы пятьдесят лет спустя, будут ли судебные трибуналы рассматривать их как дающие правительству какие-либо полномочия для нарушения юридического значения слов такой конституции и для их толкования таким образом, чтобы они служили преступным и бесстыдным целям ее создателей?

Члены конвента, как таковые, были простыми составителями конституции; и их личные цели, мнения или выражения, тогда высказанные в тайных заговорах, хотя теперь и раскрытые, могут быть не более доказательством намерений людей, принявших конституцию, чем тайные мнения или выражения составителей любого другого контракта могут быть предложены для доказательства намерений истинных сторон такого контракта. Как создатели конституции, члены конвента не придали ей никакой юридической силы. Они просто составили его и предложили народу в том виде, в каком это возможно с юридической точки зрения. Следовательно, народ, принимая его, не имел никакой ссылки на мнения конвенции. У них не было достоверных доказательств того, каковы были эти мнения. Они просто смотрели на документ. И они приняли даже его юридическое значение абсолютным большинством. Если бы этот документ содержал какую-либо ощутимую санкцию рабства, люди скорее бы сожгли его руками обычного палача, чем приняли бы его и, таким образом, продали себя в рабство в качестве сутенеров, покрытых шрамами, полученными в боях за свободу. И члены конвента знали, что таково было мнение значительной части народа; и по этой причине, если не по какой-либо другой, они осмелились включить в документ никакой юридической санкции рабства. Они предпочли довериться своему искусству и влиянию, чтобы подкупить правительство (важными членами которого они сами ожидали стать) после того, как должна была быть принята конституция, вместо того, чтобы просить необходимых полномочий

непосредственно у народа. И успех, которого они добились в развращении правительства, доказывает, что они правильно рассудили, предположив, что правительство будет более гибким, чем народ.

Также и по другим причинам людей не следует обвинять в умысле санкционировать какие-либо тайные намерения конвенции. Когда штаты направили делегатов на съезд, не было сделано никаких заявлений о каком-либо намерении санкционировать рабство на национальном уровне. Статьи конфедерации ничего этого не давали; существовавшие тогда конституции штатов ничего этого не давали; и люди не могли разумно ожидать, что что-либо будет запрошено или предоставлено в новой конституции. Если бы такая цель была признана теми, кто стоял у истоков движения, конвенция, несомненно, никогда бы не состоялась. Признанные цели конвенции носили совершенно иной характер. Наиболее очевидными были коммерческие, промышленные и оборонительные мотивы. Когда же конституция вышла из рук такого конвента, не запятнанная никакими юридическими или материальными санкциями рабства, были ли люди — которые, исходя из характера дела, не могли собраться, чтобы разработать ее для себя, — обязаны либо отказаться от нее, либо считать себя ответственными за все тайные намерения тех, кто ее разработал? Разве у них не было власти принять его юридическое значение, и только это! Бесспорно, у них была власть; и, как с точки зрения закона, так и с точки зрения факта, столь же бесспорно, что они ею пользовались. Ничто иное, как конституция в качестве правового инструмента, не было предложено им для принятия. Юридически перед ними не было ничего другого, что они могли бы принять. Следовательно, ничего другого они не переняли.

Этот предполагаемый замысел конвенции санкционировать рабство, очевидно, не имеет никакого значения, если только он не может быть передан народу, принявшему конституцию. Была ли когда-либо показана какая-либо подобная передача? Ничего подобного. Возможно, это было известно среди политиков; и, возможно, нашло отражение в некоторых государственных конвенциях. Но, вероятно, существует немало свидетельств того, что это было широко известно среди массы людей. И, по природе вещей, было почти невозможно, чтобы это было известно им самим. Национальное собрание заседало за закрытыми дверями. Об их обсуждениях ничего не было известно, за исключением того, что было сообщено лично участниками. Даже обсуждения на съездах *штата* не могли быть известны широким слоям населения; конечно, только после того, как конституция была ратифицирована этими съездами. Ратификация документа этими конвенциями последовала непосредственно за их обсуждениями.—Население тем временем было разбросано по всей стране. Государственных газет было мало, они были небольшими и находились далеко друг от друга. Они даже не могли делать таких репортажей о дискуссиях государственных органов, как это сейчас делают газеты. Следствием, должно быть, было то, что люди в целом ничего не знали о намерениях создателей конституции, кроме как с ее слов, до тех пор, пока она не была принята. Тем не менее, следует постоянно иметь в виду, что даже если бы люди были полностью осведомлены об этих намерениях, они, следовательно, не приняли бы их или вообще не стали бы нести за них ответственность до тех пор, пока сами намерения не были включены в документ. Многие эгоистичные, амбициозные и преступные цели, не выраженные в конституции, несомненно, были предназначены для достижения тем или иным из тысяч беспринципных политиков, которые, естественно, собрались бы вокруг места рождения и помогли бы рождению нового и великолепного правительства. Но, следовательно, народ не несет ответственности за эти цели;

и, следовательно, эти цели не являются частью конституции; и ее формулировки не должны толковаться с какой-либо целью способствовать их достижению.

Но даже если люди намеревались санкционировать рабство, приняв намерения конвенции, очевидно, что они, как и конвенция, не намеревались использовать язык, который юридически передавал бы это значение или который обязательно обличал бы их в этом намерении в глазах мира.—У них, по крайней мере, было достаточно добродетельного стыда, чтобы побудить их скрыть это намерение под прикрытием языка, юридическое значение которого позволило бы им всегда утверждать,

"Ты не можешь сказать, что я это сделал".

Следовательно, намерение, чтобы судебная власть истолковала определенный язык как авторитет рабства, когда таковое не является юридическим значением самого языка, не может быть приписано народу, за исключением предположения, что люди предполагали, что их судебные органы будут иметь гораздо меньше стыда, чем они сами, чтобы добровольно выполнять эти свои тайные желания, выходя за рамки слов конституции, которую они должны были поклясться поддерживать, и нарушая все юридические правила построения и все свободные принципы документа. Это правда, что судебная власть (независимо от того, хотели этого люди или нет) показала себя, по крайней мере, намного более бесстыдной, чем народ или конвенция. Однако это не то, чего следовало ожидать от судебных инстанций. И действительно ли таковы были намерения конвенции или народа, является, по крайней мере, вопросом догадок и истории, а не закона или каких-либо доказательств, которые может подтвердить какой-либо судебный трибунал.

Почему мы вообще должны искать намерения либо конвенции, либо народа за пределами слов, которые и конвенция, и народ согласовали для их выражения? Какова цель писаных конституций, писаных статуты и письменных контрактов? Разве смысл тех, кто их составляет, не может быть понят с самой абсолютной точностью, на какую только способен язык? Разве это не для того, чтобы избавиться от всего обмана, неопределенности и разногласий, связанных с устными показаниями? Где была бы наша конституция, если бы вместо того, чтобы быть письменным документом, она была просто устно согласована членами конвента? И они только устно сообщили об этом народу? И только этот устный отчет об этом был принят народом? И все наши доказательства того, что это было на самом деле, основывались на сообщениях о том, что слышали от г-на А и г-на Б, членов конвента? Или на записях мистера Мэдисона о дебатах на съезде? Или на устных докладах, сделанных несколькими членами перед их соответствующими избирателями или на съездах соответствующих штатов? Или на основании разлетающихся сообщений о мнениях, которые сложились у нескольких человек из всего народа, когда они приняли его? Вероятно, ни один из двух членов конвента не согласился бы в своих представлениях о том, что такое конституция на самом деле. Ни один из двух человек не согласился бы в своем понимании конституции, когда они ее принимали. И следствием этого было бы то, что у нас на самом деле вообще не было бы конституции. Тем не менее, как в разуме, так и в законе есть столько же оснований для того, чтобы таким образом отбросить в сторону весь письменный документ и полностью довериться этим другим источникам в качестве доказательств того, чем на самом деле является любая часть конституции, сколько и для того, чтобы отбросить те конкретные части письменного документа, которые касаются рабства, и попытаться заменить их такими доказательствами, которые могут случайно предоставить эти

другие источники. И все же отбросить письменный документ, поскольку его положения запрещают рабство, и составить новую конституцию по этому вопросу на основе других свидетельств - это единственное средство, по общему признанию, единственное средство, с помощью которого рабство может быть признано конституционным.

И какова цель обращения к этим летучим отчетам в качестве доказательств, на основе которых можно изменить смысл конституции? Заключается ли это в замене инструмента с нечестного на честный? с несправедливого на справедливый? Нет. Но прямо наоборот — и только в том, что нечестность и несправедливость могут быть приведены в действие. Цель, для достижения которой никакие доказательства какого бы то ни было рода не могут быть приняты в суде.

Снова. Если признать принцип, согласно которому значение конституции может быть изменено при наличии доказательств того, что у ее составителей были тайные и подлые намерения, которые не отражаются на поверхности документа, тогда составителям конституций предоставляется полная свобода изобретать любой секретный план злодейства, который им заблагорассудится, и навязывать его народу в качестве системы правления под прикрытием письменного документа, который настолько откровенно честен и справедлив по своим условиям, что люди с готовностью соглашались с ним. Допустим ли такой принцип в стране, где народ претендует на прерогативу создания своего собственного правительства и отрицает право любого органа навязывать ему правительство либо силой, либо обманом, либо против его воли?

Наконец-то. Конституция - это контракт; письменный контракт, состоящий из определенного количества точных слов, с которым, и только с которым, теоретически согласились все его стороны. Очевидно, что ни настоящий договор, ни значение его слов не могут быть изменены без согласия всех его сторон. Также не может быть изменено представление, сделанное любым из них меньшим, чем целое, что они имели в виду что-либо отличное от того, что они сказали. Изменять его по представлению какой-либо части без согласия остальных было бы нарушением договора в отношении всего остального. И изменение его *юридического значения* без их согласия было бы таким же нарушением контракта, как и изменение его слов. Если бы в стране был хоть один честный человек, который добросовестно согласился с честным и юридическим значением конституции, было бы несправедливо и незаконно изменять значение документа таким образом, чтобы санкционировать рабство, даже если каждый другой человек в стране должен был засвидетельствовать, что, соглашаясь с конституцией, он намеревался санкционировать рабство. Если бы в стране не было *ни* одного честного человека, который принял бы конституцию добросовестно и с намерением привести в действие ее юридическое значение, ее юридическое значение, тем не менее, осталось бы прежним; ибо ни один судебный орган не мог бы на законных основаниях позволить сторонам, подписавшим ее, явиться в суд и заявить о своих нечестных намерениях и потребовать, чтобы они заменили юридическое значение слов документа.

[27] Верховный суд заявляет: "Документ, когда он вышел из их рук (то есть из рук конвенции), был простым предложением, без обязательств или претензий на него". "Люди были совершенно свободны принять или отклонить его; и их акт был окончательным".—*Мак'Каллок* против. *Мэриленд*, -4 *Уитон* 403-4.

[28] Верховный суд Соединенных Штатов заявляет:

"Намерение инструмента должно преобладать: *это намерение должно быть изложено в его словах*". —Огден против Сондерс,-12 Уитон, 332.

"Намерение законодательного органа следует искать в словах, которые законодательный орган использовал для его выражения". —*Schr. Груз Паулины* против *Соединенные Штаты*,-7 Крэнч, 60.

[29] "Дебаты Эллиота", на которые так часто ссылаются, являются, по возможности, более жалким авторитетом, чем заметки мистера Мэдисона. Похоже, большинство из них он почерпнул из газет того времени, в которых о них сообщал, вероятно, неизвестно кто. В своем предисловии к своему первому тому, содержащему дебаты на съездах в Массачусетсе и Нью-Йорке, он говорит:

"При составлении этого тома была предпринята попытка изучить современные публикации, чтобы сделать работу как можно более совершенной; тем не менее, исходя из повседневного опыта газетных сообщений настоящего времени, редактор понимает, что содержащиеся в них чувства могут быть в некоторых случаях неточно переданы, а в других, вероятно, слишком слабо обрисованы, чтобы полностью удовлетворить любознательного политика ". Он также говорит о них как о "спасенных от эфемерных впечатлений того времени и теперь, впервые, представленных в единообразной и долговечной форме".

В предисловии к своему второму тому, посвященному съезду в Вирджинии, он говорит, что о дебатах сообщал опытный стенографист Дэвид Робертсон; а затем цитирует следующее из мистера Вирта в примечании к "Жизни Патрика Генри":

"Благодаря мастерству и способностям репортера не может быть никаких сомнений в том, что суть дебатов, а также их общий ход точно сохранены".

В своем предисловии к третьему тому, посвященному конвенциям Северной Каролины и Пенсильвании, он говорит:

"В этом томе содержится *первая* из двух конвенций Северной Каролины; считается, что о *второй* конвенции не сообщалось систематически и не печаталось". "Дебаты в Пенсильванском конвенте, которые, по-видимому, сохранились, *ведутся только с одной стороны*; поиск в современных публикациях того времени оказался безуспешным, чтобы представить нам другую сторону вопроса".

В своем предисловии к четвертому тому он говорит:

"При составлении мнений по конституционным вопросам, высказанных в конгрессе некоторыми из наиболее просвещенных сенаторов и представителей, приходилось полагаться на подшивки нью-йоркских и филаделфийских газет за период с 1789 по 1800 год; с последнего периода и по настоящее время Национальная разведка является органом, к которому обращаются за желаемой информацией".

Именно из такого материала, как этот, собранного и опубликованного через тридцать пять-сорок лет после принятия конституции — материала, очень подходящего для воплощения конституционных мечтаний, — наши суды и народ сейчас создают свой конституционный закон, предпочитая принимать закон самой конституции. Таким образом, они создают закон, достаточно сильный, чтобы обратить в рабство три миллиона человек.

ГЛАВА X.

ПРАКТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Практика правительства в соответствии с конституцией не изменила юридического значения этого документа. Теперь это означает то, что он делал до того, как был ратифицирован, когда его впервые предложили народу для принятия или отклонения. Одно из преимуществ писаной конституции состоит в том, что она позволяет людям увидеть, каков ее характер, прежде чем они ее примут; и другое заключается в том, что она позволяет им увидеть, после того как они ее приняли, придерживается ли правительство ее или отходит от нее. Оба эти преимущества, каждое из которых необходимо для свободы, были бы полностью утрачены, если бы юридическое значение писаной конституции было одним, когда инструмент предлагался народу для принятия, и могло бы быть превращено правительством в нечто иное после того, как народ ее принял.

Следовательно, не имеет значения, какое значение правительство *have* придало этому документу; важно только то, какое значение они *были* обязаны придавать ему с самого начала.,,

Таким образом, единственный вопрос, который необходимо решить, заключается в том, каково было значение конституции, *как правового инструмента*, когда она была впервые составлена и представлена народу, и до того, как она была им принята?

На этот вопрос, безусловно, может быть только один ответ. — По этому вопросу нет места для сомнений или аргументов в пользу рабства. Сам документ является явно свободным во всем, что касается его языка, принципов и всех положений. Как юридический документ, в нем нет и следа рабства. Оно не только не санкционирует рабство, но даже не признает его существования. Более того, оно явно и полностью несовместимо с рабством. Это также высший закон страны, противоречащий любой конституции или закону штата, которые должны пытаться установить рабство.

Таков был характер конституции, когда она была предложена народу, и до того, как она была принята. И если таков был ее характер тогда, то таков он и сейчас. Его не могли изменить все ошибки и извращения, преднамеренные или непреднамеренные, в которых с тех пор могло быть виновато правительство.

ГЛАВА XI.

ПОНИМАНИЕ ЛЮДЕЙ.

Хотя расследование может не иметь юридического значения, оно, тем не менее, может иметь отношение к предмету, будь то вопрос *истории* даже — не говоря уже о юридических доказательствах — того, что *народ* страны действительно понимал или верил, что конституция санкционирует рабство? Те, кто делает это утверждение, обязаны доказать это. Предположение против них. Где их противоположная история?

Они скажут, что часть людей на самом деле были рабовладельцами, и что неразумно предполагать, что они согласились бы с конституцией, если бы понимали, что она свободная.

Ответ на этот аргумент заключается в том, что фактических рабовладельцев было немного по сравнению со всем народом; они составляли, вероятно, не более одной восьмой или одной шестой части избирателей и одну сороковую или одну тридцатую всего населения. Их было так мало, что они были явно неспособны поддерживать какую-либо отдельную политическую организацию; или даже удерживать свою собственность рабов, кроме как при попустительстве, веротерпимости и защите не рабовладельцев. Поэтому они были вынуждены согласиться на любую политическую организацию, которую должны были определить не-рабовладельцы. В то время это имело место даже в самых сильных из самих рабовладельческих государств. Во всех них, без исключения, рабовладельцы были либо обязаны жить, либо по собственному выбору жили в соответствии со свободными конституциями. Они, конечно, сохраняли свою собственность рабов вопреки своим конституциям. Они смогли сделать это благодаря тлетворному влиянию своего богатства и союза. Контролируя значительную часть богатства своих государств, их социальное и политическое влияние было совершенно непропорционально их численности. Они могли действовать согласованно. Они могли покупать таланты за почести, должности и деньги. Будучи всегда едиными, в то время как не-рабовладельцы были разделены, они могли перевернуть чашу весов на выборах и заполнить большинство должностей рабовладельцами. Многие из не-рабовладельцев, несомненно, были бедны, зависимы и подневольны (поскольку значительная часть не-рабовладельцев сейчас находится в рабовладельческих государствах) и прибегали к поддержке рабства почти по необходимости. Благодаря этим и, вероятно, многим другим влияниям, которые мы сейчас не можем понять, они смогли сохранить свою собственность рабов вопреки своим конституциям. Возможно даже, что сами рабовладельцы не хотели, чтобы тема рабства упоминалась в их конституциях; что они были настолько полностью осведомлены о своей власти коррумпировать и контролировать свои правительства, что не считали какое-либо конституционное положение необходимым для своей безопасности; и что просто из-за стыда за преступность этого явления и его несоответствие всем принципам, за которые боролась и провозглашала страна, они не хотели, чтобы это упоминалось.

Но какова бы ни была причина этого факта, бросается в глаза сам факт, что по той или иной причине, либо с согласия рабовладельцев, либо вопреки их власти, конституции каждого из тринадцати штатов были в то время свободными.

Теперь, не является ли праздным и бесполезным притворяться, что даже самые сильные рабовладельческие государства имели свободные конституции — когда ни одно из отдельных государств, действующих само по себе, не имело бы иной конституции, кроме свободной, — что все тринадцать, действуя в унисон, должны согласиться в установлении рабовладельческой? Эта идея абсурдна. Один тот факт, что конституции всех штатов были в то время свободными, навсегда рассеивает предлог о том, что большинство населения всех штатов либо намеревалось установить, *или могло быть вынуждено установить*, какую-либо иную конституцию, кроме свободной для нации. Конечно, это также опровергает утверждение о том, что они верили или понимали, что создают что угодно, только не свободное.

Весьма вероятно, что среди людей существовало общее убеждение, что рабство какое-то время будет существовать, если его терпеть; что правительство, пока нация не привяжется к

конституции и не укрепится привычкой к объединению, будет слишком слабым и слишком легко подкупаемым бесчисленными и могущественными средствами рабовладельцев, чтобы бороться с рабством и задушить его. Но предполагать, что нация в целом не рассматривала конституцию как направленную на уничтожение рабства, когда бы ее принципы ни применялись в полной мере, очевидно, означает предполагать интеллектуальную невозможность; поскольку документ был простым, а люди обладали здравым смыслом; и эти два факта не могут согласовываться с идеей о том, что имело место какое-либо общее или даже сколько-нибудь значительное непонимание его значения.

ГЛАВА XII.

КОНСТИТУЦИИ ШТАТОВ 1845 ГОДА.

Из всех существующих конституций штатов (за исключением конституции Флориды, которую я не видел) ни одна из них не содержит положений, достаточных (или которые были бы достаточными, если бы не ограничивались конституцией Соединенных Штатов), чтобы санкционировать рабство, существующее в штатах. Материальный недостаток всех них заключается в том, что они не назначают и не дают законодательным органам никаких полномочий назначать лиц, которые могут быть превращены в рабов. Без такого положения все остальные их положения, касающиеся рабов, являются недействительными просто потому, что их применение юридически неизвестно. Они были бы применимы как к белым, так и к черным, и в равной степени санкционировали бы порабощение белых, так и черных.

Мы уже видели, что ни одна из конституций штата, действовавших в 1789 году, вообще не признавала рабство. С тех пор четыре из старых тринадцати штатов, а именно Мэриленд, Северная Каролина, Южная Каролина и Джорджия, изменили свои конституции таким образом, чтобы заставить их признать рабство; но не таким образом, чтобы предусмотреть какое-либо юридическое обозначение лиц, подлежащих обращению в рабство.

В конституции Южной Каролины есть положение, которое подразумевает, что, по крайней мере, *некоторые* из рабов являются "неграми"; но не то, что все рабы являются неграми, и не то, что все негры являются рабами. Таким образом, это положение ничего не значит для целей конституционного определения лиц, которые могут быть превращены в рабов.

В конституциях Теннесси и Луизианы нет прямого упоминания о рабах; и в них нет положений в пользу рабства, если только таковым не является общий закон о продолжении действия существующих законов. Но в обоих случаях есть конкретные положения, несовместимые с рабством. Оба претендуют на то, что они установлены "народом"; в обоих есть положения о судебном приказе *habeas corpus*. Действительно, конституции большинства рабовладельческих штатов содержат положения об этом предписании, которое, как было показано ранее, отрицает право собственности у человека. Закон штата Теннесси также провозглашает, "что все суды должны быть открыты, и каждый человек за ущерб, нанесенный его землям, имуществу, личности или репутации, должен иметь средства правовой защиты в установленном законом порядке, а также права и правосудие, осуществляемые без продажи, отказа или задержки". Теннесси также ранее был частью Северной Каролины; был выделен из нее, в то время как

конституция Северной Каролины была свободной. Конечно, в Теннесси никогда не было законного рабства.

Конституции штатов Кентукки, Миссури, Арканзас, Миссисипи и Алабама содержат положения о рабах, но ни в одной из них не говорится нам, кто может быть рабами. Некоторые из них действительно предусматривают допуск в свое государство таких лиц, которые являются рабами по законам (что, конечно, означает только *конституционные законы*) *других государств*. Но когда мы обращаемся к этим другим штатам, мы обнаруживаем, что в их конституциях не указаны лица, которые могут быть обращены в рабство; и поэтому мы так же далеки от установления реальных лиц рабов, как и раньше.

Основное положение конституций нескольких штатов, признающее рабство, по существу, заключается в том, что законодательный орган не имеет права *освободить* рабов без согласия их владельцев или без выплаты компенсации. Но это положение бесполезно для легализации рабства, поскольку рабство должно быть *установлено конституцией*, прежде чем можно будет освободить каких-либо законных рабов; и это не может быть установлено без описания лиц, которые могут быть превращены в рабов.

Кентукки изначально был частью Вирджинии и вывел своих рабов из Вирджинии. Поскольку конституция Вирджинии всегда была свободной, она не давала права на рабство в той части штата, которая сейчас является Кентукки. Конечно, в Кентукки никогда не было законного рабства.

Рабство было положительно запрещено во всех штатах, включенных в покупку Луизианы, третьей статьей договора об уступке, которая заключается в следующих словах:—

Статья 3. "*Жители*" (то есть *все жители*) уступленной территории должны быть включены в состав союза Соединенных Штатов и допущены как можно скорее, *в соответствии с принципами федеральной конституции*, к пользованию всеми правами, преимуществами и иммунитетами *граждан* Соединенных Штатов; и, тем временем, они должны быть обеспечены и защищены в свободном пользовании своей свободой, собственностью и религией, которую они исповедуют".

Уступка Флориды Соединенным Штатам была осуществлена на тех же условиях. Формулировки договора по этому пункту следующие:—

"Статья 6. *Жители* территорий, которые его католическое величество уступает Соединенным Штатам по настоящему договору, должны быть включены в Союз Соединенных Штатов, как только это может быть совместимо с принципами федеральной конституции, и допущены к пользованию всеми привилегиями, правами и иммунитетами *граждан* Соединенных Штатов".

Позволять *любому* из "жителей", включенных в эти договоры, содержаться в качестве рабов или лишаться прав гражданства в соответствии с конституцией Соединенных Штатов, является явным нарушением договоров.

Конституции некоторых рабовладельческих штатов содержат подобные положения, а именно, что все законы, действовавшие ранее, должны оставаться в силе до тех пор, пока не будут отменены, если только они не противоречат настоящей конституции. Но я думаю, что нет ни одного случая, когда действия рабов, указанные в их законодательных актах, могли бы быть

увековечены этим положением — и по двум причинам; 1. Эти акты рабства ранее были неконституционными и, следовательно, с юридической точки зрения не являлись "действующими законами". [30] 2d. Я думаю, что в каждой конституции, содержащей это положение, есть одно или несколько других положений, которые *are* "противными" рабовладельческим актам. В

[30] Этот принцип применим, как мы видели ранее, там, где произошел переход от *колониального* правительства к правительству штата. Это также применялось бы ко всем случаям, когда в соответствии с конституцией Соединенных Штатов имело место изменение с *территориального* правительства на правительство штата. Не нужно никаких аргументов, чтобы доказать, что все наши территориальные законы, которые якобы разрешали рабство, были неконституционными.

ГЛАВА XIII.

ДЕТИ РАБОВ РОЖДАЮТСЯ СВОБОДНЫМИ.

Идея о том, что дети рабов обязательно рождаются рабами или что они обязательно следуют тому *естественному закону* собственности, который обеспечивает естественное увеличение собственности владельцу первоначального запаса, является ошибочной.

Это принцип естественного права в отношении собственности, согласно которому теленок принадлежит владельцу коровы, которая его родила; плод - владельцу дерева или виноградной лозы, на которых он вырос; и так далее. Но принцип *естественного права*, согласно которому теленок принадлежит владельцу коровы, не обязывает ребенка рабыни принадлежать владельцу рабыни — и почему? Просто потому, что и корова, и теленок являются *естественно* субъектами собственности; в то время как ни мужчины, ни дети не являются *естественно* субъектами собственности. Закон природы не оказывает помощи ничему, что не согласуется с самим собой. Следовательно, это не способствует передаче собственности у человека, в то время как это помогает передаче собственности у других животных и вещей.

Грубые животные и вещи, которые *естественно* являются объектами собственности, существуют очевидные причины, по которым естественный прирост должен принадлежать владельцу первоначального поголовья. Но мужчинам, не являющимся *от природы* субъектами собственности, закон природы не передаст никаких прав собственности, приобретенных в нарушение ее собственной власти. Закон природы отрицает все права, не полученные от нее самой. Конечно, она не может увековечивать или передавать такие права — если их можно назвать правами.

Одна из важных причин, по которой теленок принадлежит владельцу коровы, которая его родила, заключается в том, что *не существует принципа естественного права, который можно было бы противопоставить такому владению*. Ибо теленок, естественно, является предметом собственности, и если бы он не был передан владельцу коровы, любое другое лицо имело бы законное право присвоить его себе. Таким образом животному не было бы причинено никакого вреда. Но поскольку человек естественным образом не является субъектом собственности, и поскольку каждый отдельный индивид, согласно принципам естественного права, имеет право распоряжаться своей собственной личностью, делать рабом ребенка

рабыни - такое же зло и такое же нарушение естественного права, как и делать рабом любого другого человека. Естественные права ребенка на контроль над своей собственной личностью возникают с момента его рождения в противовес передаче ему какой-либо собственности, которая в нарушение естественного права была передана родителю.

Естественный закон может быть преодолен произвольными институтами; но она никогда не будет помогать им или увековечивать их. Для нее это означало бы сопротивляться и даже отрицать свою собственную власть. Это было бы примером принципа, борющегося с самим собой и преодолевающего его. Вместо этого она утверждает свой собственный авторитет при первой возможности. В тот момент, когда произвольный закон истекает в силу своего собственного ограничения, естественный закон возобновляет свое господство. Следовательно, если правительство объявит А рабыней, естественный закон может быть практически отменен этой произвольной властью; но она сама не будет увековечивать его за пределами личности А - ибо это было бы действием, противоречащим ей самой. Следовательно, она допустит, чтобы эта произвольная власть распространялась на личность А. в соответствии с *буквой* произвольного закона; но она будет отстаивать свою собственную власть в пользу ребенка А., к которому буква закона, порабощающего А., неприменима.

Рабство - это зло для каждого порабощенного человека, и не только для первого из ряда. Следовательно, естественный закон в такой же степени запрещает порабощение ребенка, как если бы неправомерное порабощение родителя никогда не совершалось.

Таким образом, рабство во всем является произвольным институтом. Оно зависит от начала и до конца от буквы произвольного закона. Естественный закон не дает ему никакой помощи, никакого расширения, никакого нового применения ни при каких обстоятельствах. Таким образом, если буква закона о произволе прямо не разрешает порабощение ребенка, ребенок рождается свободным, хотя его родитель был рабом.

Если взгляды, которые уже были высказаны в отношении наших письменных конституций, верны, то ни один родитель еще никогда не был законно порабощен в этой стране; и, конечно же, ни один ребенок. Однако, если кто-то думает, что может указать пальцем на какой-либо *конституционный* закон, который поработил родителя, пусть он последует этому закону и посмотрит, разрешает ли он также прямо порабощение ребенка. Если бы этого не произошло, то ребенок был бы свободен.

Нет ничего нового в том, что ребенок рабыни родился бы свободным, если бы не прямой закон об обратном. Некоторые кодексы о рабстве признают этот принцип, поскольку в них есть специальные положения о том, что ребенок должен следовать условиям матери; таким образом, фактически признается, что, если бы не такое положение, ребенок был бы свободным, хотя мать была рабыней.

Согласно конституциям штатов и Соединенных Штатов, для того, чтобы сделать рабами детей рабов, требуется столь же явная и полная *конституционная* власть, как и для того, чтобы сделать рабами любого другого человека. Есть ли в какой-либо из конституций этой страны какие-либо общие полномочия, данные правительствам, делать рабами тех, кого им заблагорассудится? Никто не будет претендовать на это. Существует ли, таким образом, какое-либо конкретное основание для обращения в рабство детей тех, кто ранее содержался в рабстве? Если таковое имеется, пусть защитники рабства укажут на это. Если такой власти не

будет, все их законы, провозглашающие, что дети рабынь должны следовать положению своих матерей, недействительны; и эти дети свободны в силу закона природы.

Этот закон природы, согласно которому все люди рождаются свободными, был признан этой страной в Декларации независимости.—Но тогда это не было новым принципом. Юстиниан говорит: "И плен, и рабство противоречат закону природы, ибо по этому закону все люди рождаются свободными". Но этот принцип не был новым для Юстиниана; он существует в природе человека и так же стар, как и сам человек, — и человеческая раса в целом признала это. Исключения были особыми; правило общим.

Конституция Соединенных Штатов признает принцип, согласно которому все люди рождаются свободными; поскольку она признает принцип, согласно которому естественное рождение в стране дает гражданство^[31]— что, конечно, подразумевает свободу. И никаких исключений из этого правила не делается. Конечно, все, кто родился в стране с момента принятия конституции Соединенных Штатов, родились свободными, независимо от того, были или не были какие-либо законные рабы в стране до этого времени.

Даже положения конституций нескольких штатов о том, что законодательные органы не должны *освобождать* рабов, если бы их полное действие не ограничивалось конституцией Соединенных Штатов, удерживали бы в рабстве только тех, кто на тот момент был рабами; это ничего не сделало бы для порабощения их детей и не дало бы законодательным органам полномочий порабощать их.

Следовательно, ясно, что только по этому принципу рабство в нашей стране было бы прекращено, если бы не исключение в виде нескольких пожилых людей.

^[31] Статья 2, раздел 1, пункт 5: "Ни одно лицо, за исключением *гражданина, родившегося* по рождению * * *, не может претендовать на должность президента".